

Дис Кейн

КАЖДЫЙ ОХОТНИК
ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ

Семья юного Кенрона оказывается между двух огней — силами мятежников и правительством. Каждая из сторон желает уничтожения другой и никто из них не верит в то, что Кенрон и его родители не желают ввязываться в разборки двух могущественных группировок. Юному охотнику предстоит разобраться с проблемой, которую взрослые пустили на самотек, хотя у него есть собственные планы, требующие исполнения.

Глава 1

В тот день Соки отправился охотиться на человека.

Лишь изредка Соки охотился на добычу крупнее себя. Обычно он поедал недавно вылупившихся птенцов, воровал из гнезд яйца или откусывал головы мелким грызунам, если те не успевали спрятаться в густой траве. Иногда в часть леса, где жил Соки, забредала антилопа. Вид ее завораживал и пугал: длинные ноги выглядели вкусными и одновременно грозили смертью.

Антилопа была больше его и быстрее, но, чтобы убить ее, хватало одного укуса. Вся сложность для Соки была в том, чтобы подкрасться к антилопе незаметно. Подобравшись достаточно близко, он бросался на нее и кусал за ногу, затем отпрыгивал назад, чтобы увернуться от удара копытом.

Антилопа немедленно удирала в чащу леса — пытаться догнать ее было напрасной тратой сил. Соки трусцой бежал вперед, он нюхал воздух, пытаясь уловить запах крови. Антилопа не могла выжить после его укуса, но могла сбежать от него и не дать насладиться своим нежным мясом. Преследование было сложным только поначалу, пока ее рана едва кровоточила. Соки мог потерять след, и тогда ему приходилось кружить по лесу, чтобы снова уловить запах крови. Чем дальше он шел по следу, тем сильнее становился запах, вскоре он находил пятна крови на траве и листьях. Кровь всегда казалась свежей, хотя могла пролежать на листе несколько часов.

После укуса Соки рана уже не заживала, и он прекрасно это знал. Рана на ноге антилопы расширялась сама собой при каждом скачке, пока испуганное животное пыталось сбежать. Когда Соки, наконец, настигал ее, она лежала чуть живая в луже крови. После его укуса рана разрослась в оголяющий кость разрыв размером во всю голень.

Соки уже начал забывать вкус антилоп: так редко они заходили в его часть леса. Птиц стало меньше, несколько дней кряду Соки ходил голодным. Он уже подумывал, что ему не хватит пропитания и придется наведаться к соседям, когда необычный зверь забрел на его территорию. Человек был один, и он сильно отличался от людей, которых Соки видел ранее.

Когда Соки впервые увидел людей, они сразу же его заинтересовали. Тогда их было пятеро, они были невероятно высокими, даже выше антилопы, которая вставала на задние ноги, чтобы добраться до листьев на нижних ветвях деревьев. Их шкуры были черно-зелеными, из-за чего Соки было непросто разглядеть людей на фоне деревьев.

В тот раз он встретил людей не один, с ним была его мать. Она издала протяжный гортанный звук, глядя в их сторону, так она обозначила название этого вида существ для Соки. Как только Соки направился к людям, чтобы рассмотреть их получше, он почувствовал, как зубы матери впелись в его ухо. Мать потянула его в противоположную от людей сторону. В тот день они больше не охотились, а сразу вернулись к одному из своих гнезд в дальней части леса. Это гнездо было давно заброшено, и Соки не понимал, почему они никогда в нем не ночевали, а лишь иногда пережидали дождь или дневную жару.

Мать отвела его к груде мелких костей неподалеку от гнезда, там покоились пять черепков и части небольших скелетов с короткими лапами и длинными хвостами, прямо как у Соки. Она указала на них носом и издала тот же звук, которым обозначала человека.

Человек был здесь, понял Соки. А о происхождении костей у входа в нору ему и без того было известно. То был один из предыдущих пометов матери — его старшие братья и сестры,

которые так и не дожили до возраста, когда смогли бы охотиться.

С того момента Соки и не думал приближаться к людям. Если бы они однажды пришли и заняли его часть леса, он бы просто сбежал, не пытаясь отстоять свою территорию. Однако человек, которого Соки встретил в тот день, вызывал у него скорое любопытство, чем страх. Этот человек был вдвое ниже тех, которые приходили ранее. Возможно, он был ребенком, недокормышем или же чем-то болел. В любом случае: раз вдвое меньше, значит, вдвое слабее.

А еще человек был покрыт белой шерстью, из-за чего сразу же бросался в глаза на фоне зеленой листвы и коричневых стволов деревьев. Этот человек отличался от своих собратьев так же, как птенец отличался от взрослой птицы. Даже выглядел таким же потерянным, непонимающим, где находится, постоянно озирался по сторонам; то шел вперед медленным шагом, то останавливался, будто пытаясь что-то вспомнить.

Соки отправился вслед за человеком, выжидая подходящего момента для нападения. Человек вполне мог устроить привал или попросту свалиться от голода и усталости, тогда укусить его было бы еще проще. Однако человек шел, пусть и не быстро, но уверенно, признаков усталости не выказывал. Так он вполне мог выйти за территорию Соки, и тому пришлось бы прекратить преследование или сражаться за добычу с соседями.

Как только Соки решил, что сейчас подходящий момент для того, чтобы кинуться вперед и вцепиться зубами в голень человека, нечто сбило его с лап и повалило на землю. Соки почувствовал знакомый запах, он вскочил на лапы и, оглядевшись, увидел серую с белой полосой морду своего обидчика. Тонкие острые зубы зверя торчали вверх и вниз, даже когда пасть была закрыта, серая шерсть всклокочена, а нескольких усиков на вытянутой морде не доставало.

Паран редко заходил на территорию Соки, хотя, тот никогда не пытался его прогнать, а, если и рычал, то только для вида.

— Соки, — проклекотал Паран.

— Паран, — ответил Соки почти таким же надрывистым голосом, после чего издал звук, обозначающий человека, и посмотрел в сторону, куда шел до этого.

Паран отпрыгнул, словно ожидал, что человек уже собирался в него вцепиться.

Две пары челюстей лучше, чем одна, быстро сообразил Соки. Две ядовитые раны быстро остановят жертву, пусть мясом и придется поделиться.

Соки трусцой бросился вперед, вскоре он увидел белую шкуру, мелькающую между деревьями. Поначалу Паран держался позади, явно не одобряя идею преследовать человека, но как только он разглядел небольшой рост их добычи, тут же метнулся вперед и обогнал Соки.

Паран бежал, ныряя под поваленными стволами деревьев, перепрыгивая ямы и огибая пни. Он быстро сократил дистанцию до человека, в этот момент сам человек бросился бежать. Соки сорвался с места, он фыркал на ходу, проклиная глупость Парана. Но в то же время он видел и выгоду в таком раскладе: если Паран нападет первым, сразу же станет ясно, может этот низкий человек с белой шерстью дать отпор или нет.

Паран словно понял задумку Соки и сбавил темп, вскоре они поравнялись.

Соки хорошо знал эту часть леса: впереди была большая поляна, перегороженная поваленным стволом дерева. На эту поляну они с Параном несколько раз загоняли добычу, после чего сытые часами валялись в высокой траве. Соки знал каждую кочку и каждую яму на этой поляне, он даже вырыл там небольшую нору под упавшим стволом дерева. Лучшего

места для нападения было не найти.

Вскоре показался просвет между деревьями, человек с белой шерстью бежал напрямиком к поляне.

Преследовать человека становилось все проще: его бег замедлялся, Соки же почти не чувствовал усталости. Очевидно, преследование подходило к концу.

Человек выбежал на середину поляны и остановился. Он обернулся, что заставило Соки вцепиться лапами в траву и прильнуть к земле.

Паран также замер под взглядом человека. Прятаться на виду у своей будущей жертвы было одним из любимых занятий Соки. Именно в момент, когда он глядел в глаза своей обреченной добыче, его сердце билось сильнее. Он был в тени папоротника — человек мог и вовсе его не видеть, хотя смотрел в его сторону.

План охоты был прост. Они чуть выждут, и, если человек не отвернется, Паран обойдет поляну и нападет сзади. Соки нужно было лишь немного проползти вперед, и он смог бы прыгнуть, перелететь треть поляны и впиться зубами в незащищенную ногу.

Ядовитая слюна капнула с губы. Инстинкт подсказывал Соки прильнуть к земле под взглядом жертвы, но этот инстинкт лишь не давал его жертве обнаружить опасность и убежать. Человек же не был быстрым бегуном, ему уже было не уйти с поляны, даже если бы он бросился бежать прямо сейчас. Соки пополз вперед, противясь инстинкту замереть на месте. Ему стоило оказаться на расстоянии прыжка, и все бы завершилось в одно мгновение.

Человек что-то выкрикнул, его голос и интонация не показались Соки угрожающими. Звук больше походил на пение птиц, чем на грозное рычание хищника или отчаянный стон обреченной антилопы. И это впервые заставило Соки усомниться в его затее. Каждый раз, когда животное издавало звук в лесу, оно обращалось к кому-то, будь то угроза или просьба о помощи. Никто и никогда на его памяти не нарушал тишину леса без причины. Если человек не пытался напугать их с Параном, к кому был обращен этот клич?

Соки почувствовал, как нечто сжало его тело и оторвало от земли. Он махал лапами в воздухе, словно барахтаясь в воде, но не мог коснуться примятой травы под собой. Он взглянул на Парана: тот тоже висел в воздухе, поднятый неведомой силой. Тем временем белый низкий человек все так же оставался в центре поляны, он не пытался убежать или подойти ближе. Соки выгнул шею и взглянул за спину — никого. Его шерсть была чем-то примята, но никакого нового зверя за ним не было, лишь деревья и кустарник, мимо которых он недавно пробежал. Да и не мог к нему никто подобраться незаметно — на то у Соки были уши и нос.

Паран не двигался, он обмяк, лапы, хвост и голова безвольно свисали, будто он решил вздремнуть посреди охоты. Паран не спал, из его шеи на землю сочилась струйка крови. Запах этой крови Соки тут же почуял. Он дернулся раз, другой, третий, пытаясь вырваться из невидимой хватки, принялся царапать шерсть на боках когтями — ничего не помогало освободиться. Наугад Соки укусил то, что было за его спиной, зубы впились в плоть, он почувствовал вкус крови; ядовитая слюна хлынула в рану неведомого существа. Тут же в шею Соки вонзилось нечто острое и холодное. Короткая вспышка боли завершила охоту Соки.

Тот день явно выдался неудачным для четырнадцатилетней Нансы. Она бежала по лесу, перепрыгивая через поваленные деревья и продираясь сквозь густые кустарники. Позади слышался шорох, то ближе, то чуть дальше. Она все никак не могла понять, что за животное ее преследует. В этой части леса нет ни одной дикой твари, которая рискнет напасть на

охотника, говорили ей.

А что толку? Разве она похожа на охотника? У нее и оружия-то нет. Да и она, сколько себя помнила, не лишила жизни ни одного живого существа, кроме, разве что нескольких рыбешек, выловленных из реки. Нанса перепрыгнула через поваленный ствол березы и проскочила под низкими ветвями дерева. На мгновение ей почудилось, что кто-то укусил ее за икру, отчего она чуть не завопила. Впереди между деревьями показался свет.

Нанса отогнула ветви кустарника и выбежала на поляну. Огромный упавший ствол сосны преграждал ей путь. Она смогла бы перемахнуть через него, оттолкнувшись руками, но вместо этого уперлась в поваленное дерево ладонями и рывком развернулась. Довольно с нее этой глупой беготни. Кто бы там ни был, она встретит его во всеоружии. Или по крайней мере, с толстой палкой, которой и огреть можно. Она подцепила носком туфли сосновую ветвь, что валялась у ее ног, подбросила в воздух и схватила за край.

Вскоре в тени папоротника показалось гнавшееся за ней существо — крупная, если не сказать — огромная, крыса с кривыми зубами и свалявшейся серой шерстью. С такими размерами животное, несомненно, хозяйничало в этой части леса. Вряд ли она боялась кого-то, кроме людей, да и то, как видно, далеко не всех. Возможно, ее белый костюм из шерсти смутил животное, заставил его потерять страх и подтолкнуть к погоне за ней. Нанса гордилась этим костюмом собственной работы, но знай она наперед, что в лесу возникнут такие проблемы, ни за что не надела бы его. Чего уж там, она и вовсе осталась бы дома, пусть день и прошел бы для нее скучнее некуда. На такие приключения она не подписывалась.

Тем временем, Крыса повернула морду в сторону. Проследив за ее взглядом, Нанса увидела еще одно похожее существо, высунувшее нос из-за ствола сосны. Ей захотелось крикнуть, неважно что, лишь бы звучало это достаточно страшно, чтобы лесные твари оставили ее в покое. Можно было швырнуть в одну из них палку, правда, тогда она осталась бы без оружия. Или забраться на поваленное дерево, правда тогда она могла стать более легкой мишенью.

Нанса стиснула зубы от досады — все эти идеи были полнейшей глупостью. Она зашла в эту часть леса не для того, чтобы убежать от крыс или сражаться с ними. Ей сулили легкую приятную прогулку, путешествие к уникальному месту, которого она не видела, и при этом обещали полную безопасность. Про огромных ядовитых крыс разговора не было.

Нанса набрала полную грудь воздуха и крикнула:

— Да что с вами?! Не об этом мы договаривались!

Крик смутил крыс лишь на мгновение, медленно они поползли к ней, перебирая короткими лапами. Нанса шагнула назад и уткнулась голенью в ствол поваленной сосны, а она уж и забыла про него. Вздвогнув, она обернулась и тут же поняла, что это было ошибкой. В этот момент одна из крыс могла прыгнуть к ней, раскрыв пасть с длинными кривыми зубами.

Крысы так и не воспользовались ее замешательством, они не смогли даже двинуться с места. Оба ядовитых зверя висели в воздухе и беспомощно болтали лапами с длинными грязными когтями. Одна из крыс отчаянно вертела головой, пытаясь понять, что с ней происходит.

В следующий момент на траву упали крупные капли крови.

Крыса, что была дальше от Нансы, замерла. Она словно бы уснула, понутив голову, при этом касаясь травы лишь длинным хвостом. Кровь полилась из ее шеи и раскрытого рта.

Вторая крыса, словно поняв, какая опасность ей грозит, принялась бешено озираться — будто пытаюсь укусить то, что удерживало ее в воздухе. Сопротивляться ядовитой твари оставалось недолго, миг спустя, голова с длинным носом поникла, струйка крови полилась на траву. Со злости Нанса швырнула палку на землю, та разлетелась от удара на три части, показав, насколько плохое из нее вышло бы оружие.

Перед Нансой появились два ее приятеля, которые и надоумили отправиться в лес этим утром. Они словно возникли из воздуха без малейшего предупреждения. Оба сидели на одном колене в похожих позах, в одной руке каждый из них за шкуру держал огромную крысу. Оба были вооружены охотничьими ножами, которые только что пустили в дело.

Одеты мальчишки были одинаково: в костюме из черной плотной ткани с зелеными укрепленными пластинами на груди и предплечьях. Это была охотничья униформа, которую Нанса не могла себе позволить. Спас бы ее черно-зеленый костюм от излишнего внимания лесных обитателей, сейчас сказать было сложно. Ей бы точно не помешала магия, которая делала мальчишек незримыми. С такой способностью ядовитые крысы не доставили бы ей ни малейших хлопот. К сожалению, для Нансы, исчезать, как ее приятели, она не умела, хотя, видят духи леса, отдала бы немало за то, что было доступно ее друзьям почти с рождения.

Одного из парней, худощавого, с длинными волосами, собранными в пучок, звали Кенрон. Второй, Ирман, был заметно крупнее, мускулистее, его белые волосы были коротко стрижены, на щеке красовался чуть заметный шрам от неудачно брошенного им самим метательного ножа. Все они были одногодками, не достигшими еще пятнадцати лет.

— Почти одновременно, но я все же был быстрее, — не без гордости произнес Ирман.

— Как скажешь, приятель, — ухмыльнулся Кенрон. — Но мне кажется, нам не стоило ждать до последнего.

Он стер кровь с ножа платком, спрятал оружие в ножны, после чего положил тушу добытой крысы в мешок из холщовой ткани.

Убедившись, что обе крысы мертвы, Нанса села на бревно и попыталась восстановить дыхание.

— Почему вы возились так долго? — спросила она.

— Думал, может, тебе удастся оторваться, тогда не пришлось бы их убивать. — сказал Кенрон.

Нанса взглянула на него с укором.

— Вот бы заставить тебя так побегать, молодой человек, — процедила она. — Посмотрела бы я, как ты по лесу пятками сверкаешь.

— Подожди тут, — сказал Кенрон, — мы с Ирманом поищем, нет ли в округе еще кого.

— А что, могут быть? — Нанса отшатнулась от него, будто сам Кенрон мог ее укусить.

— Если и есть, — усмехнулся Ирман, — я не буду с ними церемониться, обещаю.

Оба мальчишки исчезли, Нанса вновь оказалась на поляне одна. На месте, где недавно таились две крысы, остались лишь темные бурые пятна на стеблях травы. В монотонном шуме леса не было и намека на то, что рядом с ней есть другое живое существо. Она легла на бревно, положив руки под голову. Солнце пряталось где-то за верхушками деревьев, изредка над поляной пролетала птица, похоже, кукушка. Сейчас она готова была поверить, что и крысы, и мальчишки, убившие их, ей лишь привиделись.

Глава 2

Большую часть жизни Сараг Мирн рыбачил в реке недалеко от Керфена. Он знал, сколько нужно выловить для пропитания ему и дочке — немного. Знал, сколько нужно выловить для продажи — еще меньше. Рыбу на рынке покупали неохотно. Сараг и сам прекрасно понимал, хоть его рыба утоляла голод и в целом была безвредна для желудка, вкус у нее был, как у варёного ботинка. Что поделаться, другие в реке не водились, а охотиться в лесу для него было самоубийством.

Кобольды легко обставляли его по продажам. Их заграничная рыба была вкуснее, к тому же, они щедро приправляли ее специями, запах которых разносился по всей торговой улице и заставлял проходящих мимо людей забывать обо всем на свете. В особенности о Сараге и его жалком улове.

Сараг мог вернуться домой, как только поймал всего три крупные рыбины, но он предпочитал сидеть на берегу реки до самой темноты. Он развлекался тем, что выуживал из воды то, что попадалось на удочку из гибкой ветви лиственницы и с шишкой в качестве поплавка. Разглядывал свой улов, иногда грозил рыбине пальцем, а затем отпускал обратно в реку.

Иногда он ходил вдоль пологого берега и встречал приятелей по несчастью, с ними он заводил разговор, который порой длился часами. За это время он ловил и отпускал с десятков рыбин, каждый раз чувствуя небольшое удовольствие от того, что обхитрил живое существо, а затем подарил ему жизнь, когда мог убить.

Несчастье, которое Сараг Мирн делил с товарищами на реке, заключалось в том, что он не владел магией камуфляжа, а значит, был рыбаком, а не охотником. Будь он охотником, его жизнь сложилась бы совсем по-другому. Рыбу он не мог продать, по крайней мере, не ту, что водилась в реке, а вот лесная дичь стоила порой огромных денег.

Однажды, было это зимой, Сараг нашел ослабшего до изнеможения снежного леопарда. Зверь был истощен и не мог стоять — видимо, старость не позволяла ему найти достаточно еды в то время, когда она нужна была больше всего. Сараг связал его и живым отнес в город. Кобольды в приемном доме забрали лишь голову зверя, а все остальное вернули нетронутым. За эту голову Сараг получил чуть больше сотни золотых монет — на то, чтобы расстаться с ними в кобольдском игорном доме, у него ушло почти полгода.

В тот день кобольд, стоявший за стойкой, елейно ухмылялся, зная, что забирает последние деньги Сарага и не увидит его в ближайшее время. Как следует отметив свою вновь обретенную бедность, Сараг вернулся домой поздно ночью. В дверях он увидел снежного леопарда, того самого, за которого он смог получить от кобольдов мешок с золотом.

Леопард стоял в дверном проеме на двух лапах и глядел на Сарага какое-то время, после чего заговорил. Речь шла о деньгах и их не слишком удачной растрате. Странности добавляло то, что голова леопарда была человеческой и напомнила Сарагу его покойную супругу. Короткие рыжие волосы с завитушками, зеленые глаза, приплюснутый нос, веснушки — все, как у нее... В ужасе Сараг Мирн намочил штаны. Не заметив этого, он бросился бежать прочь от дома. Ту ночь провёл в лесу, ежась от холода в корнях сосны у реки.

На следующее утро Сараг рассказывал приятелю на берегу, что ему приснился снежный

леопард, которого он однажды ловко подстрелил из лука. Стоя на двух лапах, лесной хищник говорил с ним, и голос его был точь-в-точь, как у его дочери Нансы.

Сама Нанса при встрече с отцом рассчитывала немного на другую реакцию. Истошные крики не на шутку испугали ее, вскоре она поняла, в чем дело. Пожалуй, стоило подождать до утра с показом ее работы, в трезвом виде, отец, несомненно, проявил бы большее уважение к ее работе.

У Нансы ушел почти месяц на то, чтобы перекроить шкуру снежного леопарда в некое подобие охотничьего костюма. Пусть белый цвет и выделялся в лесу летней поры, пушистая шерсть защищала от клыков и когтей гораздо лучше, чем тонкая ткань ее потрепанного городского платья. В таком наряде можно было без опаски принять предложение Кенрона и Ирмана прогуляться в лес под их присмотром. Или тогда ей так казалось.

— Вокруг никого, — раздался голос Кенрона.

Он появился так внезапно, что Нанса вздрогнула и потеряла равновесие. Она бы непременно свалилась со ствола сосны, на котором лежала, если бы не протянутая рука в черной перчатке. Нанса села на бревно, не рискуя больше на него ложиться.

— Прости, кажется, напугал, — Кенрон с виноватым видом почесал затылок.

— Эта затея уже не кажется мне такой интересной, — сказала она. — Я хотела скоротать время, пока отец пропадает на речке. Побывать в хорошей компании. Или хотя бы в какой-нибудь. А вы исчезли и устроили мне забег с крысами.

Ирман появился из неоткуда на краю поляны. Потягиваясь и разминая шею, он направился напрямик к Нансе и Кенрону.

— Если говорить по справедливости, забег был твоей идеей, — сказал он. — Мы бы справились быстрее, стой ты на месте.

— Надо признать, в этот раз мы сами спровоцировали зверей, — сказал Кенрон.

— Так давайте перестанем их провоцировать, — предложила Нанса.

— Кто же ходит в лес, в белом посреди лета? — спросил Ирман, затем хитро ухмыльнулся. — Знаешь, если хорошенько вымазать шерсть в грязи, вид будет совершенно другим. Ни одно животное не позарится.

— Издеваешься? — воскликнула Нанса. — Эта куртка — моя первая удачная работа. Оказывается, последний штрих — замазать все грязью. Хорошо, будь по-вашему, вы специалисты по лесной живности.

— Прятаться — не всегда лучший выход, — сказал Кенрон. — Блеф работает не реже. Если мы с Ирманом не будем исчезать, а вместо этого хорошенько пошумим, распугаем всех местных животных.

— Но если тебе самой хочется измазаться, действуй, — добавил Ирман.

— Значит, больше исчезать не будете? — с надеждой спросила Нанса.

— Можно устроить соревнование, — предложил Ирман. — Обычно побеждает Кенрон, но в этот раз я его обставлю. Кто первый спрячется в камуфляже, тот и проиграл.

Нанса и Ирман посмотрели на Кенрона, ожидая его реакции.

— Что? — спросил Кенрон, почувствовав себя неловко под их взглядами. — Я не хочу соревноваться, но, если вам от этого станет легче, пусть будет соревнование.

Нанса встала с дерева и отряхнула одежду.

— Иди, мы тебя догоним, — сказала она и помахала рукой, словно прогоняя Кенрона прочь.

Кенрон достал компас, взглянул на него и направился к краю поляны, он вскоре скрылся за деревьями, звук его шагов постепенно стих.

— Знаешь, — сказал Ирман, — нам мог попасться зверь пострашнее этих крыс. Говорят, сюда забредают огромные медведи с зеленой шкурой. Но не бойся, я слышал, они очень медленные.

— Тебе и крысы хватило, — процедила Нанса

Она взяла Ирмана за локоть и вытащила его руку из кармана. Кисть руки почти полностью была покрыта кровью. Кровь была жидкой, не свернулась, даже соприкоснувшись с тканью штанов. Несколько крупных капель сорвались с ладони и полетели к земле.

Снег падал так медленно, что казалось, будто он висит в воздухе. Малейшего ветерка хватало, чтобы белые хлопья на мгновение начали подниматься вверх, создавая картину, в которую сложно было поверить, не видя ее своими глазами.

Тренировка Ирмана шла уже четвертый час. Во дворе дома он работал с двумя мишенями — всаживал метательные ножи в круглый деревянный щит с черными концентрическими кругами. Охотники часто пользовались оружием дальнего боя. Луки и арбалеты так же шли в ход, но многие предпочитали разного рода метательные снаряды — запустить такой можно было с убийственной силой и точностью и ничего, кроме натренированных рук для этого не требовалось.

Дверь дома распахнулась, на пороге стоял отец Ирмана Оррин Глэр — высокий, мускулистый, с короткими белыми волосами и загорелым лицом, на котором шрамы перемежались с морщинами, короткая борода была аккуратно подстрижена, было видно, что работали над ней усердно, не оставив ни единого отстающего волоска. Одет он был в щегольской костюм из белой кожи, расшитом толстыми золотыми нитями.

Оррин какое-то время молча смотрел на тренировку Ирмана, а иногда взгляд его уходил высоко в небо, к серым тучам, зависшим в небе, как и снег в воздухе. Оррин не выражал и малейшей заинтересованности в происходящем.

Ирману удалось попасть двумя ножами точно в центр и пятью — во внешние круги.

— Никуда не годится, — сказал Оррин. — Не знаю, кого ты воображаешь на месте этой мишени, но этот зверь сбежал от тебя раненный и обозленный.

— Если зверя не убить одним попаданием ножа, зачем вообще метать в него ножи? — спросил Ирман. — А я попал, причем, дважды. Раньше и этого не выходило.

— Что если перед тобой будет стая зверей, двух подстрелишь и остальных упустишь. — Оррин покачал головой, выражая глубокое разочарование.

— Придется вернуться на следующий день. — Ирман указал на огромный роскошный дом, в котором жила их семья. — Не то, чтобы мы голодали.

— Этот дом лишь жалкая подачка от правителей Дайгона, — сказал Оррин. — Они хотят, чтобы роскошь ослепила нас, чтобы мы не думали о том, что достойны лучшего.

— Например, чего мы достойны, пап? — спросил Ирман.

Оррин скрестил руки на груди, мощные мышцы проглядывали через рукава куртки.

— Мы достойны быть кем-то и значить что-то в этой стране, — сказал он, разглядывая облака. — Мы лишь добытчики животных из леса, ничем не лучше других. У нашей семьи нет настоящей власти.

Ирман подошел к отцу и взглянул на него снизу-вверх.

— Так может, вместо того, чтобы метать ножи, мне стоит поучиться, как заполучить эту

власть у тех, кто ее имеет?

— Не глупи, — отрезал Оррин. — Главой Дайгона стал тот, кто метал ножи точнее всех. Люди доверяют лучшему охотнику, тому, кто может направить остальных, тому, кто понимает, что происходит в лесу. Лучший охотник был правителем Дайгона с тех времен, когда мы были небольшим племенем, затерянным в непроходимой чаще. Дайгон разросся, но суть его не поменялась. Мы все так же племя охотников, пусть слегка более цивилизованное, чем раньше.

— Не пора ли выбрать правителя как-то иначе? — спросил Ирман.

— Как выбирать правителя, решают те, у кого уже есть власть, — задумчиво проговорил Оррин. — Важно только, чтобы люди верили в то, что правитель выбран справедливо, и подчинялись его воле. Детали процесса значения не имеют.

Ирман пожал плечами.

— Я легко попаду в эту мишень из лука.

— Для стрельбы из лука щиты будут стоять гораздо дальше, — сказал Оррин. — Хотя, если тебе надоел вид этих мишеней, можешь отправляться к другой. Найди сына Дарлида Амелота. Все, что тебе нужно — победить этого мальчишку. Стань лучшим охотником, чем он, только так докажешь, что чего-то стоишь.

— Почему ты зовешь его сыном Дарлида? — спросил Ирман. — Меня никто не зовет сыном Оррина, обычно люди помнят мое имя.

Оррин хмыкнул и обернулся к Ирману спиной. Да, люди помнили имя его сына, в основном потому, что сам Оррин так и остался в их глазах тем, кто всю жизнь занимает лишь второе место. Тогда, как Дарлид Амелот занимал первое. Если же сын Дарлида так же начеет раз за разом обходить его сына в охоте, в глазах дайгонцев Оррин и вовсе станет поводом для шуток. По крайней мере, он был в этом совершенно уверен.

— Мальчишка уже обладает теми навыками, которые были у его отца, когда тот был молод, — сказал Оррин, не оборачиваясь. — Разбирается в законах леса, быстр, ловок, удачлив. Его отец стал вторым самым влиятельным человеком в Дайгоне, делая то же самое.

Ирман не знал, как относиться к суждениям отца о том, кто влиятельный, а кто нет. Разумеется, отцу было известно больше — он ходил в лес с самыми разными людьми и должен был разбираться в их нравах. Но также мог и преувеличивать. Оррина могла ослепить зависть к Дарлиду, которому он неизменно проигрывал в различных состязаниях, официальных и придуманных самим Оррином. Отец вполне мог считать главу Дайгона не таким уж и влиятельным, всего лишь человеком, сидящим в самом крупном и красивом здании в столице, но не имеющим реальной власти. Стоило попробовать подбодрить отца.

— Значит, самый влиятельный — ты, пап?

Оррин взглянул на Ирмана с явным презрением, лицо мужчины мгновенно покраснело. Оррин поправил ворот куртки, выше поднял воротник. Он достал сигару, одну из тех, что ему подарили, чтобы он не поднимал шума, точно так же, как и дом, в котором Ирман проживал с семьей. Оррин молча вдыхал сигарный дым, пока краска не сошла с его лица, оставив лишь темный загар.

— Мальчишка Амелотов считается лучшим охотником среди молодых, — сказал Оррин. — Но пока он никто, и он должен остаться никем. Ты тот, кто втопчет его в грязь.

— Да я вовсе не против победить его, пока мы играем честно, — сказал Ирман. — Вот увидишь, я его сделаю.

Ирман поднял руку и увидел несколько мозолей на пальцах, они появились после того,

как он метал ножи несколько часов кряду. Отец подошел ближе и взглянул на руку Ирмана.

— И где же кровь? — спросил Оррин. — Ты не выложился на полную, я лишь теряю с тобой время. Делай, что хочешь, толку от тебя никакого.

Оррин вернулся в дом, небрежно хлопнув дверью. Ирман сжал пальцы так сильно, что мозоли надулись и лопнули, полилась вода, крови все не было.

— Тебя крыса укусила, — воскликнула Нанса. — А ты, как дурак, молчишь.

— Это мое дело, кто меня укусил, — сказал Ирман и снова попытался спрятать окровавленную руку в карман, но Нанса не позволила этого сделать.

Она осмотрела рану: кровь тонкими струйками сочилась из двух отверстий на запястье. Два таких же отверстия, судя по всему, были на обратной стороне ладони.

— Укус не такой уж и страшный, — заключила она, — но почему кровь не останавливается?

— Кровь и не должна останавливаться, сердце толкает ее каждым ударом, — Ирман поймал взгляд Нансы, наполненный то ли злостью, то ли раздражением, а может, и тем, и другим. — Рана сама не заживет, слюна крысы отравлена.

— Нам немедленно нужно вернуться в город, — сказала Нанса, стараясь изобразить голосом спокойствие, вышло ненатурально.

— Час или два ничего со мной не случится, — сказал Ирман, он закатил глаза и ухмыльнулся, мол, большое дело. — В человеке все равно больше крови, чем ему нужно.

Нанса пристально уставилась на Ирмана, тот зажал рану ладонью и продолжил ухмыляться, как ни в чем не бывало. Некоторое время они стояли молча, разглядывая друг друга. Нанса нарушила тишину, понимая, что второй раз трюк со злобным взглядом не сработает, на самом деле, она сейчас не испытывала ничего, кроме страха.

— Я честно не могу сказать, кто из вас более безумен, — сказала она. — Парень, который тянет нас в какое-то опасное место просто потому, что никогда там не был, или парень, который идет за ним, несмотря на незаживающую рану.

— Как только я скажу ему, что меня ткнули, он развернется, и вот мы опять в городе, — буркнул Ирман. — Ты этого хочешь, подставить меня?

— Что будет самым верным решением, — сказала Нанса

— И что я скажу отцу? — спросил Ирман.

— Что ты жив.

— Да, но полная история будет звучать примерно так: Кенрон Амелот, сын Дарлида Амелота, взял меня с собой на охоту. Там меня ранила обычная крыса, и нам пришлось вернуться в город, не дойдя до места и ничего не добившись.

Нанса пожала плечами, версия Ирмана почти полностью соответствовала ее собственной, почему же он использует ее, как аргумент в споре?

— Звучит не так уж плохо, — сказала она.

— Мой старик годами пытался одолеть Дарлида, — сказал Ирман. — Они участвовали во многих соревнованиях, но отец так и не смог победить.

— Ну и что? — бросила Нанса. — Мой отец вообще не может использовать камуфляж и нормально охотиться. Он ставит ловушки рядом с домом, но боится заходить далеко в лес. Ваша семья богаче почти всех в Дайгоне, что вам еще нужно?

— Дело не в богатстве, а в том, делаешь ли ты все, что можешь, или нет, — сказал Ирман. — Я проигрываю Кенрону как раз потому, что слишком жалею себя. У него талант, а у меня выносливость и упорство. Если я не буду обращать внимание на такие мелкие раны, может, и обгоню его когда-нибудь.

— Да и какая разница, кто лучше?! — воскликнула Нанса.

— Никакой, как говорит отец, — меланхолично произнес Ирман. — Никакой разницы, кроме одного месяца раз в шесть лет, когда всех только и волнует, кто лучший охотник. А потом этот тип становится правителем Дайгона.

— Я не могу разговаривать с человеком, из которого течет кровь, — насупилась Нанса.

Она закатала рукав, на запястье была повязана тонкая синяя лента. Нанса ловко распутала узел, полоска ткани соскользнула с ее руки.

— Симпатичная, — сказал Ирман. — Разве она не была красной пару часов назад?

— Эта лента меняет цвет каждый час, в ней настоящая магия, — сказала Нанса, подходя ближе к раненному приятелю. — С ней я всегда знаю, сколько осталось до заката. Пришлось копить на нее несколько месяцев — не потеряй.

Она накинула ленту на предплечье укушенной руки Ирмана, туго перетянула и завязала узел.

— Как только цвет сменится, придется снять ее на какое-то время, — сказала она. — Кровь не доходит до раны, но так долго продолжаться не может.

Осмотрев перевязанную руку, Ирман потряс ей в воздухе, чтобы проверить надежность узла, за что тут же получил тычок кулаком в плечо от Нансы.

— Спасибо, — сказал Ирман и подмигнул. — Вот я и снова в деле. Догоним нашего приятеля и пойдем дальше.

Нанса разом помрачнела, она не могла поверить, что Ирман собрался продолжать поход в таком состоянии.

— У тебя пять минут, — сказала она, — чтобы рассказать Кенрону о ране, или я сама это сделаю.

Ирман быстро догнал Кенрона, тот и не думал далеко уходить, он расположился на большом плоском камне недалеко от поляны. Рядом с Кенроном лежал раскрытый рюкзак и несколько предметов: компас в стальном корпусе, свернутая карта и моток толстой веревки.

— О чем вы так долго говорили с Нансой? — спросил Кенрон, завидев Ирмана. — У вас там никак свидание намечается? Подождите немного, вот доберемся до места и будет вам подходящая атмосфера.

— А ты чем будешь заниматься, пока мы милуемся? — усмехнувшись, спросил Ирман.

— В сторонке постою, — сказал Кенрон и неожиданно добавил. — Могу я узнать, где были твои перчатки? — Кенрон поднял руку и показал Ирману растопыренную пятерню в перчатке из черной плотной ткани. — Разве ты забыл, что не стоит хватать диких животных голыми руками?

— Обронил, когда мы бросились бежать за теми крысами, — сказал Ирман. — Подберу на обратном пути.

Кенрон покачал головой, засунул руку в рюкзак, вытащил нож в чехле и положил на камень рядом с веревкой и компасом.

Ирман толком не знал, с чего ему стоит начать свое признание, поэтому он решил сперва выслушать, что хочет сказать Кенрон. Как оказалось, тот следил за действиями Ирмана в недавней охоте, что его радовало и немного пугало. Похоже, намечался разнос.

— Ты схватил крысу слишком далеко от шеи, — сказал Кенрон, — она смогла вертеть головой, это опасно. Нужно было отпустить.

— Чтобы она сбежала?

— Мы здесь не ради крыс, — напомнил Кенрон.

Ирман глубоко вздохнул и провел здоровой рукой по коротким белым волосам, будто мог придать прическе более солидный вид. Раненую руку он держал в кармане.

— Я немного поразмышлял, — сказал он. — Не хочу тебя расстраивать, но, пожалуй, я вернусь домой.

Кенрон вытащил из рюкзака воронку с фильтром для очищения воды и положил на камень к остальным предметам.

— Решил все бросить после того, как мы прошли почти весь путь? — спросил он.

— Путь докуда, Кенрон? — бросил Ирман, он отчаянно хотел указать хоть на какой-то недостаток друга. — Ты ведь не собираешься там охотиться, так зачем туда идти?

— Судя по карте, это уникальное место, каких в округе больше нет, — сказал Кенрон, не только не повышая голоса, но и более флегматично, чем обычно. — Такого ты нигде не увидишь.

— Другими словами, делать там нечего, — твердо заключил Ирман. — Ты никогда не станешь лучшим охотником, если будешь бесцельно шататься по округе и разглядывать булыжники, которых раньше не видел.

— Какой смысл становиться лучшим охотником? — спросил Кенрон, неторопливо переводя взгляд с рюкзака на собеседника. — Мы и так можем жить безбедно, делая то, что умеем сейчас.

— Но ты забываешь про турнир охотников, — сказал Ирман, понимая, что повышать тон разговора в одиночку у него не выходит. — Без тренировок в нем не победить.

Кенрон порылся в рюкзаке и положил на камень кресало и кремь, связанные веревкой.

— Мне нет дела до турнира, — сказал он, разглядывая, как искрится на солнце стальная пластинка для розжига.

— Как же слава, звание лучшего охотника Дайгона? — спросил Ирман.

— Не интересуюсь, — мгновенно ответил Кенрон.

— А вот я собрался победить в турнире, и мне нужна тренировка, — твердо заявил Ирман.

— Знания об окружающих землях тебе могут пригодиться, — сказал Кенрон. — К тому же, следующий турнир будет только через четыре года.

— Всего через четыре, — уточнил Ирман. — Нет времени бесцельно шататься по лесу.

Кенрон достал из рюкзака флягу с питьевой водой из мягкого прочного материала, названия которого не знал, и положил на камень рядом с собой. Фляга, как и все походные принадлежности, была куплена на рынке у торговцев Зенната. В Дайгоне не было умельцев, способных изготовить столь сложные предметы.

— Наградой победителю будет вовсе не звание лучшего охотника, — напомнил Кенрон. — Ты уверен, что захочешь стать главой Дайгона в восемнадцать лет? У тебя не будет ни опыта, ни усидчивости.

— Разве плохо быть самым главным в стране? — удивился Ирман.

— Раньше и я интересовался турниром, — сказал Кенрон, теперь он был полностью поглощен изучением содержимого своего рюкзака и не смотрел в сторону Ирмана, от чего тот принялся все сильнее сжимать кулаки и стискивать зубы. — Думал, что глава Дайгона может путешествовать в другие страны, но это не так. Отец мне объяснил. Глава сидит в своей резиденции большую часть времени и разглядывает охотничьи карты. Он договаривается о ценах и услугах с Зеннатом, закрывает или открывает некоторые участки

леса для охоты. Скучнее занятия не придумать.

— Но победителю не обязательно становиться правителем Дайгона, — возразил Ирман. — Победитель выбирает правителя. Вот выиграю и назначу тебя главным, будешь знать, как не интересоваться турниром.

Кенрон усмехнулся.

— А я откажусь в пользу Нансы, — сказал он. — Будет забавно посмотреть, как она правит нами в своей белой шубе. Хотя к тому времени она из нее вырастет.

— Я пошел тренироваться. — Ирман развернулся и помахал рукой. — Расскажешь, что вы там увидели.

Молча он зашагал прочь от Кенрона.

— Постой, — бросил тот. — Я брал тебя в команду здоровым и должен вернуть здоровым.

Кенрон вытащил из рюкзака небольшой предмет, похожий на серую монету. Он кинул предмет Ирману, как только тот обернулся. Ирману не составило труда поймать круглую вещь, он осторожно ухватил ее двумя пальцами, понюхал и поморщился.

— На самом дне лежала, проклятая, — сказал Кенрон. — Противоядие от укуса местных крыс, от некоторых других ядов тоже помогает. Подействует через две минуты, но наноси на всю рану, ничего не пропускай.

Ирман уставился на баночку с мазью, будто ничего удивительнее в жизни не видел.

— Постой, друг, а это у тебя откуда? — спросил он.

— Купил у зеннатцев, — сказал Кенрон. — Пришлось неплохо раскошелиться.

— Но зачем тебе эта мазь, ведь крысы не нападают на охотников?

— Обычно не нападают, — сказал Кенрон. — Вот ты думаешь, что знаешь, что на уме у дикого зверя, а через минуту он кусает тебя за задницу.

Ирман расхохотался так громко, что не заметил, как к ним подошла Нанса.

— Хорошие новости, я больше не умираю, — сказал он, отвязал ленту от запястья и протянул девушке. — Премного благодарен.

— Как сильно тебя нужно ранить, чтобы ты начал заботиться о своем здоровье? — буркнула она.

В этой части леса не было дорог или просек, они и не требовались редким путникам — земля была ровной, без рытвин или кочек, вдобавок трава не поднималась выше щиколотки, а то и вовсе исчезала, оголяя землю. Сосны уходили высоко в небо, словно стесняясь показать путникам свои кроны. Белые искорки, сверкающие в просветах между стволами, первым из путников заметил Ирман.

— Должен признать, выглядит необычно, — сказал он.

— И кто-то оказался там быстрее нас, — добавил Кенрон.

Он разглядывал свежий след от большого ботинка в грязной прогалине между пучками травы. След взрослого человека, несомненно, охотника.

План Кенрона заключался в том, чтобы найти самое опасное место и попрощаться там с друзьями. Он не мог поговорить в городе из-за странной особенности своего отца. Как и почти все дайгонцы, Дарлид Амелот владел магией камуфляжа и мог полностью скрыть себя от окружающих людей и животных. Многие считали его лучшим охотником во всей стране. Вот только он частенько использовал камуфляж для слежки за своим старшим сыном.

За младшим следить в камуфляже не требовалось, ведь он еще толком и ходить не умел.

Бывало Кенрон отправлялся в лес, чтобы попрактиковаться в выслеживании добычи. Он не собирался никого убивать, а лишь хотел найти следы живущих недалеко от города зверей. Вернувшись домой он слышал от отца что-то вроде “ты пропустил след свинопса и антилопы”. Это означало, что Дарлид следил за Кенроном во время тренировки и не соизволил показаться, даже, когда мальчишка вышел из леса и направился в город.

Кенрон мог понять то, что родители приглядывают за своими детьми, чтобы те не попали в передрагу. Вот только Дарлид никогда не помогал ему, как бы тяжело ни было. Около года назад Кенрон по неопытности заблудился в лесу и блуждал между деревьями больше двенадцати часов. В другой раз его загнала на дерево стая крыс, и он испугался так сильно, что не мог применить камуфляж, чтобы скрыться от них. В обоих случаях Дарлид стоял где-то рядом и даже не подумал помочь. Зато не забыл рассказать Кенрону о том, что лично видел его неудачи.

В этот раз он хотел избежать слежки Дарлида любой ценой. Кенрон собирался рассказать друзьям нечто важное и эту новость он хотел сохранить в тайне от отца. Не так давно Дарлид запретил ему приближаться к Гибельному озеру и подробно поведал обо всех опасностях этого места. Делать там тебе нечего, заверил отец. Раз так, решил Кенрон, туда я и отправлюсь. По его задумке, если отец вновь следит за ним, используя магию камуфляжа, то непременно покажется, как только поймет, что Кенрон ослушался его наказа и отправился к запретному озеру.

С двумя спутниками Кенрон уже впереди между деревьями видели сверкание воды в солнечном свете, а Дарлид все еще не объявился, что скорее всего означало, что в этот раз его все же нет рядом. Однако кто-то на берегу все же мог их ждать или, по крайней мере, проходил тут недавно. Судя по размеру отпечатка, это был не Дарлид, — его обувь куда крупнее. К тому же, один из лучших охотников всей страны не оставил бы такой очевидный след. Кенрон надеялся, что незнакомец, который проходил тут недавно, не один из многочисленных приятелей Дарлида и не передаст отцу то, что может здесь подслушать.

Они вышли из леса на берег озера, спокойную воду покрывала мелкая рябь. Повсюду на усыпанном бульжниками берегу рос тростник. Кенрон подозревал, что глубина воды у берега могла оказаться не меньше половины человеческого роста, и это таило немалую опасность для тех, кто решил подойти к этой воде, чтобы напиться.

Тех же, кто собрался по глупости или незнанию зайти в эту воду, ждала неминуемая гибель. Ирман наверняка знал, куда они держат путь с самого начала, при этом не задал ни единого вопроса, Нанса же пока оставалась в полном неведении. Ее отец наверняка не рассказывал ей об этом месте, потому, что не думал, что она сможет попасть сюда без камуфляжа. А, возможно, не будучи охотником, он и вовсе не знал о том, соответствует ли название озерного сути. В любом случае, Кенрон помимо основной цели похода собирался

восполнить пробел в знаниях своей подруги.

Все это время Кенрон помнил про еще одну проблему, пусть и не грозящую ему гибелью, но по его мнению весьма важную. Он обещал отцу, что вскоре вернется домой и присмотрит за своим младшим братом Лаубером. Это означало, что он не мог позволить себе надолго задержаться на берегу озера. Иначе он навлечет на себя гнев родителей, а также и лишние подозрения в том, что занимается чем-то недозволенным. Если отец все же решил прекратить слежку за ним, Кенрон хотел, чтобы так это и оставалось.

— Симпатичное озеро, — сказала Нанса. — Но сегодня холодновато для купания. Да и не стоил забег от крыс этого вида.

— Крысы погнались за тобой случайно, — пояснил Кенрон. — Мы немного разделились и крысы заметили только тебя. Ты слишком выделяешься в этом наряде.

— Извини, что я такая бедная и не могу купить охотничий костюм.

— А еще тебе бы не помешало освоить камуфляж, — добавил Ирман. — Могла бы просто спрятаться от них.

Нанса достала из кармана цветастую ленту, которой недавно перебинтовывала руку Ирмана и принялась теревить в пальцах.

— Мой отец не овладел этой магией за всю его жизнь, — сказала она. — Похоже это дано не всем дайгонцам.

— В любом случае, мы с ними разобрались, как только догнали, — напомнил Кенрон.

— Мне радоваться гибели живого существа? — спросила Нанса. — Не могли вы их отпустить?

— Тогда нам всем пришлось бы от них удирать, — сказал Ирман. — Кстати, это озеро называют Гиблым, тут гораздо опаснее, чем в лесу.

— Замечательная новость, — сказала Нанса и с укором взглянула на Кенрона. — Спасибо, что привел нас сюда. И что не так с этой водой?

— В ней живут хищные рыбы, которые к тому же умеют пользоваться магией, — пояснил Кенрон.

— Разгрызут что угодно, если смогут впиться в это зубами, — добавил Ирман. — Хоть камень, хоть сталь.

Кенрон подобрал плоский камешек, что лежал на берегу, и запустил его так, чтобы тот принялся отскакивать от поверхности озера. После четырех отскоков из воды вынырнула рыба поймала камень зубами и с хрустом разгрызла его, затем снова скрылась в озере.

— Их челюсти усилены магией, — пояснил Ирман. — Они разломают хоть лодку, хоть плот из бревен за несколько минут.

— Если они могут разгрызть камень, что сделают с живым существом? — изумилась Нанса. — Это какие-то чудища.

— Именно так, — сказал Кенрон. — Река протекает через зону нестабильной магии, вся живность в этой реке превращается в монстров.

— Они же не вылезут на сушу? — спросила Нанса.

— Пока у них это не выходило, — заметил Кенрон, — но не пытайся набрать воды из реки. Они могут тебя на этом подловить.

— И зачем ты нас сюда привел? — спросила Нанса.

— Это место подойдет для тайного разговора.

— Кстати, сейчас тут кто-то может сидеть в камуфляже и следить за нами, — заметил Ирман. — Мы же видели след.

— Это не отец, — с уверенностью произнес Кенрон. — И вряд ли это его друзья, все они стараются заработать охотой как можно больше, а тут нет ничего ценного.

— Я тебя выслушаю, — сказал Ирман, — но в долг дать не обещаю.

— Хочу с вами попрощаться, — сказал Кенрон. — Я решил отправиться в путешествие. Посмотрю другие страны, так что вы меня какое-то время не увидите.

— Правда? — изумился Ирман. — А я думал, выбраться из Дайгона невозможно.

— Значит, тебе надоело жить с богатыми и всеми уважаемыми родителями, — с укором произнесла Нанса. — Сытую жизнь в тепле и уюте не ценит только тот, кто не спал под открытым небом во время дождя. Тебе хоть раз доводилось ничего не есть три дня подряд?

— Я провел немало ночей в лесу, — сказал Кенрон. — Неприятно, но пережить можно. В любом случае, мне хочется узнать, что там за пределами Дайгона. Когда я верну, все вам расскажу.

— Еще ни одному дайгонцу не удавалось покинуть страну, — напомнил Ирман. — Мало того, что мы окружены зоной с опасными монстрами, так еще вся страна в кольце из нестабильной магии. Все, кто ее коснется, сами превратятся в монстров.

— Да, как те несчастные рыбы, — подтвердил Кенрон. — Пешком из Дайгона не выбраться, но ведь мы торгуем с другой страной и магический барьер им не мешает.

— Зеннатцы частенько летают к нам на своих воздушных кораблях, — сказала Нанса. — Привозят товары и забирают туши магических тварей. Вот только они не берут пассажиров.

— Может, они выдали тебе приглашение на один из своих кораблей из-за того, что ты самый особенный, усмехнулся Ирман.

— Увы, нет. — Кенрон развел руками. — Придется пробраться тайком.

— Воздушную гавань хорошо охраняют, — напомнил Ирман.

— Я работаю над этим, — сказал Кенрон. — Надо лететь сейчас, если вымахая здоровым, как отец, мне точно не попасть на корабль незамеченным. Даже камуфляж не поможет, в трюме укрыться не выйдет.

— И что ты собрался есть в другой стране? — спросила Нанса. — Может, у тебя найдется пара наших монет, а вдруг их там не принимают?

— Я могу охотиться на магических тварей, — сказал Кенрон. — Этот навык в цене и в других странах, иначе они бы не торговали с нами.

— Как будешь разговаривать с ними? — спросила Нанса. — Сомневаюсь, что они знают дайгонский.

— Я бы хотел узнать что-то о других странах, — сказал Кенрон, — но все зеннатские работники молчат. Им запрещено говорить о загранице.

— Может потому, что у них там все хуже некуда? — спросил Ирман.

— Я думаю, наоборот, — сказал Кенрон, — там может быть так интересно, что все дайгонцы захотят попасть в другие страны. Тогда тут никого не останется, чтобы охотиться.

— Без знаний тебе там делать нечего, — сказала Нанса, — лучше останься.

— Хороший охотник не пойдет на зверя, о котором ничего не знает, — добавил Ирман.

— Отец говорил что-то о зеннатской школе, — вспомнил Кенрон. — Занятия начнутся через пару дней, и продлятся не так долго. Говорит, так же учат и зеннатских детей. Если им хватает этого для жизни, хватит и мне.

— Кстати о знаниях...

Ирман подобрал с земли горсть камней, резко развернулся и бросил со всей силы.

Камни разлетелись веером и упали в траву у кромки леса.

— Проверил, не подслушивает ли нас кто-то в камуфляже, — пояснил он.

— Охотникам здесь нечего делать, — отмахнулся Кенрон.

— Тот след оставили недавно, — напомнил Ирман.

— Берег тянется далеко, — сказал Кенрон. — Даже, если тут кто-то есть, мы с ним наверняка разминулись.

— Вот о чем я подумал — а не бежишь ли ты от чего-то? — спросил Ирман. — Может, у тебя проблемы, вот ты и решил удрать в другую страну. Так поступают только трусы.

— Согласен, — кивнул Кенрон, — но у меня нет никаких проблем. Да и не может быть, отец богат, он с матерью приносят самых дорогих и опасных животных из леса. Не знаю, где он хранит деньги, но у него должны быть целые горы золота. Если что-то случится, они всегда смогут решить проблему деньгами.

— Если только эти деньги кто-то не сопрет, — сказал Ирман.

— И на скольких животных ты умеешь охотиться? — спросила Нанса. — На крыс и еще пару видов? А если там не водится ничего такого?

— Вдруг они там вообще не любят дайгонцев, — сказал Ирман.

— Или вдруг Зеннат перестанет посылать корабли в Дайгон, тогда ты и вернуться не сможешь, — сказала Нанса.

— Что если дорога в другую страну займет четыре недели, сможешь столько не есть, сидя в кузове? — сказал Ирман.

— Ладно, хватит. — Кенрон замахал руками. — Я вас позвал не для того, чтобы вы меня запугивали.

— Твоя идея совершенно дуратская, — сказала Нанса.

— И есть еще одна проблема, о которой ты позабыл, — добавил Ирман.

— Я не откажусь от этой затеи, — твердо заявил Кенрон.

— Что ж, тогда придется... — начала Нанса.

— Ты же не собираешься рассказать его отцу? — прервал ее Ирман.

— Я подумала. — Нанса принялась сильнее тереть ленту в руках, она пристально взглянула на Кенрона. — Может, и мне отправиться с тобой? Вместе нам будет проще.

— Да, ты забыл позвать лучшего друга, — напомнил Ирман.

— Вы вправду хотите со мной полететь? — изумился Кенрон.

— Я сомневаюсь, что мы сможем пробраться на корабль, — сказала Нанса, — но, да, я не против. Без магии камуфляжа охотник из меня не выйдет, может, в другой стране найдется мне место.

— Отец сказал приглядывать за тобой и пытаться превзойти, — сказал Ирман. — Как я это сделаю, если ты там, а я здесь?

— Это здорово, — сказал Кенрон, — хорошо, если кто-то поможет мне решить эти проблемы.

— Сначала школа, — напомнила Нанса, — ты должен в нее попасть и узнать, чему учат зеннатцы.

— Ясно, — кивнул Кенрон, — сделаю.

— Я говорил, что не стоит убегать от проблем, — сказал Ирман. — Я имел ввиду свою семью. Похоже, мой отец затевает что-то нехорошее, это произойдет уже через пару дней, я не хочу, чтобы у него возникли проблемы.

— Я помогу чем смогу, — сказал Кенрон, — попрошу отца с матерью все уладить.

— Будем надеяться, — сказал Ирман, — нас не подслушал никто из приятелей твоего отца. Может, стоит узнать, кто здесь был?

— Мне нужно возвращаться домой, — напомнил Кенрон, — скоро моя очередь присматривать за братом.

— Вам нужно нанять кобольда, — предложила Нанса, — они все делают за деньги.

— Отец их почему-то не любит.

Сильный порыв ветра пронесся по берегу, приглушенный вой зазвучал между камнями и деревьями. Нанса вздрогнула от неожиданности, цветастая лента вырвалась из ее пальцев, закружилась в воздухе и медленно опустилась в воду.

Все трое молча смотрели на плавающую на волнах полоску ткани. Вскоре в толще воды показались несколько силуэтов рыб.

— Оставь ее, — нарушил молчание Кенрон. — Слишком опасно подходить близко к озеру.

— Это не просто украшение, — сказала Нанса, — я по ней определяю время. К тому же в ней настоящая магия, я с таким трудом смогла сбить на нее цену.

— Пусть и зубастые, это всего лишь рыбы, — сказал Ирман. — Они не слишком умны.

Нанса подошла к воде и принялась срывать длинные стебли травы, растущие между камнями. Она ощупала каждый стебель, пытаясь найти самую прочную его часть. Затем она связала вместе несколько стеблей, сделав подобие удочки без лески, длиной почти в метр. Кенрон взобрался на крупный камень недалеко от кромки воды, чтобы лучше видеть основную на тот момент опасность — хищных рыб с усиленных магией зубами. Нанса присела недалеко от воды, протянула конец удочки к ленте и подцепила ее. Рыбы принялись метаться, чувствуя движение рядом. Одна из рыбин нырнула ко дну, а затем выпрыгнула из воды и вцепилась зубами в ленту, тут же за несколько быстрых укусов разгрызла ее на мелкие клочки, и нырнула обратно в воду. В этот момент произошло еще одно событие, неожиданное для всех.

Появление дайгонца, вышедшего из камуфляжа, часто вызывало испуг у неподготовленного наблюдателя, будь то человек или дикий зверь. В этот раз некто высокий и тощий появился позади Нансы, которая этого даже не заметила, потому, что сосредоточенно выуживала ленту из воды.

Незнакомец оказался стариком с длинной всклокоченной бородой и неухоженными усами, он носил потертый, грязный и местами дырявый охотничий костюм, а также черные очки.

Прежде, чем Кенрон и Ирман успели понять, что происходит, незнакомец шагнул к Нансе, схватил ее за шиворот и на длинной жилистой руке поднял над водой.

— Если кто вздумает навредить мне, — сказал он хриплым голосом. — Девчонка свалится к рыбам.

Нанса болтала ногами над поверхностью воды. Незнакомец держал ее за шиворот самодельного костюма, швы затрещали, но выдержали, по крайней мере, пока. Нанса не успела разглядеть незнакомца, который схватил ее. Она понимала по высоте, на которой висела и по услышанному хриплому голосу, что это взрослый человек, возможно старик. Она ухватилась за руку, держащую ее, почувствовала морщины на коже и грубую ткань рукава охотничьей униформы. Она чуть подтянулась вверх, чтобы ослабить нагрузку на самодельный костюм, который не мог долго выдерживать ее вес, заодно ее ноги отказались дальше от воды. Она не знала, сколько сможет так продержаться, ей оставалось надеяться на то, что Кенрон и Ирман сумеют справиться с ситуацией.

Кенрон в полном недоумении разглядывал неопрятного старика, который схватил его подругу. Он не понимал, что делать и, стоя на высоком камне, боялся пошевелиться или сказать хоть что-то, ведь это могло ухудшить ситуацию. Он даже дышать перестал, чтобы не создавать и малейшего движения. Вдобавок глаза старика скрывали черные очки, какие в зеннатской лавке продавали дайгонцам с высокой чувствительностью к солнечному свету. Понять, какие эмоции испытывает незнакомец по выражению его глаз, Кенрон не мог.

— Если кто-то решит меня убить, — сказал старик, — она свалится в воду. Эти рыбы отвели немало человечины, она им придется по вкусу.

— Не знаю, кто ты такой, — крикнул Ирман, — если она упадет туда, отправишься за ней следом. Наверняка рыбы сперва накинутся на крупную тушу.

Кенрон закусил губу, он понял, что принял худшее решение из возможных — передал инициативу кому-то другому. Пусть он и дружил с Ирманом, сколько себя помнил, это не означало, что его приятель — отличный переговорщик и сможет в непростой ситуации оставаться спокойным.

Кенрон осторожно слез с камня и, стараясь не делать резких движений, подошел к Ирману.

— Не стоит его злить, — прошептал Кенрон.

— Это ему не стоит злить меня.

— Мы не хотим вам вреда, — заверил Кенрон, обращаясь к старику. — Поставьте ее на землю, и мы уйдем. Вы же этого хотите?

— Вы явились по его приказу, — сквозь зубы процедил старик, — хотите разобраться со мной. Иначе что вам тут делать? А скорее всего он с вами, а вы тут только чтобы меня выманить. Что ж, вам это удалось, но без боя я не сдамся!

— Я сам решил сюда прийти, — сказал Кенрон. — Мне никто не приказывал. Я пришел сюда, потому, что думал, что тут никого нет.

— Врешь! — воскликнул старик. — Мой нюх еще не подвел меня. Я чую его запах на ком-то из вас. Пусть явится или девчонке конец.

Кенрон не понимал, о ком этот старик говорит. Он, Ирман и Нанса до этого похода провели несколько часов в городе, и по чистой случайности могли встретить недоброжелателя, которого опасался старик. Хотя, скорее всего, старику все же почудилось, что он учуял знакомый запах. Разумеется, никто выходить из камуфляжа не собирался, понимал Кенрон, ситуацию придется разрешить ему и Ирману. Надеяться на спасителя,

который внезапно объявится, не следовало.

— Тогда лучше возьмите меня в заложники, — предложил Кенрон, — а ее отпустите. Мой отец богат, он даст вам хорошую награду.

— Мне нет дела до богатства, — отрезал старик. — Говорите, ему, чтобы показался или я выброшу ее в воду и займусь вами.

— Я понятия не имею, кто этот ваш враг, — заверил Кенрон. — Мой отец наверняка может вас примирить. Его все знают, он...

— Дарлид Амелот! — воскликнул старик.

Кенрон кивнул, он удивился, как быстро этот неменяемый на первый взгляд тип смог догадаться, как именно зовут его отца. А затем глаза Кенрона расширились от изумления и страха, он не правильно понял старика, тот вовсе не назвал имя его отца. Он наконец, рассказал, от кого тут скрывается и чей запах учуял на пришедших на берег.

— Вот, кто мой враг, — подтвердил старик его догадку. — Не говорите, что его не знаете. Кто-то из вас общался с ним несколько часов назад. Вот, что, щенки, подходите по очереди, я обнюхаю вас, как следует и узнаю, на ком из вас его запах. Да поскорее, рука начинает уставать.

— Тебе лучше постоять в сторонке, я разберусь, — прошептал Ирман.

Он шагнул вперед, вытащил кинжал из ножен, а затем крикнул:

— Мне это надоело, старик. Похоже, ты боишься смерти. Я убью тебя лично, если ты немедленно ее не отпустишь!

Старик пригляделся к Ирману. Кенрон обратил внимание, что не острый нож, который еще и недавно отведал крови, заинтересовал незнакомца, а лицо его друга.

— Ты похож на одного типа, которого я знал раньше, — сказал старик. — Скажи-ка, кто твой отец.

Кенрон припомнил, что многие в городе говорили, что он похож больше на свою мать Алину, чем на отца. Такие же черные волосы, как у нее, в то время, как шевелюра Дарлида была рыжей. Так же ему досталось стройное телосложение, а не мускулистое, как отцу. Возможно, сейчас эта прихоть природы спасла его подруге жизнь. А вот Ирман на своего отца походил весьма точно.

— Оррин Глэр зовут моего папашу, — бросил Ирман. — И он тут совершенно ни при чем.

— Да, ты похож на Оррина, — закивал старик. — Что ж, расскажи, что вы тут забыли. Да смотри, будь убедителен.

— Раньше в наши планы не входило надрать тебе задницу, — сказал Ирман, — но все может поменяться.

— Мы здесь просто гуляем, — поправил его Кенрон, — мы не хотели причинять никому зла.

— Почему же от вас пахнет кровью? — спросил старик.

Ирман снял со спины мешок, развязал веревку, вытащил мертвое тело недавно убитой крысы и швырнул под ноги старика.

— Что ж, хорошо, — сказал тот. — Малыш Оррин конечно же не союзник Амелотов, он их и зеннатцев на дух не переносит. Я вовсе не хотел обидеть знакомую семью Глэров.

Старик повернулся и поставил Нансу на землю, а затем отпустил ее воротник. Нанса тут же бросилась к Кенрону с Ирманом и спряталась за их спинами.

— Уйдем отсюда, — прошептала она, — пока он не передумал.

— В самом деле, — кивнул Ирман, пряча кинжал в ножны. — Мы обсудили, что нужно. Оставим этого ненормального одного.

— Я не в восторге от того, что он сделал, — сказал Кенрон, — но я хочу знать, что он имеет против... Амелотов.

— Разве тебе не сказали явиться домой вовремя? — напомнила Нанса. — Тебя же просили присмотреть за младшим братом, когда родители отправятся на охоту.

Кенрон не забывал об этом обещании, он даже предупредил друзей о том, что их поход на долго не затянется, но сейчас он счел присмотр за Лаубером неважной задачей. У его родителей наверняка имелось достаточно денег, чтобы так или иначе решить эту проблему.

Они могли нанять кого-то для присмотра за малышом или вовсе не ходить на охоту в этот день. Кенрон вообще не понимал, зачем его родители до сих пор ловят магических животных с риском для жизни, денег у них наверняка скопилось столько, что они могли бы жить несколько лет не работая. В любом случае, Кенрон решил остаться и расспросить старика о том, что тот забыл на этом пустынном берегу и почему так ненавидит зеннатцев.

— Недоразумения случаются, — сказал Кенрон. — Вы отпустила нашу подругу, мы на вас зла не держим.

— Легко тебе говорить, — пробурчала Нанса. — Ты не висел над этими хищными рыбами.

— Почему вы считаете, что Дарлид Амелот хочет вас убить? — спросил Кенрон.

Старик взглянул на Кенрона с нескрываемым удивлением.

— Несколько лет назад я выступал против Зенната, — сказал старик. — Всем известно, что Дарлид Амелот — их прихвостень и сделает для них что угодно. Сами зеннатцы в лес не сунутся. Зато могут поручить своему верному псу разобраться с теми, кто создает для них проблему.

— Вы поссорились с Зеннатом? — удивился Кенрон. — Они ведь лишь покупают у нас туши магических животных. А еще настроили магазинов в наших городах. Говорят, Керфен появился только из-за работников Зенната, которые его полностью отстроили. Что в них плохого?

— Вижу, ты весьма наивен, малыш, — сказал старик. — Хочу отдать вам должное, вы не соврали, рядом с вами действительно не оказалось Дарлида Амелота, раз я до сих пор еще жив. Позвольте подарить вам кое-что в качестве извинения.

Старик вытащил из кармана небольшой белый шар и кинул его Кенрону, тот поймал шар на лету. Предмет оказался легким и твердым, покрутив его в руке, Кенрон понял, что это ничто иное, как глаз, покрытый засохшей смолой.

Увидев это, Ирман присвистнул.

— Чей это? — спросила Нанса. — И зачем он нам?

— Второй оставлю себе, если не возражаете, — сказал старик.

За все время их общения он не снял черные очки с круглыми стеклами. По размерам глаз напоминал человеческий и первая мысль, которая пришла Кенрону в голову — старик решил подарить им свой собственный глаз. Однако, судя по его движениям, видеть он все же мог, иначе не сумел бы так ловко схватить Нансу за шиворот, и не разглядел бы в лице Ирмана черт его отца.

— Меня зовут Нэфис Надэм, — представился старик. — Это мой глаз, если вам интересно, а второй у меня в кармане. Уж не знаю, зачем я их себе оставил, никаких приятных воспоминаний они не вызывают.

Нэфис подобрал тушу крысы, лежащую у его ног и протянул Ирману.

— Негоже разбрасываться добычей.

— Но вы не слепы, — сказал Кенрон.

— Ослеп бы, если бы не милость леса, — сказал Нэфис. — Такое редко случается — в лучшем случае, раз в жизни — но мне повезло. Лес сделал мне подарок. Вы знаете, что такое симбиотические отношения? Это слово я услышал от зеннатцев, означает дружбу между двумя видами. Тесную дружбу. Мои глаза почти перестали видеть, и тогда лес подарил мне новые. Они живут в моих глазницах отдельно от меня и вместе со мной. Стрекозы — насекомые, которые отлично видят мир вокруг себя.

— Это все вранье, не может быть, — сказал Ирман.

— Я лучше притворюсь, что этого не слышала, — сказала Нанса, она взяла белый шар и принялась изучать его.

— Покажите, как это выглядит, — сказал Кенрон.

Как только Нэфис прикоснулся к дужке черных очков, Нанса отвернулась и закрыла лицо руками, Кенрон и Ирман подошли ближе, чтобы рассмотреть все в подробностях.

Старик не обманул, его глазницы оказались пустыми, если не считать двух бескрылых стрекоз, сидящих на постаментах из плоти. Хитин их зеленых тел сливался с человеческой плотью без видимого перехода. Головы стрекоз двигались свободно и независимо друг от друга. Нэфис надел очки, закончив представление.

— Пожалуйста, скажи, что он нас разыграл, — взмолилась Нанса.

— Конечно, это просто шутка, — заверил Ирман. — Не переживай.

— Вы видели, как мы подошли к этому опасному озеру, — сказал Кенрон, — но не захотели предупредить нас о хищной рыбе. Наверняка кто-то из охотников мог подойти к воде по ошибке, тогда рыба отхватила бы ему руку.

— Прости, я здесь не для того, чтобы помогать людям и не для того, чтобы мешать им, — сказал Нэфис. — Я лишь наблюдаю за естественным развитием событий.

— И на нашу смерть вы бы посмотрели? — спросила Нанса.

— Если бы вы мне ее показали. Я видел немало смертей на этом озере. Животные подходят к воде, даже не подозревая, что их ждет. И люди, как оказывается, ненамного их умнее. Кто-то заблудился и не понимает, где находится. Кто-то считает себя самым быстрым и ловким. Кому-то и вовсе страх неведом. Рыба же не делает различий.

— Идем отсюда, — сказал Ирман, — с жуками в глазах или нет, этот тип не в себе.

— Если вы никому не помогаете, то и вам никто не поможет, — сказал Кенрон. — Я хочу знать, почему вы так взъелись на Зеннат.

— Давно, еще до твоего рождения, — сказал Нэфис, — я пытался рассказать людям, что случилось с моей дочерью и внуком, но никого это не волновало. Мне говорили, что это естественный процесс. Лес забирает людей, иногда такое происходит. И я не мог в это поверить, пока не увидел сам. Озеро отнимает жизни, и пока я вижу этот естественный процесс, я в него верю. Однажды моя дочь ушла в лес с ребенком, с таким же пацаном, как ты, и они не вернулись. Такое может случиться с каждым в любое время. Даже со мной, хотя будут ли рыбы довольны моей старческой плотью?

— Очень жаль, — сказал Кенрон. — Но причем тут Зеннат?

— Кто, как не они назначают награды за самых опасных тварей? Сами они не спешат соваться в лес, вместо этого отправляют нас, дайгонцев.

— Среди них нет хороших охотников, — сказал Кенрон. — Но много строителей,

поваров, лекарей.

— И чьи же это проблемы? — воскликнул Нэфис. — Мои глаза стали видеть все хуже. В зеннатской лавке заявили, что у них есть лекарство, но они отдадут его только, если кто-то принесет им тушу одного редкого зверя. Это существо не считали таким уж опасным, но жило далеко в лесу в окружении свирепых тварей. Моя дочь и ее сын, который тогда был чуть старше тебя, отправились в путь и больше их никто не видел. Я пытался их найти, но заблудился, лес сжалился надо мной и подарил новые глаза. Я хотел сжечь проклятую лавку, которая отправила моих родных на смерть, но меня остановили верные Зеннату дайгонцы. Дарлид Амелот руководил ими.

— Устраивать беспорядки в городе — не лучшая идея, — заметил Кенрон.

— Что же, так и жить дальше, идя на смерть для чужой выгоды? — спросил Нэфис.

— Вы сидите здесь и нападаете на ни в чем не повинных людей, — сказал Кенрон. — Если хотите что-то поменять, возвращайтесь в город. Если вас что-то не устраивает, попробуйте это обсудить.

— Наивный ребенок, я уже пытался рассказать людям о том, как Зеннат ими манипулирует.

— Значит, нужно пробовать, пока не получится, — сказал Кенрон. — Это место называется Гиблым, и вы здесь, как будто уже умерли.

Кенрон почувствовал, что Нанса тянет его за рукав охотничьего костюма. Он и сам понимал, что задержался на этом берегу непростительно долго, а ведь ему еще предстояла дорога домой. Он понимал, что Нэфис Надэм годился ему в деды и наверняка прекрасно знал все, что Кенрон мог ему посоветовать. Откланявшись, все трое направились в части берега, к которой начиналась тропинка, ведущая в город Керфен. Нанса постоянно озиралась, однако, столь грубо обошедшийся с ней старик не использовал магию камуфляжа и не пытался их преследовать.

Нэфис Надэм долго стоял на берегу, размышляя о повстречавшихся ему подростках. Он подозревал, что судьба нарочно послала их ему, но не вполне понимал, зачем. Возможно, для того, чтобы в последний раз поговорить с людьми, прежде, чем его жизнь оборвется. Нэфис взобрался на крупный камень у кромки воды, хищные рыбы с усиленными магией зубами резво шныряли у озерного дна. Он подумал о том, что мог бы помереть прямо сейчас, пока воспоминания о человеческом общении еще не стерлись из его памяти. Все лучше, чем бесцельно прозябать на пустынном берегу еще долгие годы.

С другой стороны, подумал Нэфис, судьба послала ему не только парня, указавшего ему, насколько бессмысленна его теперешняя жизнь, но и сына Оррина Глэра. С Оррином они расстались не в лучших отношениях, но тот всегда ненавидел Дарлида Амелота и с Зеннатом его отношения никогда не ладились.

Возможно, решил Нэфис, если он объединит силы с Оррином и поднимет свои старые связи, у них найдется достаточно людей, чтобы противостоять Зеннату и Дарлиду Амелоту. Нэфис Надэм спрыгнул с камня. В тот день рыбы, глазевшие на него из толщи воды, остались голодными.

Ничто не радовало Дарлида Амелота так сильно, как возможность несколько раз в неделю провести время наедине с женой. Многие дайгонские мужчины были высокими и развивали для охоты внушительную мускулатуру. Дарлид был по сравнению с ними настоящим гигантом. Он бы и рад был стать пониже ростом, чтобы не привлекать лишнего внимания, не прячась в камуфляже, но, то, что дала природа приходилось брать, не задавая вопросов. Его волосы были рыжими и обычно всклокоченными, а вот за усами он следил тщательно, залихватски закручивал их вверх, правда, не многие в лесу могли оценить его старания.

Его жена Алина шла рядом, стройная с длинными каштановыми волосами, заплетенными в косу. Дарлид с удовольствием поглядывал на ее упругие мышцы на бедрах, плечах и животе, которые проглядывали через обтягивающую униформу охотника. Он знал, что по-настоящему ее красота раскрывалась лишь в беге, когда ее мышцы начинали ритмично сокращаться, а волосы трепетать в порывах ветра. Вот только, увы и ах, догнать ее было сложно, поэтому ее настоящую красоту он видел нечасто.

Охотились они далеко от города в местах, которые считались настолько опасными, что многие дайгонцы предпочитали никогда не навещать сюда. Они шли по широкой еле заметной тропинке, которую сами же и протоптали за многие годы охоты в одном и том-же месте на одних и тех же существ. Нет, это занятие вовсе не казалось Дарлиду скучным, но он предпочел бы иметь дело именно со скукой вместо того, с чем им приходилось сталкиваться. Их добыча была весьма свирепой и могла за себя постоять. Разумеется, платили за нее, как ни за какую другую, иначе, какой был бы смысл рисковать.

Алина злилась, взгляд ее был хмурый, кулаки сжаты. Она казалась Дарлиду более красивой просто потому, что он редко видел это выражение лица и не привык к нему даже за многие годы брака. Когда у нее начал краснеть лоб, Дарлид решил, что пора заканчивать с любованием и отвлечь ее от мрачных мыслей.

— А тропинка-то стала шире, — сказал он, — трава сильно примята, куда ни глянь.

— Тут как будто человек двадцать прошло, — заметила Алина.

— Никто не охотится такой большой толпой, это попросту невыгодно, — сказал Дарлид.

— Натоптали, как целое стадо, — возмутилась Алина. — И все же, наше тайное место для охоты нашли. Нужно было лучше прятать начало тропинки.

— И ушло у них на это всего шесть лет, — сказал Дарлид. — Лес общий, мы не можем им запретить. Раз уж они нашли наше место, ничего не поделаешь.

— Поищем другое место для охоты? Эта толпа будет нам мешаться.

— Погоди, я хочу узнать, все ли у них в порядке.

Вскоре они услышали голоса: впереди по тропинке разговаривали несколько громогласных мужчин.

— Так кричат, хотя мы на границе с третьей зоной, — сказала Алина.

— Надеюсь, у них там не попойка, и они не вздумали развести костер.

Дарлид прошел дальше и увидел несколько человек, лежащих на траве по обе стороны тропинки. Все они носили охотничью униформу из черной плотной ткани и защитных пластин на предплечьях, груди и бедрах. Некоторые из охотников были ранены, Дарлид

чувствовал запах крови, опаленной ткани, плоти и лекарственной мази. Все охотники были в сознании, при этом о чем-то жарко спорили.

Четверо из них поднялись и подошли к Дарлиду, тем временем, Алина скрылась у него за спиной. Со стороны могло показаться, что жена испугалась встреченной компании и решила свалить все неприятное общение на мужа, на самом деле, это была часть их охотничьей тактики. Один действует, другой наблюдает и готовится прийти на помощь, когда и если та понадобится, не ранее.

Старшему из всей группы было на вид лет двадцать, несколько хаотично разбросанных шрамов на лбу он пытался прикрыть густой черной шевелюрой. Охотник шагнул к Дарлиду и принялся его пристально разглядывать и обнюхивать. В Керфене обнюхивать незнакомцев считалось дурным тоном, хотя острый нюх дайгонца мог выведать порой больше, чем зоркий глаз.

Незнакомец попытался обнюхать и Алину, Дарлид тут же встал между ним и женой.

— Прежде чем нюхать мою жену, представьтесь, молодой человек. К тому же, у нее плохое настроение, может и без носа вас оставить.

— Криз из семьи Мивиль, — сказал охотник со шрамами на лбу. — Многие хотели узнать, где охотится легендарный Дарлид Амелот. Не так давно мы проследили за вами, а сегодня оказались тут раньше вас. Отныне это место будет нашим.

— Сегодня мы и вправду припозднились, — сказал Дарлид. — Я бы поздравил вас с тем, что вы обошли меня и жену, но вижу, не все вы в добром здравии. Что-то пошло не так?

Один из людей, лежащих на траве, схватился за ногу и застонал, ожог не выглядел глубоким. От более сильного ожога его спасла униформа охотника, которая почти не горела и плохо пропускала тепло, но и у этой одежды были свои пределы.

— Вам повезло, что мы добрались сюда первыми, — сказал Криз. — Там собралась огромная стая из пятнадцати огненных ящеров. Вас бы разорвали в клочья и сгинул бы Дарлид, победитель турниров, и его прелестная женушка.

— К тому же, вы забыли свое оружие, — заметил один из Мивилей, стоящих поодаль.

Дарлид взглянул на меч, в ножнах висящий на его поясе.

— Разве? — спросил он.

— Только не говорите, что один меч поможет вам против оравы огненных ящеров, — бросил Криз. — Ах, да, у дамы на бедре подсумок с метательными звездами.

Он сел и принялся обнюхивать пояс с подсумками на талии Алины.

— Молодой человек, где ваши манеры! — воскликнула она.

Дарлид схватил крупной мускулистой рукой парня за плечо и рывком поставил на ноги.

— Метательные звезды, или что там у вас, даже не отравлены, на что вы надеетесь? — не унимался Криз. — Или хотите задавить ящеров авторитетом?

Среди охотников раздались смешки, впрочем, раненым было не до веселья.

Дарлид осмотрел оружие охотников: он насчитал восемь мечей, четыре лука, два крупных арбалета четыре колчана со стрелами, — видимо, остальные колчаны были потеряны — две алебарды и обугленную доску с гвоздями, в которую охотник, лежащий на траве, вцепился так, будто только она и могла спасти его от смерти.

— Неплохой у вас арсенал, парни, — сказал Дарлид. — Но где же добыча?

Один из Мивилей, низкий коренастый парень, украсивший свою униформу бусами из связанных веревкой клыков самых разных форм и размеров, взял слово.

— Я Горн, все, кого вы видите здесь, — кровные братья. Ни один из нас не сбежит от

опасности, бросив других, но это нам не помогло.

В разговор вступил еще один охотник, тощий, долговязый, с перебинтованной рукой, говорил он быстро, голос его дрожал, уверенности и даже наглости Криза в нем совершенно не чувствовалось.

— Ящеры разбили нас наголову, — торопливо пробормотал он. — Мы сражались в ущелье, из которого было всего два выхода. Орэл, Рамас и Алетра взобрались на скалы, чтобы обстрелять стаю сверху. Они из нас самые меткие. Я, Итар и Шеира перекрыли один из выходов. Криз, Горн, Дра и Тана должны были напасть на стаю ящеров и убить как можно больше.

— Асетир верно говорит, так все и было, — сказал Горн. — Я и Криз с группой должны были уложить четверых атакой из камуфляжа. После чего мы собирались отступить, а лучники дали бы залп.

— Вы знали, что эти ящеры могут прыгать вверх метров на пять? — дрожащим голосом спросил Асетир. — Криз с группой не смогли срубить ни одной головы. Они ранили несколько ящеров, но те продолжили сражаться, будто не чувствуя боли.

Видя, как все больше его подчиненных идут с жалобами к Дарлиду, Криз сплюнул и отвернулся, он принялся рассматривать лезвие своего кинжала так пристально, будто это имело сейчас первостепенное значение.

— Два ящера запрыгнули к лучникам; как только те начали выпускать стрелы, их прижали к скалам, — сказал Горн. — Группу, которая должна была преграждать выход из ущелья, тут же окружили. Те, кто смог быстро войти в камуфляж, спрятались, остальных пришлось спасать. Повсюду огонь и паника. До сих пор не понимаю, как нам всем удалось сбежать.

— Вы и вправду охотитесь на этих монстров уже несколько лет? — воскликнул Асетир. — Я не могу поверить. Как вы это делаете?

— Ты спрашиваешь совета, зная, что мы решили украсть их место охоты? — не оборачиваясь буркнул Криз. — Куда делась ваша гордость?

— Для начала, вас слишком много, — сказал Дарлид. — Вы мешаетесь друг другу, вся ваша команда сильна настолько, насколько силен слабейший из вас.

— Это самоубийство — идти на стаю огненных ящеров меньшим числом! — воскликнул Криз. — Не верю, что Дарлид Амелот мог посоветовать такое!

— Четверых вполне хватит, — сказал Дарлид. — Если не справитесь вчетвером, количество вам ничего не даст, только увеличит потери. А еще, если не можете срубить вон то дерево одним ударом меча, не сможете перерубить их шеи.

Дарлид указал на стоящую неподалеку молодую сосну, кора осыпалась с дерева, оголив сухой ствол. Растение поднялось лишь до половины высоты взрослой сосны, после чего погибло то ли от вредителей, то ли от недостатка влаги или сильного мороза в одну из прошлых зим.

— Это дерево? — воскликнул Криз. — Да вы из ума выжили!

Он подошел к сосне, вытащил меч из ножен и ударил что было силы. Меч переломился пополам, часть лезвия сверкнула в воздухе и упала к ногам Дарлида. Тот подобрал заостренный кусок стали и осмотрел его.

Криз в ярости швырнул рукоять меча в траву.

— Ну, что, доволен, Дарлид Амелот? — бросил он. — Еще скажи, что мне недостает сил.

Алину, полностью устраивало, что муж единолично ведет беседу с молодыми охотниками. Чужие проблемы часто утомляли ее больше, чем свои. Поэтому она старалась не вникать в дела незнакомцев, если у нее не было времени и возможности им помочь. В этот раз решение спора напрашивалось само собой.

— Такой удар выйдет у тебя только после десяти лет тренировок, — сказала Алина. — Нужно учитывать центр тяжести меча и угол вхождения в дерево. Если действовать неправильно, меч может отскочить и от заборной доски.

Тем временем Дарлид подошел к дереву, о которое Криз умудрился сломать меч, осмотрел место, где кусок древесины выбило ударом, взглянул на обломок лезвия в руке: из него вполне можно было выковать добротный кинжал. Дарлид махнул обломком — ему стало ясно, что меч был заточен даже лучше его собственного.

Выслушав Алину, Криз покачал головой.

— Вы, старики, только и умеете, что хвастаться и травить байки про рубку деревьев мечами. Все ваши наставления — полная ерунда.

Он обернулся к своим товарищам и крикнул:

— Поднимайтесь, парни, нечего разлеживаться, уходим. Должно быть, великий Дарлид просто ждет, когда один из этих ящеров подохнет от старости и стащит его тушу в город. У нас нет столько времени.

Спорить с Кризом никто не стал, даже несколько раненых с ожогами на голених и бедрах поднялись и, тяжело хромя, прошли мимо Алины и Дарлида, не взглянув на них.

Сам Дарлид пожал плечами и двинулся вперед по тропинке, которая до недавнего времени принадлежала только ему и жене.

— Почему у половины этих братьев женские имена? — спросила Алина.

— Видимо, родители сильно хотели девочку, — сказал Дарлид, пожимая плечами. — Должен ли я был сказать, что сложная часть начинается после убийства огненного ящера, а убить их плевое дело?

— После того, как они назвали нас стариками? Бесплатно мы их больше учить не будем, — сказала Алина.

Позади Дарлида с грохотом повалилось дерево, которое он перерубил обломком лезвия меча охотника по имени Криз.

Огненный ящер — рептилия с красной шкурой, достигал в росте полтора метра, весить мог больше сотни килограмм и был существом особенным, ведь всего одна особь устроившая лесной пожар, уничтожала несколько тысяч деревьев и бессчётное количество крупных и мелких животных.

Огненные ящеры не были сообразительными животными и непременно сгинули бы многие века назад, лишив сами себя пищи, если бы лес не нашел способа, как сохранить их вид.

Земные недра разверзлись, образовав глубокие пещеры, в которых целая стая огненных ящеров без забот могла пережить зиму. Снаружи таких пещер из земли вырастали скалы, создавая ущелье, через которое животные вынуждены были проходить, меняя места кормежки. Дно ущелья застилало разнообразные полевые цветы, имеющие одно полезное для всех лесных обитателей свойство — они плохо горели.

Изредка лес сам приманивал животных к логову огненных ящеров, чтобы избавиться от особей, грозящих нарушить древние устои. К таким животным относились и охотники, правда, заманить их куда-то удавалось редко. Обычно охотники, завидев каменное ущелье, выложенное огнеустойчивыми цветами, понимали, с кем им придется иметь дело, и уносили ноги. Обычно, но не всегда.

Стая из пятнадцати огненных ящеров пировала, им удалось загрызть трех болотных барибалов — крупных животных семейства медведей с растущими на спине грибами и зеленой шерстью, напоминающей мокрую болотную траву.

Семья Мивилей на своей шкуре ощутила, как опасна стая огненных ящеров: животные проявляли невероятную смекалку в групповой охоте, их знания о том, как загонять различных зверей, переходили из поколения в поколение и постоянно развивались. К счастью для охотников Дайгона, на то, чтобы запомнить больше, чем принципы групповой охоты, ума у огненных рептилий не хватало.

Алина наблюдала за пиршеством ящеров какое-то время, затем достала стальную звезду из подсумка, вышла из камуфляжа и запустила ее в ближайшую рептилию. Звезда попала точно в ляжку и засела в ней наполовину. Ящер взревел и уставился на охотницу, пытаясь понять, опасен ли его противник. Тут же его сородичи оторвались от еды и принялись вертеть головами, к этому моменту Алина уже скрылась в камуфляже. Не заметив никого подозрительного, все ящеры вернулись к поеданию барибала, кроме того, из чьей ляжки все еще торчала заостренная звезда, он и не думал приступать к лакомству, пока не отомстит обидчику.

Ящер отошел от стаи, он торопливо нюхал воздух и скалил зубы, чувствуя, как в нем закипает неконтролируемый гнев. Алина показалась ящеру снова, она стояла вдалеке от него на поляне из желтых луговых цветов, тут же ящер сорвался с места. В три прыжка он оказался там, где только что стояла женщина. Он был один, и это злило ящера больше, чем рана на бедре. Он готов был зареветь от злости и раздражения, как в тот же момент снова увидел Алину далеко впереди у самого выхода из ущелья.

Огненный ящер бросился вперед, двигая ногами так яростно и отчаянно, что мощными когтями срывал и подбрасывал в воздух полевые цветы, лишь чуть коснувшись их.

Болас — веревка с двумя стальными грузами появилась из ниоткуда, брошенная метко и

с огромной силой, она опутала ноги ящера, тот рухнул на землю, подбросив в воздух еще больше полевых цветов и принялся удивленно крутить массивной головой. Битва была еще не окончена. Ящер раскрыл рот и полыхнул пламенем перед собой, тут же он изогнул шею и с гортанным ревом выпустил огненное облако в то место, откуда прилетел болас. И этого показалась ящерице мало, он свирепо рычал и дышал огнем во все стороны, кроме одной. Он не мог выгнуть голову так, чтобы пустить огонь точно позади себя, вдоль своего позвоночника. Оттуда и пришел удар. Меч рассек шею ящера так быстро и точно, что на выходе из плоти лезвие не коснулось земли. Огонь с секунду извергался из разрубленного горла, поливая голову ящера, которая, казалось, смотрела на произошедшее с удивлением. Вскоре все стихло, лишь в нескольких местах поляны на дне ущелья горели цветы, огонь не распространился и потух сам собой.

Туша ящера исчезла, отрубленная голова взглянула на пропажу тела, моргнула, открыла пасть, чтобы рыком призвать сородичей, и замерла уже навсегда.

В следующий раз тело огненного ящера появилось на расстоянии в полтора километра от его отрубленной головы.

Дарлид нес массивную тушу на плече, он напряг мощные мышцы рук и кинул ее под дерево, после чего сел на торчащий из земли корень, чтобы отдышаться. Рядом лежали еще две такие же туши с отрубленными головами.

— Я знаю, что она тяжелая, но, пожалуйста, не швыряй ее так на землю, — сказала Алина, выходя из-за дерева, ей пришлось пробежаться на пределе своих возможностей, чтобы ящер не успел поднять тревогу, следуя за ней, она изрядно устала, но мужу показывать этого не собиралась.

— Этот парень гонялся за моей женой, я такого не прощаю. Кстати, может, мне побыть приманкой?

— Бегаешь ты неважно, к тому же, твоя часть работы более опасная, он ведь мог тебя и поджарить.

— Тогда пришлось бы мне с неделю валяться дома на кровати, а тебе за мной ухаживать, — сказал Дарлид, ухмыляясь.

— Быть поджаренным до хрустящей корочки не то же самое, что обгореть на солнце, — заметила Алина. — Видимо, Кенрон весь в тебя.

— Ну вот, началось, — Дарлид подправил зачесанные кверху рыжие усы, желая выглядеть наилучшим образом в минуту, когда жена собралась излить душу.

— Наш сын такой болван, — воскликнула Алина, — как он мог забыть о своем обещании?

— Он пришел, хоть и с опозданием, — напомнил Дарлид.

Ему вовсе не хотелось заострять внимание на том, что не опоздай Кенрон, им, возможно, не пришлось бы иметь дело с братьями Мивиль. Увидев, что место охоты уже занято, они могли попросту развернуться и молча уйти.

— Разве я не говорила ему, что нужно присмотреть за Лаубером? Почему он меня не слушает?

— Все из-за того, что он якшается с сыном Оррина, — сказал Дарлид, — нужно запретить им встречаться.

— Еще не известно, чей сын на кого плохо влияет, — сказала Алина.

— Они что-то замышляют, иначе не уходили бы так далеко в лес, — сказал Дарлид. — Боятся, что я подслушаю

— Пусть ходит, где хочет, — сказала Алина, — лишь бы возвращался вовремя.

— Я сказал, что записал его на занятия в школу. Нужно отменить, пока не научится держать обещания.

— Кто из мальчишек любит учиться? — удивилась Алина. — Он этому только обрадуется.

— Ему захочется туда попасть, когда он узнает, что это магическая школа с учителем кобольдом.

— Не слишком ли мы сближаемся с зеннатцами? — спросила Алина. — Люди и так уже думают, что мы предали Дайгон.

— Главное, чтобы сами зеннатцы думали, что я у них под контролем, — заверил Дарлид. — Тогда они не будут создавать нам лишних проблем. Ты знаешь, я их терпеть не могу и ни одного кобольда не будет в моем доме. Все они шпионы. Каждый из них может вонзить нож в спину, если хозяева его попросят. Вот что, Кенрон пойдет в эту магическую школу, но только после того, как поймёт, что с зеннатцами шутки плохи. Я отправлю его взглянуть на то, что произойдет на малой площади завтра днем.

— Не рановато ли ему смотреть на такое? — изумилась Алина.

— Он уже повидал немало крови, — напомнил Дарлид.

— Но не человеческой, — сказала Алина.

— А есть разница?

— Будь по-твоему, — сдалась Алина. — Скажу честно, я не знаю, как еще его воспитывать. Иногда я думаю, как тебе вообще пришла в голову идея на мне жениться?

— Ты серьезно? — удивился Дарлид.

— Старший сын пропадает непонятно где и совершенно меня не слушается. Мать должна знать, как воспитывать ребенка.

— Когда я тебя впервые встретил, у тебя не было на лбу написано, умеешь ты воспитывать детей или нет. И на других местах тоже надписей не было, — Дарлид закатил глаза, вспоминая первую их с Алиной встречу. Эта встреча произошла при весьма странных обстоятельствах, всех деталей которых он полностью не понимал даже сейчас.

— Не стоит делать предложение первой обнаженной девушке, которую встретишь в лесу, — сказала Алина и погрозила пальцем Дарлиду, будто нашкодившему мальчишке, улыбка коснулась ее губ. — Будет тебе уроком.

— А что мне еще оставалось делать? — спросил он, разводя руками. — Я очнулся на поляне посреди леса. Без одежды и рядом со мной лежала обнаженная красотка, вроде тебя. А я не помню, ни как там оказался, ни даже, как меня зовут. Но я быстро понял, что мне нужно.

— Да, это было странное происшествие, без стыда не вспомнить, а ведь сколько лет прошло, почти пятнадцать.

— Знаешь, что, я с выбором невесты не ошибся, — заверил Дарлид. — И твоя идея с наказанием неплоха, нужно ее только чуть подправить. Пусть Кенрон ловит угрей живыми, мы их потом выпустим, а затем заставим его постирать всю одежду.

Обсуждение наказания старшего сына Амелотов пришлось оставить: далеко в лесу раздался хруст веток, деревья закачались, птицы взлетели в воздух с испуганными криками. Без всяких сомнений Дарлид понял, что к ним двигалась стая крупных животных, особей двадцать, не меньше.

— Мы в третьей зоне, — напомнила Алина, — стоило ожидать, что все пойдет не так,

как надо. Не хочется мне бросать добычу.

— Тогда стоит остаться и заявить о своих правах, — сказал Дарлид и поймал на себе взгляд жены, которая пыталась понять, шутит он или нет. Дарлид не шутил.

Между деревьев показались очертания крупных животных. Неторопливо, вразвалку группа лесных существ подступила к поляне. То были медведи, на спинах которых вперемешку с бурой шерстью росла длинная зеленая трава, которую дополняли так же росшие прямо из животной плоти грибы. Этих зверей называли болотными барибалами, как и ото всех остальных животных в этой местности, ничего доброго ждать от них не приходилось. Медведи обступили поляну со всех сторон и принялись принюхиваться к тушам огненных ящеров, лежащих на земле.

— Если они решат что-нибудь выкинуть, исчезай и беги прочь, — сказал Дарлид и поставил ногу на тушу огненного ящера.

— Я его убил, проваливайте! — провозгласил он, несколько барибалов подняли на него мутные сине-зеленые глаза и тут же вернулись к изучению мертвых тел.

— Они тебя не понимают, — сказала Алина, ей не нравилось быть в окружении, пусть она и была уверена, что от таких медленных животных сможет удрать и без камуфляжа.

— Я слышал, что они оценивают животных по их добыче, — прошептал Дарлид. — Мы убили огненных ящеров, это должно их впечатлить. Смотри, какие глаза умные.

— Как у селедки.

Молодой барибал подошел к туше огненного ящера, растолкав сородичей, и принялся ее обнюхивать.

— Не делай этого, друг, пожалеешь, — предупредил его Дарлид.

Барибал какое-то время переводил взгляд с Дарлида на тушу и обратно.

— Должны же у тебя быть хоть какие-то инстинкты! — крикнул Дарлид.

Молодой барибал раскрыл пасть и вонзил клыки глубоко в обезглавленное тело ящера. Что-то засветилось внутри туши, красное сияние осветило пасть барибала изнутри, словно он съел особо яркого светлячка.

Дарлид знал, что это вовсе не светлячок. Клыки барибала задели магический элемент внутри туши — огненную железу. Когда железа касалась воздуха, она становилась крайне чувствительной к любому воздействию — малейшее сжатие, тряска или удар приводили к детонации.

Тут же Дарлид схватил Алину за талию и вместе с ней запрыгнул на спину одного из медведей, затем одним быстрым прыжком скрылся за толстым стволом дерева. Грохнул взрыв, кору дерева сорвало градом из осколков костей. В ушах Дарлида зазвенело. Он ждал новых взрывов, но все стихло.

Алина стояла, прижавшись к нему, и отходить не торопилась.

— Не обязательно было меня хватать, я и сама могу бегать, — сказала она.

— Надеюсь, это единственная жалоба.

Какое-то время они смотрели друг на друга, пытаясь осознать произошедшее. В отличие от многих других животных, огненные ящеры были несъедобны не из-за того, что их мясо было невкусным или ядовитым. Любой достаточно острый и длинный клык, проникший в их тело, мог привести к мощному взрыву, убивающему агрессора. Магический элемент, который вызывал эту реакцию высоко ценился на кобольдском рынке.

— Я в порядке, здоровяк, — наконец сказала Алина.

Дарлид вышел из-за дерева, молодой барибал лежал на земле обезглавленный; тушу,

которую он надкусил, разорвало на куски и разбросало по всей поляне. Остальные барибалы сбежали.

Дарлид достал из кармана небольшой белый кристалл в золотой оправе и поднес его к тому, что осталось от туши молодого любопытного барибала.

— Если в нем и был магический элемент — от него мало что осталось, — заключил он.

Тот же трюк Дарлид проделал с двумя оставшимися тушами огненных ящеров, в обоих случаях кристалл засиял белым светом, обозначая присутствие магии.

— Может, не будем их вскрывать, донесем до города целиком? — предложила Алина. — Не хватало еще одного взрыва.

— Тогда одну тушу нам придется бросить, — заметил Дарлид. — А очищенные магические элементы стоят в шесть раз дороже этого куска мяса. Если не достанем их, завтра снова придется выходить на охоту, и эти ящеры будут за тобой гоняться. Нет уж. Я вскрою обе туши тут, а ты постой в стороне. Ты знаешь, зачем нам деньги, и платить уже скоро.

Алина прекрасно помнила, что с огненными ящерами они связались не для своего удовольствия. Пусть никто в Дайгоне этого и не знал, им приходилось выплачивать зеннатцам колоссальные, по меркам обычных охотников, суммы как часть сделки, заключенной давным-давно. Настанет день, и ей придется рассказать Кенрону об этом договоре, к счастью, до этого дня могли пройти годы или даже десятки лет. Она и вправду в это верила.

— Только будь осторожен, — сказала Алина.

Дарлид расчехлил кинжал, вонзил его в тушу огненного ящера и одним быстрым движением вспорол ему брюхо.

Кенрон разглядывал хмурое лицо отца, разговор о наказании должен был начаться с минуты на минуту. Все четверо из семьи Амелотов расселись за столом в гостиной. Похоже, хорошим настроением мог похвастаться только малыш Лаубер, пока Алина с Дарлидом пристально смотрели на Кенрона, заставляя его волноваться все сильнее, его младший брат принялся играть с углом скатерти.

Кенрон раздумывал, а не рассказать ли ему родителям о его встрече со странным стариком Нэфисом Надэмом и постараться убедить их, что именно этот старик задержал его так надолго. Тогда ему пришлось бы рассказать и о том, что он явился к запретному озеру и к одному наказанию могло прибавиться другое.

— Я опоздал, — сказал Кенрон, — потому, что слишком далеко ушел в лес. Неужели с вами такого никогда не случалось?

К слову это была почти правда.

— Из-за того, что мы вышли позже, нам пришлось встретиться с бандой Мивилей и болотными медведями, — ответила Алина. — И кто же виноват в том, что мы вышли с задержкой?

— Видимо, я. — Кенрон отвел глаза.

— Хотя кто знает, если бы мы вышли вовремя, все могло обернуться хуже, — заметил Дарлид.

— Каким это образом? — удивилась Алина. — Что может быть хуже медведей и Мивилей?

— Лес всегда найдет, чем удивить, — заверил Дарлид. — В любом случае кое-кого ждет наказание. Хотя я бы назвал это выплатой неустойки.

Кенрон решил не сдаваться без боя. Безропотно принимать наказание ему не хотелось, хотя он прекрасно понимал свою вину.

— Если это неустойка за то, что я опоздал, — сказал он, — не должны ли мы были обговорить ее заранее?

— Хочешь обговорить все заранее? Пожалуйста, — сказал Дарлид. — Сегодня после обеда мы хотим отвести тебя к одному господину по имени Венни. Подробности узнаешь потом, но я думаю, тебя это заинтересует. Однако, для встречи с ним тебе предстоит выполнить пару условий.

— Я знал, что мы взрослые люди и сумеем договориться, — изрек Кенрон с довольным видом и тут же понял, что за столом прозвучало новое незнакомое имя. — А кто такой этот Венни, и зачем мне к нему идти?

— Узнаешь, если придешь вовремя, — отрезал Дарлид. — Кстати, это и есть одно из условий, не опоздай, как в прошлый раз.

— Какое же второе? — спросил Кенрон.

— Сегодня в двенадцать на малой площади произойдет одно событие, — сказал Дарлид. — Посмотри, что там происходит, затем расскажи мне, что увидел и что понял.

Он протянул Кенрону свернутый листок бумаги.

— Это разрешение на вход. Не опоздай, как в прошлый раз.

— Вы могли бы заставить меня сидеть дома до обеда, — сказал Кенрон, решив испытать удачу.

— И как это разовьет твою ответственность? — спросил Дарлид. — Можешь остаться дома или пойти по своим делам — выбор твой.

— Я не опоздаю, — заверил Кенрон.

После завтрака Кенрон задумался, не стоит ли ему, в самом деле, остаться дома до обеда, чтобы точно не пропустить назначенную встречу. Он решил, что это было бы проявлением трусости и малодушия. У него были дела в городе, и отменять их только из-за страха опоздать и разгневаться отца он не хотел.

Мало кто из дайгонцев носил охотничью униформу в городе: для повседневного ношения костюм из плотной черной ткани был не слишком удобен. Почти вся городская одежда, в которую облачались люди, была куплена на зеннатском рынке. С помощью повседневной одежды дайговец мог намекнуть на то, что его финансовые дела идут хорошо, или сделать вид, что это так, будучи по уши в долгах. Кенрон же предпочитал носить простые на вид шелковые рубаху и штаны. Захватив сумку с недавно изловленной крысой, он вышел на залитую солнечным светом улицу.

Тут же из-за угла выбежал рослый паренек, в котором Кенрон без труда узнал Ирмана. Оказавшись рядом, Ирман согнулся пополам, упер руки в колени и принялся восстанавливать сбитое дыхание. Его белая рубаха была пропитана потом. Ирману нужно было пробежать не меньше, чем полгорода, чтобы так себя измотать, а такие долгие забеги без веской причины он не делал.

— Похоже, меня не накажут за опоздание, — не без гордости сказал Кенрон. — Договорился с отцом, мне всего и нужно прийти на малую площадь к двенадцати и посмотреть, что там произойдет. А затем отправлюсь на встречу с этим, как его...

Ирман выпрямился, все еще тяжело дыша, по его лицу текли капли пота.

— Я подслушал разговор отца с каким-то типом, который был в камуфляже, — сказал Ирман. — Отец сказал, что собирается раздавить какого-то парня по имени Венни. Ты же понимаешь, я не смогу дать с тобой деру в другую страну, если моего отца обвинят в убийстве.

Кенрон вытаращился на друга.

— Вот это совпадение, как раз к нему меня и собирались отвести мои старики, — сказал он. — Хотя кто знает, может, это и не совпадение вовсе. Так кто же он, этот Венни, и почему твой отец зол на него?

— Понятия не имею! Это все, что я слышал, а отец ушел сразу после этого разговора. Может, ты мне скажешь, зачем тебя ведут к этому типу?

— Если бы знал, сказал бы.

— Ну и семейка у вас! — воскликнул Ирман.

— На свою посмотри, — сказал Кенрон и улыбнулся, его улыбка заставила Ирмана рассмеяться.

— Делать-то что будем? — спросил он.

— Я не знаю, кто такой Венни, может, он и заслужил гнев твоего отца, — сказал Кенрон. — Но мне не хочется, чтобы у вашей семьи были проблемы.

— А уж мне-то как не хочется, — вторил ему Ирман. — Но если отец чего удумал, остановить его будет, ох, как сложно.

— Тогда нужно рассказать самому Венни, что его ждут неприятности. Может, он извинится перед Оррином, и они все забудут.

— Было бы неплохо, осталось этого Венни найти.

— Считай, что уже сделано, — заверил Кенрон. — Я просто спрошу у своего отца, уж он-то знает.

Кенрон вернулся домой, Дарлид был первым, кого он встретил.

— Решил дожидаться обеда тут, не доверяешь себе? — спросил отец.

— Вот еще, — ответил Кенрон. — Есть разговор, пап.

Они перешли в гостиную и сели по разные стороны небольшого круглого стола. Кенрон впервые почувствовал, что говорит с отцом о деле не как ребенок с родителем, а как взрослый со взрослым. Дарлид молча выслушал его рассказ.

— Ты правильно сделал, что не стал превращать это дело в одно из своих глупых приключений, где ты пытаешься все разузнать в одиночку. Это дело не для одного человека, и у тебя нет достаточно связей и средств, чтобы решить все в меру деликатно и бескровно.

— Так ты разберешься? — спросил Кенрон. — Я не хочу, чтобы у отца Ирмана были проблемы из-за того, что кто-то когда-то наступил ему на ногу.

— Точнее, ты не хочешь, чтобы проблемы были у самого Ирмана, — сказал Дарлид. — Не волнуйся, я ничего не имею против Оррина, хотя меня он, кажется, недолюбливает. Я обойдусь с ним помягче.

— Так кто же такой этот Венни?

— Узнаешь, если явишься на встречу вовремя.

На этом разговор закончился, Дарлид поднялся и вышел, Кенрон не стал донимать его расспросами, понимая, что в итоге промедление может навредить Ирману и его семье. Однако с идеей выяснить, кто такой Венни, Кенрон расставаться не собирался. Он встретился с Ирманом на улице.

— Прости за задержку. Нужно было и тебя позвать на разговор с отцом.

— Я только могу повторить, что слышал, а слышал я немного. Будем надеяться, твой отец все разрешит.

— Нет, не будем, — возразил Кенрон. — Мы сами выясним, кто такой Венни, и предупредим его, уговорим пойти с твоим отцом на мировую. Я даже знаю, откуда начать.

Кенрон вытянул руку и показал Ирману мешок, в котором хранилась убитая несколько дней назад крыса.

В приемном доме охотники могли обменивать добычу на золото. Обычно это было большое двухэтажное здание из камня, в котором на первом этаже кобольды принимали добычу у охотников, а на втором — хранили ее некоторое время до отправки в Зеннат на воздушных кораблях.

В просторном и прохладном холле Кенрон подошел к одной из деревянных стоек, за которой дремал кобольд.

Все зеннатцы, которых Кенрон когда-либо видел, были кобольдами — прямоходящими рептилиями ростом ниже взрослого человека; у них были тонкие, но ловкие четырехпалые руки, ноги с массивными бедрами заканчивались когтистыми лапами, голова походила на голову ящерицы или змеи, а хвост так и вовсе не отличался от того, что был у большинства рептилий.

Все зеннатские кобольды принадлежали к какой-то касте работников и носили жакеты и брюки с цветом и эмблемой этой касты. Кобольд, что спал за прилавком перед Кенроном, носил серую униформу с вышитой на груди отрезанной головой, напоминающей голову самого кобольда. При виде этого совпадения Кенрону всегда становилось неловко.

Крыса, упавшая на прилавок, разбудила кобольда. Подпрыгнув со стула, он тут же принял собранный вид и поправил воротник жакета.

— Давно она у вас? — спросил кобольд, разглядывая крысу.

— Уже сутки.

— Оно и видно. Приносить нужно сразу, вы же не новичок, господин Кенрон.

Кобольд поднес к туше крысы небольшой белый кристалл, спустя несколько секунд, кристалл засиял, показывая, что в теле мертвого существа еще осталась магия.

— Магический элемент в порядке, — заключил кобольд. — Но не стоит затягивать со сдачей добычи — испортится, и вся магия пропадет.

— А как дела у моих родителей? — поинтересовался Кенрон.

— Я был впечатлен их прошлым результатом — две очищенные железы огненных ящеров. У нас почти закончились деньги в кассе в тот день.

— Может, и мне достать магический элемент из этой крысы, тогда вы мне больше заплатите? — спросил Кенрон.

— Боюсь, не выйдет: магические элементы во всех животных распределены по-разному. В крысах он занимает большую часть тела. Мы сохраним ее целиком до отправки в Зеннат.

Кобольд скрылся за занавесками позади себя и через минуту вернулся с большой стеклянной банкой, наполненной жидкостью наполовину. Он натянул резиновую перчатку на четырехпалую руку, взял тушу крысы за шкурку и поместил в банку; прозрачная жидкость поднялась почти до самого горла.

— Вот так, продержится еще с неделю.

— А как дела у господина Венни, — спросил Кенрон, — много ли добычи он принес?

— Мастер Венни? С чего бы ему нам что-то приносить?

Кобольд тут же выронил банку с крысой, зажал рот рукой, выпучил глаза и задрожал всем телом. Ударившись об пол, стеклянная банка разлетелась на множество осколков, вода разлилась по полу. Мертвая крыса, дернувшись в посмертной конвульсии еще больше раскидав куски стекла по полу. Проходящий мимо кобольд уставился на происходящее, он был так поражен, что его нога застыла в воздухе на полушаге.

Кенрон понял, что в приемном доме дальнейшие расспросы успеха не принесут, он попросил свою награду и, получив ее, вышел на улицу к Ирману.

— В этот раз ты быстро, — сказал Ирман. — Ты ведь напомнил им, кто твой отец, и намекнул, что с тобой лучше быть пооткровеннее?

— Нет, но мне в голову почти пришла эта идея, — заверил Кенрон. — Вот, что я выяснил, Венни это не дайговец — судя по всему, он кобольд.

— Чтобы мой отец обозлился на обычного кобольда? — удивился Ирман. — Быть не может. Что толку воевать с одним кобольдом? Даже если отец его одолеет, на его место придет другой. В Зеннате этих кобольдов, кажется, бесчисленное множество. Половина Керфена забита ими.

— Я бы меньше удивился, если бы твой отец объявил войну моему, — сказал Кенрон, — кажется, они что-то не поделили в юности.

— Пока что выходит, я взвалил на тебя всю работу, а сам ничего не делаю, это мне не нравится, — сказал Ирман. — Попробую найти своего папаню. Передам ему, что весь город знает о его планах навредить Венни. Может, он передумает или хотя бы не станет спешить с этой затеей. Так у твоего отца будет больше времени, чтобы решить все миром. Попробуй отыскать этого Венни и скажи, что сегодня ему лучше зарыться в какую-то глубокую нору.

— Я в два счета узнаю, кто он такой, — заверил Кенрон. — Можешь на меня положиться.

Ирман кивнул, после чего они расстались, Кенрон проводил его взглядом и отправился к месту, где кобольдов было больше всего.

Зеннатских рынков в Керфене было несколько, выстроенные словно по одному чертежу, они представляли из себя огромное двухэтажное каменное здание с большими окнами, позволяющими наблюдать за торговлей с улицы.

За стеклянными дверьми, поражающими своей видимой ненадежностью, находился центральный зал с таким высоким потолком, что сюда мог без труда поместиться двухэтажный дом, в котором жил Кенрон. Почему-то он ожидал, что кобольды, напротив, будут строить низкие здания, неудобные для людей, впрочем, такой размах его впечатлял и радовал, образчик иноземной архитектуры как-никак.

Кенрон прошел мимо отдела продуктов питания. Большая часть товаров была высушена, и они могли долго храниться в коробах, которые продавали в соседнем отделе. Стоило добавить кипятка, и большинство продуктов превращалось во что-то съедобное и даже вкусное. Такой вариант подходил тем дайгонцам, которые хотели сэкономить на провизии.

В другом отделе можно было заказать готовую еду на дом, кобольды разносчики в синих жакетах с маркой службы доставки почти круглые сутки сновали по всему городу, доставляя те или иные товары. Один из таких кобольдов доставил еду, которую Кенрон с семьей ели на завтрак.

Посетителей в отделе питания, как всегда, было великое множество — отвлекать продавца за прилавком расспросами о загадочном Венни смысла не было. Нужно было найти кобольдов, которые скучали от безделья, разговорить их казалось Кенрону плевым делом.

— Я хочу купить эти четыре куска сушеного мяса, вот деньги, — крикнул один из посетителей отдела с продуктами, когда Кенрон проходил мимо.

— Говорю же, я не могу вам их продать по этой цене, — ответил кобольд за прилавком.

Все кобольды на первом этаже рынка носили красные жакеты и брюки с эмблемой, обозначающей отдел, в котором они работают.

— Это почему же не продадите? — негодовал посетитель.

— Вы купили шесть кусков мяса в северном рынке всего четыре часа назад, — пояснил продавец.

— Я упал в ручей, когда пытался перейти его по бревну, все мои припасы утонули с рюкзаком.

— Сожалею, господин. Я могу продать вам это мясо только по двойной цене. Или приходите завтра, тогда цена для вас снизится. Если вы скупили все мясо, другим не хватит.

— Вот живодеры! — раздался голос разгневанного охотника и звон монет. — Откуда вы вообще знаете, что я что-то покупал на другом конце города?

— Мы просто знаем, — ответил кобольд.

Кобольды обладали удивительной способностью отлично помнить, кто и что покупает на их рынках. Самых рынков было несколько в городе, еще было множество небольших лавок, которые гнездились в подвалах и на крышах жилых домов. Кобольдов торговцев, должно быть, набиралось несколько тысяч особей, при этом каждый из них знал о продажах другого и помнил всех посетителей рынка в лицо. Кенрон был уверен, что без магии такой трюк повернуть было невозможно. И тем не менее, даже зная о такой слежке, дайгонцы не брезговали заходить в зеннатские магазины, ведь цены были скромными, а остальное, судя

по всему, людей не слишком и волновало.

Проходя мимо отдела с мебелью, Кенрон услышал разговор пожилой высокой женщины с кобольдом продавцом.

— Поздравляю с рождением сына, — сказал кобольд. — Давно вас не было в нашем магазине, вам полагается скидка. Желаете выбрать детскую кроватку?

— Да, вы прямо мысли читаете, — удивилась женщина.

— Ваши мысли в полной сохранности, — заверил продавец. — О пополнении в вашем семействе несложно было догадаться после того, что купила ваша служанка на восточном рынке.

— Моя служанка много болтает.

— Вовсе нет. Ваши покупки говорят сами за себя.

Лестница на второй этаж, где продавались магические товары, была в самом конце первого этажа. На отдел строительства Кенрон поглядывал с восхищением и тревогой. Кобольды обещали выстроить дом всего за тысячу золотых монет, такую сумму Кенрон накопить уже через пару лет, даже не слишком ограничивая себя в тратах. Но что потом? Он будет жить в собственном доме до глубокой старости и охотиться время от времени, чтобы купить еды. Так и пройдет вся его жизнь в Дайгоне.

В отделе строительства в это время шел жаркий спор.

— Да, вы принесли деньги, но мы не можем строить на земле, которую вы не взяли в аренду, — возмутился кобольд продавец. — Пройдите в отдел договоров и выберете подходящий участок.

— Они все далеко от центра и ужасно дорогие, — негодовал посетитель отдела.

— Можете взять в рассрочку на тридцать лет под скромные двадцать процентов в год.

— Но дом-то вы строить начнете? — спросил посетитель.

— Разумеется, это будет ваше собственное жилье, — заверил его кобольд продавец. — Не желаете заодно заказать мебель и прислугу?

Напротив отдела строительства располагался отдел одежды. Посетителей в отделе в этот момент не было, поэтому именно там Кенрон решил расспросить о Венни.

Он подошел к кобольду, продавцу за прилавком.

— Вам нужен совет, господин Кенрон? — спросил кобольд. Как и все прочие продавцы, он носил красный жилет, вышивка на рукаве изображала пустую вешалку.

Кенрон до сих пор удивлялся, как кобольды-продавцы безошибочно узнавали его в лицо. В отдел одежды он заходил последний раз два месяца назад и сам уже не помнил ни единой приметы продавца, с которым тогда разговаривал.

— Хотел спросить, не знаком ли вам кобольд по имени Венни? — перешел сразу к делу Кенрон. — Кажется, память у вас что надо.

Кобольд уставился на Кенрона, затем выбежал из-за прилавка и скрылся за стеллажами с одеждой. Вскоре к Кенрону вышла целая толпа из десяти кобольдов в одинаковых красных костюмах; они встали перед Кенроном в два ряда и принялись молча на него пялиться. От смущения Кенрон почесал затылок.

— Вы мне скажете или нет? — спросил он.

Ответа не последовало. Два десятка глаз смотрели на него, не отрываясь, ни один кобольд при этом не издавал и звука.

— Ладно, найду в другой раз, — сказал Кенрон.

Как только он вышел, позади него захлопнулись массивные створки ворот. Один из кобольдов выбежал, повесил табличку на ворота и скрылся в двери сбоку, табличка гласила: «Отдел закрыт по техническим причинам, приходите завтра».

Закономерность определенно угадывалась — каждый раз, когда Кенрон спрашивал о Венни, кобольды попросту отказывались иметь с ним дело. Более того, они выглядели напуганными. Ирман был прав, говоря, что нужно использовать уловки, чтобы выяснить больше. Хотя Кенрон и не был силен в риторических баталиях, он решил, что отныне будет искать удобной возможности, чтобы спросить о Венни, нежели спрашивать напрямую.

Кенрон поднялся на второй этаж, где продавались разнообразные магические товары. Цены на этом этаже были в десять, а то и в сотню раз выше, чем на товары первого этажа, хотя большая часть магических безделушек обычному человеку была без надобности. Особенно, та несчастная лента, которую Нанса умудрилась уронить в воду. Кенрон помнил, что дал слово купить такую же ленту и вернуть ее Нансе. Он был лидером того похода и все траты должен был покрыть сам, а всю прибыль, то есть деньги с продажи двух крыс, разделить на троих.

Отдел лечебных снадобий был полон народом. Кенрон захватил из дома сотню золотых и собирался потратить их на новое противоядие, взамен тому, что отдал Ирману в недавнем походе, а на остаток купить ленту для Нансы. Увы, но остатка не оказалось. Цена на противоядие поднялась до сотни золотых, с досадой Кенрон расстался с накопленной суммой, но выбора не было, не идти же в лес без элементарной защиты.

За крысу он получил девять золотых, три из которых следовало отдать Нансе за ее испуганную пробежку по лесу. Денег осталось совсем ничего.

Отдел магических мелочей был завален различными товарами, большая часть из которых были бесполезными игрушками. Раньше Кенрон часами стоял у прилавка, читая описания удивительных предметов, хоть и не мог взять в толк, зачем кому-то могли понадобиться очки, которые позволяли видеть в темноте, но только при свете полной луны, или бутылка, которую можно было разбить об пол, и она тут же снова становилась целой, при этом эффект терялся, стоило в нее что-то положить или налить. На фоне предметов этого отдела лента Нансы выглядела образцом полезности.

— Две сотни золотых, — сказал торговец, он носил серую униформу с вышивкой в виде семиконечной звезды.

— Две сотни за эту разноцветную тряпку? — воскликнул Кенрон. — Да кобольды с первого этажа построят дом за тысячу. Дом не может стоять, как пять коротких кусочков ткани.

— Но этот дом не будет волшебным, — возразил кобольд.

Тут же Кенрон выпалил:

— Я расскажу мастеру Венни о ваших ценах!

— Пятнадцать, пятнадцать золотых! — немедленно отреагировал кобольд и тут же зажал рот руками.

— Кстати, где я могу найти Венни, у меня к нему пара слов? — спросил Кенрон.

Кобольд продавец какое-то время смотрел на него округлившимися глазами, руки, которыми он закрыл рот, начали заметно дрожать.

— Мы закрыты, приходите завтра, — выдавил из себя кобольд, он кинул на прилавок табличку, которая легла стороной без надписи вверх и скрылся в глубинах отдела.

Кенрон понял, зря он хвастался Ирману, что сможет разузнать о Венни на рынке.

Продавцы зенната быстро узнавали, кто и что из покупателей, о чем спрашивал. Так скоро все они откажутся с ним разговаривать. Кенрон решил, что у него осталась в лучшем случае одна попытка узнать, кто такой Венни. Стоило выбрать какого-нибудь необычного торговца и выждать подходящего момента, чтобы завести разговор о кобольде, которого решил прикончить Оррин Глэр.

В самом конце холла второго этажа была лестница, ведущая на крышу здания рынка. Рядом с ней у стены стоял и разглядывал свои ноги одинокий кобольд. Голова кобольда отличалась от тех, что Кенрон выдел ранее, — черты лица (после некоторых размышлений, Кенрон решил, что у кобольдов все же лица, а не морды, ведь им была доступна мимика, весьма схожая с человеческой) были более мягкими, чем у прочих кобольдов. Кожа белая, чешуек и вовсе видно не было.

Все кобольды на рынке носили одежду, обозначающую к торговцам какого этажа и отдела кобольд относится. Этот же носил коричневый плащ — должно быть, жакет, обозначающий отдел, в котором работал кобольд, скрывался под этим плащом.

Кенрон подошел к загадочному кобольду.

— Как торговля продвигается, приятель? — спросил Кенрон.

— Сегодня меня приняли за парня, так что не очень, — ответил кобольд, точнее, ответила самка кобольда.

— Так ты не...

— Попробуй угадать. — Она провела рукой по слегка выпуклой груди и крутым бедрам, обозначив их под плащом.

— Ладно, это неважно, парень ты или нет, — сказал Кенрон, — Я подумываю, стоит ли купить... то, что ты продаешь. Есть ли какие-то достоинства у твоего товара?

Самка кобольда покраснела, что было хорошо заметно на ее белой коже. Впрочем, краска тут же сошла.

— А ты не слишком молод для этой покупки?

Она подошла к нему вплотную, провела рукой по макушке своей головы и коснулась лба Кенрона. Оказалось, что Кенрон лишь немного выше нее.

Боясь, что разговор опять зайдет в тупик и шанса спросить о Венни не выпадет, Кенрон сказал:

— Я сам зарабатываю, значит, сам могу и тратить. Может, моему младшему брату нужна нянька, но не мне.

— Приятно видеть уверенного в себе дайгонца, — сказала самка, отступив обратно к стене. — Я здесь уже неделю, и ты первый, кто решил перейти прямо к делу.

— Так вышло, что сегодня я тороплюсь, — сказал Кенрон. — Времени у меня только до обеда.

Самка кобольда кивнула, давая понять, что тоже настроена на деловой разговор.

— Взгляни на лучший товар на этом рынке! — торжественно провозгласила она. — Сегодня со скидкой.

Она распахнула плащ, оказалось, что это единственный элемент одежды, который она носила.

Кенрон осмотрел ее тело, пытаясь понять, что все-таки она продает. Будь на ней один из жакетов, которые носили все продавцы рынка, он бы без труда определил, продавец какого отдела перед ним находится.

— Ну, довольно с тебя, — сказала она, захлопнув плащ. — Берешь или нет?

Кенрон успел заметить, что на подкладке плаща не было прикреплено ни каких предметов, а сам плащ был скроен специально для кобольда — имел узкие плечи и рукава и расширялся книзу, человеку он не подходил. Если бы кто-то и смог его надеть, то выглядел бы в нем нелепо.

— Три серебряных монеты, — сказал Кенрон. — Не вижу смысла платить больше.

— Немыслимо! — крикнула самка. — Раз денег нет, не подходи ко мне!

Она резко развернулась и бросилась бежать вверх по лестнице, ведущей на крышу, после чего скрылась за дверью.

— Все вы дайгонцы одинаковы! — раздалось из-за двери. — Только и знаете, что трепаться!

«Вышло хуже, чем раньше, — подумал Кенрон. — Она сбежала, а я про Венни даже не заикался».

Не успел Кенрон опомниться от постигнувшей его неудачи, как к нему подошел высокий бородатый мужчина. Он был одет в не по сезону теплую куртку с поднятым воротом, наполовину скрывающим лицо.

— Ты ведь сын Дарлида, как там тебя... — полусшепотом спросил незнакомец.

— Кенрон.

— Я видел, как ты подкатил к этой прелестной самочке с предложением.

Мужчина замолчал, Кенрон ожидал какого-то вопроса, но его не последовало.

— Я хотел расспросить ее о парне по имени Венни, — сказал Кенрон, надеясь, что хотя бы охотники не будут впадать в панику, услышав это имя. — Вам он не знаком?

— Мне до твоего Венни нет никакого дела, — ответил незнакомец, в это время к ним подошли еще трое мужчин. — О чем вы с ней разговаривали?

— В основном о том, что она продает, — сказал Кенрон, поглядывая на собирающуюся вокруг него толпу.

— Должно быть, ты ошибся, тебе еще рано у нее что-то покупать.

— Мне так не показалось, — сказал Кенрон. — Она не показала мне того, чего я не видел раньше.

— Да, пожалуй, кто-то взрослеет быстрее, кто-то медленнее, возраст тут не главное, — рассудил незнакомец. — И что ты ей сказал, парень?

— Три серебряных — красная цена.

Эта фраза вызвала изумление, кажется, у всех собравшихся, поднялся гомон; охотники, многие из которых оделись так, как будто ожидали метели со снегом, не умолкали несколько минут.

— Неужели тебя только цена не устраивала? — спросил незнакомец.

— В общем, да, — ответил Кенрон.

Мужчина схватился за голову.

— Это и вправду сын Дарлида Амелота, он не сомневается и идет напролом! — воскликнул бородач, расстегнул куртку и вытер пот со лба. — Но ведь мы с ней совершенно разных видов! И потом, что подумают люди?!

— Она здесь уже неделю, но никто не пользовался ее услугами, — раздалось из толпы. — Сначала просила тысячу золотых, потом сбросила до пяти сотен.

— Тысяча золотых? — удивился Кенрон. — Да на это дом можно построить.

— Кто знает, как все это будет ощущаться, — сказал кто-то из собравшихся. — Вдруг оно того стоит.

— Скажем так, внешний вид меня не впечатлил, — сказал Кенрон. — Но я готов попробовать. Где ее можно найти?

— На крыше, — тут же ответил бородач. — Она сказала, что больше одного клиента за сутки принимать не будет.

«Сколько шума из-за кобольдского плаща, — подумал Кенрон. — Я даже не знаю, куда его потом девать. Будет обидно, если она и не слыхала про Венни, только деньги зря потрачу».

Он подошел к ступеням, ведущим на крышу, обернулся и увидел, как целая толпа разношерстных охотников провожает его взглядами.

— У меня есть шесть золотых, — сказал Кенрон, — посмотрим, что я смогу купить.

Он поднялся на крышу и захлопнул за собой дверь.

На крыше здания рынка находилась постройка, напоминающая жилой дом, она стояла в центре крыши, так что снизу увидеть ее было невозможно. Все окна были зеркальными и не позволяли увидеть то, что происходило внутри. Вход в постройку охраняли два кобольда с пиками в руках (или это было зеннатское оружие, похожее на пики) и в броне, которая покрывала все, кроме лиц и когтистых лап.

Кенрон подошел к кобольдам охранникам и поздоровался, те в ответ скрестили пики на его пути.

— Где приглашение? — спросил один из них суровым рявкающим голосом.

— Пусть заходит, пропади он в пуще, или как там они говорят, — раздался из-за двери мелодичный женский голос не без нотки раздражения.

Охранники освободили дорогу, один из них отпер дверь ключом и распахнул ее. Войдя в дом, Кенрон оказался в полумраке, свет исходил из окон, через которые можно было разглядеть всю крышу.

«Вот вам и зеркала, — подумал Кенрон. — Если думать, что с другой стороны любого зеркала за тобой могут наблюдать, свихнуться можно».

Коридор вел из прихожей вглубь дома, большинство дверей в стенах коридора были закрыты.

Самка кобольда встретила его у одной из закрытых дверей, она была все еще закутана в плащ, словно это был ее любимый предмет одежды, она взяла Кенрона за руку и повела дальше по коридору.

— Кто-то предпочитает знать мое имя, а кто-то — нет, — сказала она. — Любое прозвище сойдет, я не обижусь.

— Я — Кенрон. У нас в Дайгоне прозвища дают, если знаешь человека много лет и уверен, что он не обидится. Точнее, прозвище рождается само собой, и вы даже не помните, когда это произошло.

— Зови меня Арвин, — сказала самка кобольда, потирая лоб, Кенрон подумал, что, возможно, у нее начинает болеть голова, с чего бы это?

Они вошли в полутемную комнату с креслом и вертикально стоящим стальным шестом от пола до потолка. На полу были раскиданы подушки из красного бархата, в углах на подставках стояли зажженные ароматические свечи.

— Располагайся и жди, — сказала Арвин и вышла, игриво махнув хвостом.

Кенрон уселся в мягкое кресло, что стояло прямо напротив тумбы с шестом, не уверенный, не занял ли он ненароком место хозяйки дома. Однако, других стульев или кресел в комнате не было.

Арвин вскоре вернулась, на ней было множество золотых украшений и никакой одежды. Она запрыгнула на постамент, из которого торчал вертикальный шест, и принялась ловко извиваться вокруг стальной палки.

Она напевала какую-то незнакомую мелодию, медленно и изящно обвиваясь вокруг шеста. Арвин умудрилась перевернуться вниз головой, держась за шест хвостом и крепкими ногами.

Кенрон смотрел на это представление какое-то время, вскоре движения начали повторяться.

Он встал и подошел к Арвин.

— Я понял, спасибо, — сказал Кенрон. — Этого достаточно, очень симпатичный танец.

Он упер руки в бока и принялся приплясывать.

— Это еще что? — спросила Арвин, вися вниз головой.

— В конце весны мы в Дайгоне празднуем наступление нового охотничьего сезона.

Танец называется пет-пет, у него очень простые движения.

Арвин случайно отпустила стальной шест и шлепнулась на постамент.

— Не ушиблась? — спросил Кенрон, перестав приплясывать.

— Если ты еще не догадался, я здесь не культурный обмен устраиваю. Садись в кресло, переходим к главному блюду.

Кенрон послушался, после чего Арвин села ему на колени, отчего тот почувствовал себя неловко. В Дайгоне так никто не делал, а у кобольдов это могло быть нормой.

— Я знаю множество способов, как очаровательная самка кобольда может ублажить человека, — заверила Арвин. — Со мной ты забудешь о разнице между нашими видами, нет, ты начнешь ценить эту разницу.

— Это как раз то, о чем спрашивал тот бородач, — вспомнил Кенрон. — Он беспокоился о разнице между видами. Вам явно есть, о чем с ним поговорить.

— Здесь только ты и я, — прошептала Арвин. — Что такое по-твоему женственность?

Кенрон раскрыл рот и понял, что понятия не имеет, как ответить на этот вопрос. В итоге он просто пожал плечами.

— Как насчет такого: мужчина приносит в дом деньги, а женщина создает такой дом, в который стоит принести деньги. Тот, кто сделал дом приятным местом для мужчины, и есть женщина и неважно, какого она роста, есть у нее хвост или нет.

Арвин взяла руку Кенрона и принялась ее облизывать, она водила крупным языком по ладони и между его пальцами. Кенрону стало щекотно и приятно от ее теплой слюны.

— Знаешь, — сказал он шепотом, — я и не думал, что кобольды — теплокровные, хотя мог бы и заметить — все же, жил с вами всю жизнь. А еще традиции у вас действительно странные. Ничего, что я не мыл руки с завтрака?

— Это моя личная традиция, — сказала Арвин. — Другие кобольды тебя так не приласкают.

Она засунула палец Кенрона в рот и принялась облизывать его со всех сторон. Палец начало засасывать внутрь, Кенрон тут же выдернул руку.

— Эй, я все же не макаронина, — рассмеялся он.

— В моей слюне самая настоящая магия, — сказала Арвин. — Она лечит небольшие раны, избавляет от инфекции и заставляет кровь приливать к местам, которые я облизываю, даже если крови там давно уже не было.

И тут Кенрона осенило.

— Ты вовсе не продаешь плащи, — сказал он, — ты лечишь царапины и танцуешь в непрактичной одежде. Странное сочетание, но гораздо полезнее, чем продажа старого плаща. Знаешь, это даже стоит шести золотых. Нет, пожалуй, все же пяти.

Она вскочила с его колена и указала когтистым пальцем ему между глаз, соорудив гневную мину. Кенрон сразу понял, что это гнев, ведь многим животным, которых он встречал, достаточно было поднять верхнюю губу и оголить клыки, чтобы показать свое недовольство.

— Пять золотых, да ты самый неблагодарный человек из тех, что я встречала, —

негодовала Арвин, — а встречала я их немало!

— А если слюны накапать в баночку, — продолжил Кенрон, — от клиентов отбоя не будет...

— Да что с тобой не так?! — тут же прервала его Арвин. — Разве ты не видишь, что перед тобой самый красивый кобольд из когда-либо живших! Да, с тобой явно что-то не так. Мою красоту оценил сам король Урик Анскульд Четвертый! Он три десятка лет платил мне огромные деньги, чтобы никто кроме него не смел приближаться ко мне, и когда его страна разорилась, и он понял, что не сможет больше встречаться со мной, покончил с собой прямо у меня на глазах!

— И не он один! — продолжала она. — Еще до короля Урика я выбирала одного из тех мужчин, что ходили ко мне регулярно, и начинала повышать цену. Думаешь, они переставали появляться после этого? Они продавали дома, брали крупные займы, уходили от жен, чтобы наскрести еще немного денег. А затем, когда понимали, что им меня больше не увидеть, тоже кончали с собой прямо здесь, в моем доме!

У Кенрона отвисла челюсть.

— Пстой, ты была в других странах? — спросил он. — Конечно, почему нет? Все кобольды — наемные рабочие, поработали в одной стране, перебрались в другую, потрясающе! Вы ведь можете мне столько всего рассказать!

— Я не должна была говорить ничего из этого! — воскликнула Арвин и зажала рот руками, такую реакцию Кенрон сегодня уже видел. — Ты даже не представляешь, что босс со мной сделает, если узнает!

— Король, босс, это ваши старшины? — спросил он. — В любом случае, я никому не расскажу. Только Ирману и Нансе, они мои лучшие друзья, больше никто не узнает.

— Я не вернусь в Светлую долину! — завопила Арвин.

Она принялась метаться по комнате и переворачивать подушки, лежащие на полу, дважды она оббежала вокруг постамента с шестом, перевернула один из высоких подсвечников и тут же раздавила упавшие на пол свечи, не заметив этого.

— Где эта проклятая штуковина?! — крикнула Арвин.

Она метнулась к Кенрону и засунула руку ему между ног так неожиданно, что тот не успел понять, что происходит. Рука Арвин оказалась под подушкой, на которой сидел Кенрон, она вытащила кинжал, покрытый золотом и драгоценными камнями.

— А это тебе зачем? — спросил Кенрон.

Она поднесла нож к своему горлу, ее руки дрожали.

— Они не отправят меня обратно после всего, чего я добилась! Я не позволю мешать себя с обычными кобольдами! Я — совсем другой материал!

Кенрон привстал с кресла, выхватил кинжал из рук Арвин и сел обратно так быстро, что самка не заметила этого движения. Она принялась осматривать пустые ладони и пол под ногами, пока, наконец, не увидела клинок у Кенрона в руках.

Она потянулась к оружию — Кенрон легко перехватил ее руку.

— Не отдам, пока не успокоишься, — сказал он и похлопал себя по колену. — Почему бы тебе не присесть, есть разговор.

Арвин опять села на его колено, по ее белоснежным щекам текли слезы, она принялась всхлипывать.

— Значит, вам запрещено рассказывать о других странах, — сказал Кенрон, он засунул вычурно инкрустированный кинжал обратно под подушку, на которой сидел, чтобы не

мозолил глаза. — Неудивительно, что все кобольды так волновались, когда я пытался их расспрашивать. Я сохраню твой секрет, даже мои друзья ничего не узнают.

— Могу ли я тебе верить?

— Кобольд может верить дайгонцу так же, как дайговец кобольду, — сказал Кенрон. — Если ты не обманешь, не обману и я. Назначь справедливую цену за свои услуги и не повышай ее. Бери сколько тебе нужно, но не больше. Ни с одним дайгонцем не должно произойти то, что случилось с тем королем. Кстати, что именно с ним случилось? Нет, лучше расскажи с самого начала, где ты родилась?

— Постой, я не собираюсь тебе больше ничего рассказывать, ты и так услышал слишком много.

— Очень жаль. Кажется, ты говорила, что знаешь, как ублажить меня, или мне показалось? Ты умеешь танцевать, облизывать людей, и у тебя есть непрактичная одежда. Ничего из этого мне не интересно. А вот про другие страны я бы послушал.

— Я не мастер рассказывать истории, — всхлипывая чуть реже, сказала Арвин.

— Да какая разница? — удивился Кенрон. — В Дайгоне невероятно скучно, и мы окружены непроходимым лесом со всех сторон, в другую страну никому из нас не попасть.

— Будь по-твоему, — кивнула Арвин. — Кобольды живут в месте под названием Светлая долина, я бы давно забыла об этом месте, если бы босс не напоминал мне, что я отправлюсь туда, стоит мне один раз ошибиться. Долина окружена высокими скалами, и кобольды жили там много сотен лет, пока однажды землетрясение не разрушило часть скалы, и в долину не открылся проход. Лесные твари, наподобие тех, что живут в ваших лесах, ринулись в долину. Они рвали кобольдов на части, пожирали мужчин, женщин и детей без разбора, пока ни единого кобольда не осталось в живых.

— Такой концовки я не ожидал, — сказал Кенрон. — Но ведь ты здесь, кто-то должен был выжить, чтобы продолжить род и передать тебе эту историю.

— Нет, умерли все. Если не веришь мне, зачем спрашиваешь?

— Но...

— Затем в долину прилетел зеннатский корабль, — продолжила Арвин. — Всех тварей перебили, а проход в скале завалили камнями. Зеннатцы собрали останки кобольдов и поместили в их научную машину. Через некоторое время в стеклянных баках этой машины стали появляться кобольды, причем, не дети, а уже взрослые. Эти кобольды не могли размножаться сами, отныне все кобольды, которых ты можешь встретить, явились из стеклянных колб зеннатской машины.

Раньше история, которую рассказывали кобольдам, была немного другой. В ней говорилось, что не все куски убитых кобольдов попали в машину, а только те, которые понравились зеннатцам, что прилетели на корабле. Так кобольды стали красивее и более привлекательными для людей, чем были. В поздних версиях истории эту часть стали упускать.

— Удивительно, у зеннатцев есть машины на все случаи жизни! — воскликнул Кенрон. — Жаль, этот корабль зеннатцев не прилетел немного раньше, тогда все бы обернулось по-другому.

— Эту историю заставляют учить каждого кобольда, ведь машине с колбами нужны деньги, чтобы она работала. Так у каждого кобольда при рождении появляется долг перед Зеннатом, который кобольд должен выплатить полностью, прежде чем стать свободным.

— Долг? — спросил Кенрон. — Что, если кобольд откажется его выплачивать?

— Тогда дар жизни будет у него отнят, разумеется.

— И сколько кобольд должен Зеннату?

— Обычно кобольд живет шесть десятков лет, — сказала Арвин. — На то, чтобы выплатить долг, уходит примерно пятьдесят лет. Закрыв свой долг, кобольд может вернуться в Светлую долину и жить там, больше не работая, пока не помрет от старости.

Кенрон почесал подбородок, он старался представить себе другую сторону, но его воображение не позволяло увидеть все в красках и деталях.

— Эта долина — родной край кобольдов, почему же ты не хочешь туда возвращаться? — спросил он.

— Нет, провинившиеся кобольды возвращаются не в долину, а к машине, производящей кобольдов. Они обслуживают ее до самой смерти, не получая никакой награды.

— Да, вам нелегко, но это лучше, чем вообще не родиться на свет, — сказал Кенрон, пожимая плечами. — Постой, кобольды продавцы словно мысли друг друга читают, они не узнают про этот разговор?

Арвин рассмеялась, хотя слезы все еще медленно ползли по ее щекам.

— Спасибо за заботу. У меня не было бы ни единого клиента, если бы происходящее здесь узнавало несколько тысяч других кобольдов. У меня нет в черепушке этой штуковины. — Она постучала когтистым пальцем по голове.

— Штуковины? — спросил Кенрон.

— Брось, ты же у нас специалист по лесным зверям. У меня другое ремесло. Ты должен знать, для чего животные сбиваются в стаи.

— Когда один замечает опасность, он предупреждает других, и они вместе сражаются или убегают, — сказал Кенрон. — Вместе безопаснее.

— И ты не слыхал о животных, которые обмениваются магическими сигналами на расстоянии?

— Этот вид мне неизвестен, — сказал Кенрон. — Должно быть, охотиться на них — та еще боль в заднице.

— Зеннат раздобыл несколько тысяч магических элементов этих животных. Они бросают такой элемент в машину, которая делает кобольдов, и кобольд, как бы сказать, вырастает вокруг этого элемента. Так получается кобольд торговец. Когда этому кобольду настанет время умирать, элемент из его головы извлекают и снова помещают в машину.

— Удивительно, — прошептал Кенрон и добавил. — А ты много знаешь, тебя интересно послушать.

— Не думай, что они ходят ко мне с докладами, — сказала Арвин. — Иногда заявляется тип, который что-то слышал и при этом слишком пьян, чтобы держать язык за зубами.

— Вот, о чем я подумал, — сказал Кенрон, — если в Зеннате могут выращивать кобольдов, почему не выращивают животных с магией?

— Если бы они могли это делать, ты бы никогда не увидел ни единого зеннатского корабля, и у тебя на колене не сидела бы прелестная самочка, вроде меня.

— Да, ты права, — сказал Кенрон, — видимо, не все им под силу.

— Я в дела Зенната не лезу, большая ошибка — задавать им вопросы, — сказала Арвин. — Но про свой вид кое-что все же знаю. Кобольды с магией из машины появляются очень редко. При этом у меня магия проявилась не сразу, а только на шестом году жизни. Они могут наклепать лесных тварей, но магии в них будет чуть-чуть.

— Если не хочешь про них говорить, не надо, — сказал Кенрон. — В каких еще странах

ты побывала?

— Кроме Светлой долины и Дайгона всего в одной стране, — ответила Арвин. — Я работала там почти две сотни лет.

— Быть не может! — выпалил Кенрон.

— Я же говорила, что знаю все способы, как охмурить человека, — напомнила Арвин. — Такое приходит только с опытом. Верить или нет, я не всегда была такой невероятно красивой. Давным-давно, лет двести назад, я поняла, что охмурять и ублажать человеческих мужчин — самый быстрый способ выплатить долг Зеннату; мне удалось стать свободной уже к двадцати годам, но что толку возвращаться в долину и ждать там смерти с брюзжащими стариками? Оказалось, Зеннат может продлевать жизнь кобольда и даже вносить изменения в его тело, конечно, за внушительную плату. На вырученные с моего ремесла деньги я покупала дар юности снова и снова, каждый раз он добавлял мне еще тридцать лет жизни. Кобольды, которые только и умеют, что готовить еду и разносить ее по домам, о таком и мечтать не смеют.

— Зеннат может продлевать жизнь людям? — спросил Кенрон. — Никогда об этом не слышал.

— Не людям, а кобольдам, мой босс говорит, это потому, что они в точности знают, как устроено наше тело, — сказала Арвин. — Для меня это стало игрой, я хотела знать, кого смогу пережить. Все, кто появился из машины в один год со мной, давно истлели в своих могилах. Мужчины, которых я ублажала десятками лет, теперь мертвы, а я жива, молода и красива. Они радуются, приходя ко мне, а я радуюсь, когда они уже не могут этого делать; я видела их лучшие годы, а они лишь небольшую часть моей жизни. О лучшей судьбе я и мечтать не могла.

— Так что насчет той страны? — напомнил Кенрон.

— Сгинула, что ж еще? — отмахнулась Арвин. — С ней случилось то же, что и со Светлой долиной, только гораздо медленнее. Лесные существа отнимали у людей поля для скота и посевов, еды становилось все меньше, люди слабели и гибли. Урик приходил ко мне жаловаться, как будто я могла что-то изменить. В итоге, Зеннат закрыл там свое посольство, и мы перебрались в Дайгон. Сейчас в столице поди и людей-то не осталось, лесное зверье ходит между домами и в замковых коридорах.

— Звери иногда ломают охотничьи избушки, которые мы строим в лесу, — сказал Кенрон. — Размах, конечно, не тот.

— Мягко говоря, — согласилась Арвин.

— Но ты ведь видела их города до того, как... все случилось?

— Я редко выходила на улицу, там было очень холодно, даже летом. Я жила, как и здесь, в Керфене, на крыше огромного рынка и почти никогда не спускалась.

— Ты, должно быть, шутишь! — воскликнул Кенрон. — У тебя была такая возможность все там разведать. Как же я тебе завидую.

— Наконец-то ты понял, какого великого кобольда тебе посчастливилось сегодня встретить.

Кенрон похлопал Арвин по спине, давая понять, что собирается встать.

— Хотелось бы задержаться, но мне пора, — сказал Кенрон, поднимаясь.

— Даже не знаю, есть ли смысл просить с тебя деньги.

Кенрон засунул руку в карман и протянул Арвин шесть золотых монет.

— Не смейся меня, — сказала Арвин, отклоняя его подачку.

Они подошли ко входной двери, и в этот момент слова «встретить кобольда» напомнили Кенрону о деле, ради которого он и явился в этот дом на крыше рынка.

— А кто такой Венни? — спросил Кенрон. — Я о нем чуть не забыл.

— Венни? — удивилась Арвин. — Откуда ты вообще знаешь это имя?

— С утра мой друг попросил выяснить, что это за тип. Пока расспросы шли не очень удачно.

— Еще бы, кто захочет вернуться в Светлую долину и чистить стеклянные колбы в машине до конца жизни?

— Ты можешь мне сказать, не так ли? — с надеждой спросил Кенрон.

— Когда кобольд получает дар жизни, его тело, как у взрослого, а ум, как у несмышлёного младенца, — сказала Арвин. — Венни — тот, кто дарует кобольдам разум, он переводит их во взрослую жизнь. Без него мы были бы лишь дикими животными, ведомыми инстинктами. Он как отец многим кобольдам, который их воспитал. Постой, а твой друг откуда о нем знает?

— Похоже, этот Венни тут, в Дайгоне.

— Видимо, в долине ему нашли замену. Не представляю, кого он здесь собрался обучать.

— И где его искать, ты, конечно, не знаешь? — спросил Кенрон.

— Нет, но готова поспорить, такого подарка он тебе не сделает, — она обняла его за шею и нежно поцеловала в губы.

Кенрон тут же отпрянул и врезался спиной в дверь.

— Должен сказать, у нас в Дайгоне целоваться при первой встрече не принято, — сказал он, вытирая губы рукавом, на ткани остались красные разводы от губной помады.

— Так и знала, что тебе это не понравится, как и все остальное. Но это только первая часть моего подарка.

Выйдя из дома Арвин, Кенрон с удовольствием вдохнул прохладный воздух, в котором не было запахов ароматных свечек. Не то, чтобы запах свечей ему не нравился, но он перебивал все остальные запахи, и от этого делалось беспокойно. Охранники в латах уставились на него, как будто успели забыть, что он пол часа назад вошел в дом, дверь которого они сторожили. Один из охранников захихикал и зажал рот рукой. Не обращая на это внимания, Кенрон спустился по лестнице на второй этаж.

На выходе его ждала толпа разношерстных охотников, кажется, людей стало даже больше.

Пройдя пару шагов, Кенрон схватился за ногу — ее не ко времени свело судорогой.

— Ну и задница у нее, — прошипел он. — Еще один стул ей бы точно не помешал.

Вторую часть фразы толпа не расслышала, так как взорвалась одобрительными криками и свистом.

— Как прошло, сынок? — спросил бородач, который не поленился прождать здесь все это время.

— Было много облизываний и танцев, — сказал Кенрон.

— Неплохо, — сказал бородач, — но это все? Только честно.

— Поговорили немного, — добавил Кенрон, помня, что собирался держать в секрете подробности.

— Понимаю, кто о таком станет трепаться, — сказал бородач и указал на свое плечо. — Но мы-то все понимаем.

На плече бородача не было ничего интересного, и Кенрон быстро сообразил, куда ему стоит посмотреть, тем более вся разношерстная толпа охотников все еще разглядывала его, не отрываясь. На своем плече Кенрон обнаружил небольшую полоску ткани из красного бархата. Он развернул полоску в воздухе, попутно показывая всем собравшимся — в руках он держал тонкие и при этом широкие шелковые трусики.

«Вот и вторая часть подарка, — сообразил он. — И что мне с этим делать, на стену повесить?»

— Вы же все равно к ней пойдете, — сказал Кенрон. — Можете ей вернуть.

Он кинул кобольдские трусики в толпу. К потолку взметнулось два десятка рук.

Выйдя на улицу, Кенрон вспомнил, что отец выставил условие, которое нужно было выполнить, чтобы попасть в зеннатское училище. Ему предстояло отправиться на малую городскую площадь и взглянуть на то, что там происходило около полудня. Задание казалось не слишком сложным, однако, у Кенрона возникли сомнения о том, стоило ли за него браться.

Кенрон подозревал, что это задание вряд ли будет для него приятным, ведь отец выдвинул такое условие после того, как Кенрон не явился вовремя, чтобы присмотреть за Лаубером. Он вполне мог соврать о том, что ходил на площадь, а на самом деле лишь расспросить кого-то из людей, что там происходило в общих чертах. Это наверняка сэкономило бы ему время, а, возможно, избавило бы от неприятных ощущений.

Вместо похода на площадь, Кенрон мог попытаться узнать, почему именно отец Ирмана решил напасть на этого Венни. Возможно, нашелся бы способ примерить их и тогда проблемы в семье его друга удалось бы избежать. Что в свою очередь позволило бы Ирману отправиться с ним в путешествие в другую страну.

И все же Кенрон решил отправиться на малую площадь, но не из-за того, что боялся нарушить наказ отца. Он слышал, что именно с построения этой площади началось возведение всего города Керфена зеннатскими работниками. По какой-то причине в Зеннате считали, что город без этой площади и строить не стоило, Кенрону всегда было интересно, почему Зеннат считал это место таким важным. Вот только на площадь не пускали детей, а Кенрон по мнению охранников площади, именно ребенком и считался.

В любом случае, с разрешением отца в кармане проход на площадь для него открывался. До полудня оставалось не так много времени, Кенрон побежал по улице, протискиваясь между толпами дайгонцев и многочисленных кобольдов, спешащих по своим делам.

Высокая каменная стена с длинными острыми шипами на вершине окружала малую площадь. Кенрон подошел ко стальной двери, которую сторожили два рослых кобольда с пиками. Рядом с ними стоял вооруженный мечом и кинжалом дайговец в черном охотничьем костюме с желтыми полосками на рукаве. Кенрон слышал, что Зеннат иногда нанимал дайгонцев для охраны и патрулирования самых важных частей города. Потому, что кобольды все же не могли дать отпор умелому охотнику, который еще и мог подкрасться к ним незаметно, используя камуфляж.

— Постой, парень, — сказал дайговец в черном. — Тебе сюда рановато.

— Я знаю правила, — сказал Кенрон. — Отец дал мне разрешение.

Он достал листок бумаги и протянул охраннику, тот изучил написанное.

— Узнаю подпись Дарлида Амелота, — сказал охранник. — Похоже, отец решил, наконец, показать тебе, как зеннатцы ведут дела.

— Они построили этот город и наполнили его продавцами кобольдами, — сказал Кенрон. — С нас туши животных, а с них товары и услуги. Все просто.

Охранник усмехнулся.

— Замечательная картина, — сказал он, — пока кто-то не решит пойти против их воли. Законы в этом городе строже, чем ты можешь вообразить. Ладно, пацан, не задерживай.

Кобольды раскрыли стальные двери, Кенрон вошел на малую площадь и тут же увидел толпу людей, стоящих к нему спинами. Он протиснулся между людьми и увидел огромную яму, глубиной метра три, огражденную невысоким забором. Люди собрались вокруг этой ямы и разглядывали происходящее внизу.

В центре ямы стоял высокий деревянный столб, к которому был привязан человек в желтой робе, он не пытался вырваться, судя по всему, смерившись со своей участью, какой бы она ни была. На краю ямы находился деревянный подъемник, который мог спускаться

вниз на канатах. Двое кобольдов стояли рядом с крупной бобиной с намотанной на нее веревкой, они ждали сигнала, чтобы опустить подъемник или поднять его.

Так же на краю ямы возвышался помост, вскоре на него поднялся дайговец в черном костюме с желтыми полосами на рукаве, еще один хранитель порядка зеннатцев. Старик с длинными седыми волосами не носил оружия, в руках он держал листок бумаги. Старик в черном откашлялся в кулак и произнес:

— Начинается приведение в исполнение приговора окружного суда по делу о проникновении на территорию воздушной гавани.

Кенрон затаил дыхание. Неожиданно происходящее обрело для него огромное и личное значение. Очевидно, этот человек, привязанный в яме к столбу, попытался сделать именно то, что задумал и сам Кенрон — пробрался в воздушную гавань. Возможно, этот дайговец и не собирался попасть на воздушный корабль и улететь в другую страну, а лишь хотел стащить что-то ценное, но все же, он оказался на запретной территории воздушной гавани, его каким-то образом поймали и теперь его ждало наказание.

— Подумаешь, — крикнули из толпы, — забрался к зеннатцам, он же ничего не украл!

— Территория воздушной гавани и регентства, — продолжил глашатай, — считается запретной, всякий, кто будет на ней пойман, понесет суровое наказание. Это либо штраф в сотню тысяч золотых. — Толпа охнула. — Либо смерть. Тибрила Лафа поймали на территории гавани при попытке проникнуть на склад с товарами три дня назад. Его финансовое положение не позволяет ему отдать долг в обозримом будущем, суд назначил высшую меру наказания.

— Кобольды не могут быть судьями дайгонцам! — крикнул кто-то из толпы.

Раздался недовольный свист.

— В дополнении, — продолжил глашатай, — был выявлен соучастник преступника, им оказался кобольд стражник. Он подмешал сонное зелье своему напарнику, открыл дверь, чтобы впустить Тибрила Лафа на территорию воздушной гавани. После чего указанный стражник получил от обвиненного вознаграждение в две сотни золотых. Стражника так же ждет высшая мера наказания. Прошу соблюдать тишину во время исполнения, иначе зрители будут удалены.

Толпа затихла.

На деревянный подъемник на краю ямы зашли два рослых дайгонца, перед собой они вели кобольда в желтой робе, закованного в кандалы. Подъемник опустился в яму, кобольда вывели с доски на усыпанный песком пол и оставили недалеко от привязанного к столбу Лафа, затем дайгонцы вернулись на подъемник, кобольды принялись вращать бобину и вытянули их наверх.

— Приговор будет исполнен, — сказал глашатай, — через применение магической аномалии.

— Эй, — крикнул один из зрителей, — хватит использовать эту штуку посреди города!

— Выведете его.

Двое дайгонцев в черных костюмах подошли к кричавшему зрителю, взяли его под локти и потащили к стальной двери.

— Да просто прирежьте их, если вам так хочется! — не унимался тот. — Зеннатские прихвостни, это их законы и правила, а не наши!

Вскоре недовольный зритель скрылся за стальными дверями.

К краю ямы подошел человек в черном с небольшой деревянной коробкой, он раскрыл

ее и достал сверкающий стальной на вид шар.

— Привести приговор в исполнение, — приказал глашатай.

Человек кинул шар в яму, судя по всему, он не пытался попасть им ни в привязанного к столбу нарушителя, ни в закованного в кандалы кобольда. Шар упал на песок, из него повалил чуть заметный белый дым. Этот дым засверкал на солнце. Кобольд отбежал в сторону и прижался к каменной стене, вскоре дым заполнил всю яму, скрыв и кобольда, и привязанного к столбу человека. Затем сверкающий дым стал рассеиваться, Кенрон увидел, что силуэты обоих заключенных в яме изменились.

Человек, привязанный к столбу стал чем-то напоминать крупного кобольда, а сам кобольд, судя по силуэту, превратился в нечто, похожее огромного пса или борова.

Раздался хруст ломающегося дерева, что-то крупное рухнуло на дно ямы. Кенрон все еще не мог разглядеть, что именно происходило внизу, ему показалось, что деревянный столб переломился надвое и это верхняя его часть повалилась на песок.

Туман рассеялся окончательно и Кенрон смог разглядеть двух монстров, стоявших там, где недавно находились дайговец, привязанный к столбу, и его неудачливый подельник кобольд из стражи. Под действием нестабильной магии человек превратился в двухметровое существо, напоминающее белесую змею с собачьими лапами, при этом на гладкой морде не было ни глаз, ни ноздрей, ни даже рта. Кобольд обратился в крупное существо, напоминающее двухголового шестилапого борова с беспорядочно торчащими в разные стороны клыками.

Не успел Кенрон как следует разглядеть монстров, как те бросились друг на друга. Боров врезался в змею на лапах клыкастыми головами и, разбрасывая песок копытами, протащил ее до противоположной стены ямы, впечатал в нее со всей силы. Змея, истекая кровью, обвилась вокруг одной из шей борова, раздался хруст ломающихся костей. Затем змея извернулась вокруг другой шеи, хруст раздался снова.

Боров повалился на песок, обе его головы лежали задранные под неестественным углом. Кенрону удалось рассмотреть огромную рваную рану на животе белёсой змеи. Истекая кровью, она поднялась на задние лапы, развернулась и попыталась выбраться из ямы, цепляясь за стену, однако, из этого ничего не вышло то ли из-за того, что змея слишком ослабла из-за ранения, то ли потому, что камни, которыми были отделаны стены ямы, оказались слишком гладкими. Толпа зевак отхлынула орт того места, куда пыталась выбраться змея.

— Прикончить его! — воскликнул глашатай.

Не дожидаясь подъемника, в яму спрыгнули двое дайгонцев в черных одеждах, оба вооруженные мечами. Как оказалось, это было не единственное их оружие, каждый достал из подсумков на поясе связку метательных игл и тут же одну за другой принялись швырять их в монстра. Кенрон знал, что бросок иглы натренированного дайгонца мог убить животное, размером с лошадь. Змея успела развернуться к новым противникам, иглы впились ей в шею и голову, погружаясь глубоко в плоть. Израсходовав весь боезапас, один из дайгонцев в черном выхватил меч из ножен, ловко подскочил к змее и одним быстрым ударом отсек ей голову. Тело повалилось на пол ямы, заливая песок кровью.

— Приговор исполнен, — объявил глашатай. — Можете расходиться.

Один за другим зеваки направились к выходу. Кенрон не пытался подслушать, кто что говорил об увиденном, у него хватало своих мыслей и чувств. Его потрясло и то, как сурово Зеннат наказывает тех, кто пытается проникнуть на запрещенную территорию. Хотя,

возможно, размышлял Кенрон, если его поймают, его родители смогут откупиться, ведь у самых успешных охотников должно быть немало денег. И все же, стоило помнить, что проникшего в воздушную гавань охотника в итоге изловили даже несмотря на то, что ему открыл дверь подкупленный кобольд стражник.

А еще Кенрон впервые в жизни увидел действие зоны нестабильной магии. Похожий сверкающий дым окружал Дайгон и не позволял выйти за его пределы пешком, при этом тот дым не рассеивался. Он был словно сильнее, превращал всякого, коснувшегося его в тварь не только свирепую, но и обладающую магией. Похоже, эти монстры не получили магию, от зеннатского дыма, поэтому охотник добил белесую змею с такой легкостью.

В любом случае, человек полностью изменился, когда коснулся дыма, это было равносильно смерти, рассудил Кенрон. С этим явлением шутки плохи, приближаться к нему не следует. Чтобы покинуть Дайгон, оставался лишь один путь — по воздуху.

Кенрон вышел за стальные ворота и направился к дому. Не успел он пройти и десятка шагов, как на него налетел запыхавшийся Ирман он упер руки в колени и принялся восстанавливать дыхание после бега.

Кенрон понимал, что у него для Ирмана две новости, хорошая и плохая. Плохая заключалась в том, что зеннатцы тщательно следят за местом загрузки воздушных кораблей и сурово наказывают тех, кто попытается проникнуть туда. Кенрон решил начать с хорошей новости.

— Ты не поверишь, что я узнал, — сказал он. — Многие кобольды, которые ходят у нас под боком, были в других странах! Они молчат, потому что их старшины запретили им говорить об этом. Если мы найдем способ, как их подслушать, узнаем много нового!

— Мой отец хочет раздавить Венни! — отдышавшись, сказал Ирман и схватил Кенрона за шиворот.

— Да, ты говорил это утром, — напомнил Кенрон, мягко пытаясь убрать руки приятеля от своего ворота. — Я кое-что узнал про этого кобольда.

— Мой отец хочет раздавить Венни! — воскликнул Ирман. — Сейчас он одной ногой стоит на его голове на поле за городом. И наш приятель с озера, Нэфис Надэм, тоже там!

Здание училища выстроили за стеной Керфена на поле, которое считалось безопасным большую часть суток. Вечером к стенам вполне могла подползти крупная змея или крыса, но, не найдя брешей (а Венни надеялся, что таких брешей и в самом деле нет), животное к утру должно было вернуться в лес.

Венни обошел небольшое вверенное ему училище, отгибая траву и постукивая палкой по кладке из крупных кирпичей, окна отстояли от земли почти на полтора метра, что было выше самого Венни, ведь несмотря на почетный статус, кобольдом он был самого обычного роста.

— С этим можно работать, — заключил Венни, кобольд, стоявший подле него, кивнул и записал что-то в тетрадь из плотных листов бумаги.

Внутри училища все оказалось в пыли, и Венни пожалел, что не прибыл в Керфен хотя бы за день до начала занятий. Времени для того, чтобы привести классы в порядок оставалось немного. По счастью, для уборки ему выделили целый десяток помощников.

— Хватайте тряпки, ведра, швабры и за дело! — скомандовал Венни.

Бегающие в панике кобольды тут же подняли облака пыли, и Венни пришлось закрыть ноздри платком. Он вошел в класс, где должны были начаться занятия — два десятка парт поблескивали в пыльных лучах солнца.

— Протереть? — спросил кобольд с тетрадью, которого звали Пок.

— Убрать все, кроме стульев, — отрезал Венни. — Стулья ставьте полукругом. Что тут вообще происходило?

— Мы учили дайгонцев основам медицины, — ответил Пок. — Думал, будет сложно объяснить им, зачем кипятить воду и промывать раны, но они быстро все схватывают. Вскоре они стали обучать друг друга, и мы остановили занятия за ненадобностью.

— Ясенько, — сказал Венни, — как там моя табличка?

Помощники споро вынесли несколько парт и положили на пол вывеску, гласившую «Магическая школа Венни».

— Почти правильно, — сказал Венни. — Добавьте «мастера» перед моим именем и можете вешать перед входом.

От снующих по зданию кобольдов пыли становилось только больше, Венни спустился в подвал и обнаружил там гору сваленного хлама.

— Разобрать, ненужное выкинуть!

— Кто вообще будет спускаться в этот подвал? — запротестовал Пок.

— Никто, но я все время буду думать, что в подвале бардак, — сказал Венни. — А я не хочу об этом думать.

— Все кобольды уже чем-то заняты, — напомнил помощник.

— Поручаю это дело тебе, — сказал Венни и похлопал Пока по плечу.

Осознав объем работы, Пок уронил тетрадь на пыльный пол.

— Кстати, есть у вас чего пожевать? — спросил Венни. — Я бы не отказался от сочного яблочка.

— Я могу сходить на рынок, — предложил Пок в надежде глотнуть напоследок свежего воздуха перед тем, как начать уборку, которая, по его мнению, вполне могла окончиться смертью в этой пыльной могиле.

— Ну, что ты, не утруждай себя, — отмахнулся Венни. — Хороший начальник не будет гонять подчиненных по пустякам.

Еще раз проверив, все ли кобольды при деле, Венни накинул плащ, чтобы не запачкать бархатный камзол мастера кобольда и вышел из здания училища; он направился к воротам, ведущим в Керфен. Мимо него пробежал кобольд посыльный, чуть не сбив с ног.

«Ну и манеры, — подумал Венни, — тут не обойтись без воспитательной беседы».

Кобольд гонец подбежал ко зданию училища и замер, разглядывая вывеску, которую водружали над входной дверью.

— Мне срочно нужен... — задыхаясь пробормотал он и, понимая, что воздуха в легких почти не осталось, указал на вывеску. — Он!

— Мастер Венни, к вам посыльный! — крикнул кобольд, стоявший на стремянке, при этом он чуть не выпустил из рук свой край вывески.

Венни на зов не откликнулся и посыльный принялся разыскивать его по всему зданию училища, постоянно крича «Мастер Венни, берегитесь!». Поиски продолжались минут пять, пока навстречу гонцу из подвала не вышел Пок в пыли с ног до головы.

— Мастер Венни, это вы? — с сомнением спросил посыльный.

— Нет, но я его доверенное лицо, — ответил Пок, склонился вбок и принялся вытряхивать пыль из-за шиворота. — Должно быть, ты с ним разминулся. Он отправился к уличным торговцам за яблоками. Скоро вернется.

Не сказав ни слова, посыльный развернулся и бросился вдогонку.

Венни прошел в охраняемые кобольдами ворота стены, окружающей Керфен. Он поправил одному из охранников стальной наплечник и с довольным видом двинулся дальше.

Первая лавка торговца фруктами попала ему через пять минут после того, как он прошел ворота. Самих фруктов на прилавках не было, на досках красовалось лишь неряшливо нарисованное изображение яблока.

Кобольд торговец внимательно разглядывал людей и кобольдов, проходящих мимо, и каждый раз облизывался, словно надеясь отхватить кусочек от незадачливых горожан.

— Где же товар? — спросил Венни, указывая на пустой прилавок. — Как я пойму, что фрукты свежие?

— Придется поверить мне на слово, — сказал торговец. — Дайгонские детишки в камуфляже постоянно воровали фрукты, вот и пришлось все спрятать.

— Это никуда не годится, — сказал Венни. — Фрукты должны быть на прилавке, закройте их стеклом, если нужно.

— А кто тут такой умный раздает советы? — оскалившись, спросил продавец.

Венни скинул капюшон плаща и показал лицо торговцу, тот вытаращился на него, не в силах поверить в то, что видит.

— Мастер Венни, это вы, быть не может! — воскликнул торговец и тут же зажал руками рот.

— Все в порядке, можешь называть мое имя, раз уж я в Дайгоне, — сказал Венни. — Однако я рад, что ты помнишь — нам кобольдам о многом стоит помалкивать.

— Вот это совпадение, — крикнул торговец фруктами. — Нас, Зеннат, должно быть, в два десятка разных стран отправляет, а мы с вами встретились здесь в Дайгоне!

Венни скосил глаза, разглядывая немногочисленных прохожих, которые были в этот момент на улице.

— Ты хоть понимаешь, что за это тебе полагается ссылка в долину первым же воздушным кораблем? — грозно прошипел Венни.

— Я ведь не нарочно, — взмолился торговец. — Я ведь от радости. Пощадите меня, мастер Венни!

— Принеси мне яблок, а я пока подумаю, какой вред ты причинил Зеннату своим громким ртом.

Торговец скрылся за шторами из бус. В это время к прилавок подошел высокий человек в дорогом костюме, он вполне мог услышать недавние слова болтливого кобольда. Венни решил, что нужно непременно расспросить этого человека, выяснить, что ему удалось случайно узнать. От этого зависела дальнейшая судьба торговца яблоками.

— Неплохой денек для покупки фруктов, любезнейший, — сказал Венни.

— И правда, — ответил незнакомец. — Я слышал, как вы сказали ему выкладывать фрукты на прилавок, — отличная идея.

Незнакомец положил руку на плечо Венни и дружески потрепал его.

— Так вы слышали весь наш разговор? — спросил Венни.

— Не думайте, что я любитель подслушивать чужие беседы, — сказал незнакомец. — Те, кто недавно в Дайгоне, часто говорят громче, чем следует. У нас, дайгонцев, острый слух, знаете ли. Я не узнаю ваш костюм. Кто вы по профессии?

— Учитель в магической школе, — не без гордости сказал Венни, — сегодня будет первое занятие. Могу я узнать ваше имя, добрый господин?

В этот момент из занавесок появился торговец с корзиной яблок.

— Вот, мастер Венни, выбирайте, — сказал он.

Венни протянул руку к корзине, торговец тут же отступил на шаг назад, не дав коснуться яблок.

— Мастер Венни, где вы? — крикнул он, приложив руку ко рту.

— Что значит, где я? — удивился Венни, — Тут, перед тобой!

— Мастер Венни? — снова позвал торговец. — Ну и в чашу тебя, сноб напыщенный!

Торговец развернулся и скрылся за шторами вместе с корзиной.

— Что тут происходит? — спросил Венни.

К прилавку подбежал кобольд в сером жакете гонца.

— Есть кто? — крикнул он.

— Чего тебе? — спросил торговец фруктами, выходя из-за штор.

— Не видели мастера Венни?

— Был тут с минуту назад, затем ушел.

Венни наблюдал за их разговором, он был не в силах произнести и слова от удивления.

— Куда, в какую сторону? — протараторил гонец.

— А я почему знаю? — бросил торговец. — Нагрубил мне и исчез, пока я ходил на склад.

— На него хотят напасть! — воскликнул гонец. — Увидишь его — сразу передай.

— Так чего же он по улицам ходит, да еще один?

— Я тут, прямо перед вами! — крикнул Венни — ни гонец, ни продавец яблок не обратили на него внимания.

Посыльный развернулся и бросился бежать дальше по улице.

— Меня зовут Оррин, — представился незнакомец. — Умелый дайгонец может

скрывать не только себя камуфляжем, но и того, кого он касается.

Оррин снова потрепал Венни по плечу, напоминая, что его рука все это время лежала на шее кобольда.

— Что за шутки? — воскликнул Венни.

— Я могу одной рукой сломать тебе шею, — заверил Оррин. — А еще у меня есть вот эта штуковина. — Оррин показал Венни остро заточенный кинжал. — Ты выбирай, чего боишься больше, а я покажу, куда идти.

Они направились к выходу из города. Венни не боялся ни перелома шеи, ни кинжала, хоть и понимал, что сопротивление бесполезно: если он откажется идти, его лишат жизни на месте. Он шел, чтобы сохранить в целостности важную собственность Зенната, и для того, чтобы показать своим захватчикам: нет идеи более бессмысленной, чем брать кобольда в заложники. Они навлекут на себя лишь беды и не получают никакой выгоды, пусть даже все пройдет по их плану от начала до конца.

Венни, подталкиваемый Оррином, вышел за ворота города, пройдя мимо охранников незамеченным. Оказавшись на поле за городом, Оррин остановился и всадил кулак Венни в живот — от мощного удара весь воздух мгновенно выбило из легких, и кобольд потерял сознание.

Венни очнулся, он лежал на дощатом полу в плохо освещенной хижине. Ноги и руки были связаны, сложно было пошевелиться; своего похитителя он пока не видел, но не сомневался, что скоро это изменится.

— Вот и сообщение, — раздался голос Оррина где-то за спиной Венни. — Мы готовы выступить.

— Разве к такому можно быть готовым? — ответил ему старческий скрипучий голос, не знакомый Венни.

— Уже сдрейфил, старикан? — бросил Оррин. — Может, ты все это и начал, но с этого момента пользы от тебя будет немного.

— Чтобы заявить такое, нужно знать, что случится в будущем.

— Ну, так удиви меня, Нэфис. Перед уходом расспросим нашего друга, а то он, поди, уже заскучал там без внимания.

Раздались звуки шагов, мощным пинком Венни перевернули на другой бок, он увидел Оррина и еще одного дайгонца, сидящего за деревянным столом у небольшого окна, — старика в черной мантии с длинными седыми волосами. Старик носил черные очки с круглыми стеклами; несмотря на то, что в хижине была непроглядная темень, он ловко крутил на пальце небольшой белый шарик.

— Я хочу знать, насколько важная ты шишка, — сказал Оррин, разглядывая Венни с высоты своего двухметрового роста.

— Вы поймали самого важного кобольда, — не стал скрывать Венни. — Зеннат так ценил мои способности, что мою жизнь продлевали множество раз, и теперь мне больше трех сотен лет.

— Вот мы везунчики, а, Нэфис, — усмехнулся Оррин. — Этот кобольд знает себе цену, лишь бы его друзья думали о нем точно так же.

— Честный парень, уважаю, — кивнул Нэфис.

— Я, может, и самый ценный кобольд, но далеко не незаменимый, — сказал Венни. — Я подготовил себе преемников, если что-то со мной случится. А ваши действия не останутся

тайной.

— Разумеется, на это я и надеюсь, — сказал Оррин. — Обычно, если дайгонеп совершает преступление, его можно отследить по запаху. Хотя тот гонец у лавки с фруктами уже знал о моих намерениях. Кто же мог меня подслушать? Не мой ли сопляк? В любом случае, ты, Венни, всего лишь приманка, и я хочу знать, кого мы сможем выманить.

— Мне бы хотелось поговорить с регентом Барглисом, — сказал Нэфис, разглядывая лежащего на полу Венни, — как ты думаешь, возможно ли это?

— То, что вы взяли меня в заложники, вам не поможет, — сказал Венни. — Регент заинтересуется дельным предложением, но угрозу он проигнорирует.

— Ты не хочешь прожить еще сотню-другую лет, смышленная ящерица? — бросил Оррин.

— Хочу, но людям решать, продолжится моя жизнь или нет, — ответил Венни. — Вот вы и решаете. Я бы счел смерть от болезни или клыков хищника глупой, нелепой, обидной. Однако люди дали мне жизнь, многократно продлевали ее и, разумеется, могут забрать ее, когда сочтут это нужным.

— Я хочу больше знать о Зеннате, — сказал Оррин, голос его был спокоен, как будто он старался изобразить дружескую беседу. — Его кто-то побеждал раньше? В чем его слабости?

— Об этом я болтать не собираюсь.

Оррин выхватил из-за пояса кинжал и метнул его, всадив точно в плечо Венни — из раны тут же потекла кровь. Руки Венни все еще были связаны у него за спиной, он ухватился зубами за рукоять клинка и вытащил его из раны. Он держал клинок в зубах всего несколько секунд, после чего разжал челюсть и бросил его на пол.

— Не попытаешься освободиться и напасть на нас? — удивился Нэфис.

— Я бы так и сделал, будь вы кобольдами, — сказал Венни, — боролся бы за свою жизнь до конца. Но людям я причинять вред не собираюсь. К тому же, вы ничего не добьетесь этим похищением, и я хочу, чтобы вы это поняли.

Оррин достал еще один клинок из-за пояса.

— Вопрос тот же, — сказал он.

— Стоит ли мне напомнить, что кобольды могут блокировать болевые рецепторы? — спросил Венни. — Даже обычный кобольд предпочтет умереть, чем сболтнуть лишнего и провести остаток жизни там... куда отправляются все болтливые кобольды.

— И все же, ты недавно в Дайгоне, — сказал Нэфис. — Может, для Зенната ты ничтожен, и твой старейшина пальцем не пошевелит для твоего спасения, но в Дайгоне все по-другому. Множество семей охотников живут в мире друг с другом, а знаешь почему?

— Вы — здравомыслящие люди? — предположил Венни.

— Война дайгонцев друг с другом пугает людей, как ничто другое, — сказал Оррин. — Если две семьи поссорятся, каждый член этих семей может ждать нападения в любую минуту. Лучшее, что они могут сделать, — это скрыться в лесу и попытаться перебить противника до последнего человека. В такие разборки никто не вступает, если им дорога жизнь.

— Если ты не сойдешь за наживку, всегда есть другие методы, — добавил Нэфис.

Оррин схватил Венни за лацканы бархатного жакета и закинул на плечо. Нэфис распахнул скрипящую деревянную дверь, Оррин вышел из хижины со своей ношей.

Кенрон с Ирманом подбежали к воротам, ведущим из Керфена, они столкнулись с кобольдами стражниками, перегородившими путь скрещенными копьями.

— Снаружи творится то, в чем ты не захочешь участвовать, парень, — предупредил стражник и ударил себя в грудь кулаком, сжимающим копье; стальная кираса издала громкий звон. — Оставайся в городе или выходи через другие ворота.

— Вы не можете запрещать нам покидать город, — сказал Ирман, тяжело дыша. — С дороги!

— Вы только усложните ситуацию! — запротестовал другой стражник.

Не сговариваясь, Кенрон и Ирман скрылись в камуфляже.

— Ну вот, опять, — сказал стражник со звучной кирасой, — мы для них просто шутка.

— Мы ведь не от дайгонцев эти ворота охраняем, — напомнил второй стражник. — Смотри, чтобы из леса в город никто не заполз, остальное — не нашего ума дело.

Оказавшись на поле за городом, Кенрон увидел большую толпу людей и кобольдов, все они смотрели в одну сторону и шумно переговаривались. Подойдя ближе, он увидел именно ту картину, которую ранее описал Ирман: Оррин Глэр разодетый в парадный белый костюм, украшенный золотой вышивкой, стоял посреди поля, бесцеремонно поставив ногу на голову какого-то несчастного кобольда в темно-фиолетовом бархатном жакете. Позади них стоял, скрестив руки на груди, Нэфис Надэм; узнать старика Кенрону удалось не сразу — тот сменил разорванный выцветший плащ на новый с иголочки оливковый пиджак, будто собрался на званый вечер.

— Сколько же тут народу, — сказал Кенрон, — не знаю, удастся ли нам урезонить твоего папашу. Похоже, он это долго планировал.

— Знаешь, — сказал Ирман, — может, ну его. Уйдем отсюда, они сами разберутся.

— Нет, ты правду сказал тогда на озере. — Кенрон принялся протискиваться сквозь толпу. — Сначала решим семейные проблемы, и только потом рванем за границу.

С десятков кобольдов в стальных кирасах и с пиками протиснулись через толпу. Они бросились к Оррину и окружили его, наставив на него острия пик. Кобольд с арбалетом вышел вперед, стал на одно колено и прицелился, руки его дрожали, но лишь слегка.

— Мы не примем никаких условий, — крикнул командир кобольдов; отличить его от прочих воинов можно было по крупному блестящему шлему на голове, тогда как простые солдаты не носили такую экипировку. — Оррин Глэр, отпусти мастера Венни и сдавайся!

— Заставь меня, вояка! — крикнул Оррин.

Командир кобольдов махнул рукой, арбалетчик кивнул и нажал на спусковой крючок. Щелкнул механизм, арбалетный болт мгновенно долетел до лица Оррина и остановился в его кулаке.

— А вы нечасто сражаетесь с дайгонцами, а, вояки? — усмехнулся он.

Оррин развернул стрелу в руке и со всей силы метнул ее обратно в арбалетчика — раздался звон металла, стрела пробила кирасу; кобольд выронил арбалет и упал замертво.

— В атаку! — отдал приказ командир кобольдов.

Кольцо вокруг Оррина стало сужаться, заостренные концы пик надвигались со всех сторон. И тут наступление остановилось.

— Вперед! Чего ждете! — крикнул командир.

Неведомая сила подняла всех кобольдов вокруг Оррина Глэра в воздух, пики попадали на землю. Тут же почти одновременно все кобольды рухнули к ногам Оррина, шея каждого из них была сломана.

— Неплохо, командир, — усмехнулся Оррин. — Приведешь еще солдат или сам пойдешь в атаку?

Кобольд в шлеме схватился за рукоять шпаги и вытащил лезвие из ножен наполовину, когда чья-то рука легла ему на плечо.

— И какой в этом смысл? — спросил его Кенрон. — Вы же поняли, что он здесь не один — вам даже подойти не дадут. Позвольте мне попробовать.

Кенрон вышел вперед, оставив позади себя толпу зевак и командира, который все еще не знал, что делать со своей шпагой. Сперва Кенрон и вправду боялся усложнить ситуацию, о чем его предупреждали стражники у ворот; сейчас же он считал, что любая перемена пойдет ситуации только на пользу. Вести плохие переговоры все же лучше, чем смотреть, как кобольды мрут на его глазах.

— День добрый, господин Глэр, — сказал Кенрон, понимая, что нет смысла повышать голос. Дайговец прекрасно его слышал даже с расстояния в два десятка метров. — Не могли бы вы отпустить этого кобольда, сегодня у меня с ним назначена встреча.

— Мальчишка Дарлида Амелота явился быстрее своего отца, — сказал Оррин. — А мне говорили, что сегодняшний день будет неудачным. Скажи, мальчишка, чего ты хочешь добиться от этого кобольда?

— Он всего лишь учитель, — сказал Кенрон. — Оставьте его в покое.

Оррин Глэр указал куда-то в сторону, Кенрону не хотелось отводить взгляд от такого опасного типа, но в итоге, он решил, что без доверия с его стороны переговоры могут не сдвинуться с мертвой точки. Оррин указывал на старое здание училища; над главным входом висела яркая вывеска, которой раньше не было, «Магическая школа мастера Венни».

— Что значит магическая? — прошептал Кенрон.

Он чувствовал, как любопытство заполняет его разум, вытесняя все остальное, и вот он уже хотел спасти Венни не только, чтобы прекратить убийства кобольдов, ему хотелось знать, почему школа называется магической, и как проходят в ней занятия. Ничего подобного в Дайгоне раньше не строили, Кенрон чувствовал, как частичка совсем иной, заграничной жизни появилась перед ним. И он совершенно не хотел ее упускать.

— Если ты войдешь в это здание, больше никогда не увидишь моего сына, — заверил Оррин Глэр. — Думаешь, я шучу?

Глядя на нескольких мертвых кобольдов и избитого Венни с кровоточащей раной на плече, Кенрон решил, что, пожалуй, нет, Оррин Глэр не шутит. Будучи его отцом, мог запретить Ирману что угодно, и последнему придется исполнять этот запрет.

— Зеннатцы не собираются вас выслушивать, — сказал Кенрон. — Только дайгонцам есть дело до того, что вы говорите. А для этого кобольд вам без надобности.

— Знаешь, ты прав, — сказал Оррин Глэр, разводя руками. — Хотя я и сам знал это с самого начала. На мелкую приманку ловится мелкая дичь, которая сама становится приманкой.

Оррин Глэр щелкнул пальцами — слева и справа от Кенрона появились двое рослых охотников. Четыре мощные руки схватили Кенрона за плечи и запястья, его ноги оторвались от земли. Ирман бросился на помощь — еще один взрослый охотник появился на его пути и легко отшвырнул мальчишку в сторону одним ударом руки.

— Началось, — сказал Нэфис Надэм. — Да защитит нас лес.

«Итак, хоть какое-то понимание ситуации у него имеется, — подумал Дарлид. — Для начала неплохо»

— Это еще неизвестно, — сказал он вслух и обернулся к тому, кто вызвал весь этот переполох. — Похоже, даже сам господин Оррин не представляет, во что может вылиться его авантюра.

— Что ж, Дарлид, ты всегда умел делать хорошую мину при плохой игре, — ответил Оррин. — Сыну моего союзника, разумеется, ничего не грозит, я и сам готов ответить за него головой. Вот только союзник ли ты мне?

— В каком же деле тебе нужна помощь? — спросил Дарлид.

— Будем свергать правительство, — заявил Оррин Глэр будничным тоном.

— Даже так? А ты не ошибся городом, Оррин? Правитель Дайгона живет не в Керфене. Здесь ты найдешь лишь регента Зенната Барглиса.

— Вот и я говорю, будем свергать правителя Дайгона регента Барглиса, — разъяснил Оррин. — Разве не он вертит нашим правителем, как игрушкой?

— Ты что, недоволен тем, сколько у тебя денег, раз решился на такое? — спросил Дарлид. — Много ли найдется людей богаче тебя, Оррин?

Оррин поднял палец и медленно помахал им так, чтобы все видели, что он не согласен с услышанным. Тем временем толпа разрасталась, люди шли из Керфена непрерывной цепью — должно быть, весть о том, что за городом происходит нечто странное, разлетелась по всем улицам.

— Подкупить тех, кто может повести за собой людей, — дело нехитрое, — сказал Оррин. — Тебя они купили, Дарлид, а меня — нет, вот и вся разница. Да, на свою жизнь я не жалею, но посмотри, что происходит вокруг. Один мой старинный приятель недавно вернулся в город, то, что с ним случилось показывает все проблемы Дайгона. Эти проблемы я и собираюсь решить сегодня, будь ты на моей стороне или против меня.

— Не об этом ли типе ты говоришь? — спросил Дарлид, указывая на молчаливого старика в нарядном костюме и черных очках, стоящего позади Оррина. — Что же с ним стряслось, с твоим приятелем, такого, что ты решил убивать кобольдов налево и направо?

Оррин развел руками, мол, если ты настаиваешь, так и быть расскажу.

— Его глаза заболели, он стал видеть все хуже и хуже. Кобольд в городской клинике заявил, что лекарство есть, но стоит оно баснословных денег. Мой друг смирился с тем, что зрение ему не вернуть. В это же время, какое совпадение, Зеннат выставил награду за одну лесную тварь, которая в точности совпадала с ценой лекарства. Даже добраться до этого лесного чудища было непросто, не то, что убить его. Собралась команда из семи человек, среди них была дочь моего друга, как потом выяснилось, за ними еще увязался ее сын, который был молодым, но талантливым охотником.

На мгновение Оррин замолк, очевидно, подогревая интерес собравшихся охотников.

— Что-то мне подсказывает — эта история не о великой победе над неведомым и сильным противником, — сказал Дарлид.

— Никто из них не вернулся в город, — продолжил Оррин, обращаясь больше к толпе, чем к Дарлиду. — И чья же это вина? Разве не зеннатских купцов, которые манипулируют ценами так, чтобы отправлять дайгонцев глубоко в лес, на верную смерть. Где же в это

время будут находиться сами зеннатцы? В городе, разумеется, будут ждать тех дайгонцев, которые все же смогут вернуться и принести им что-то полезное. Не думаешь, что стоит что-то поменять, а, Дарлид?

— Что же ты собрался изменить, Оррин? Зеннатцы построили весь Керфен своими силами, ты ешь еду, которую они приготовили, и этот вычурный костюм, который ты носишь, тоже скроен не из шкур зверей, которых ты убил. Можно сколько угодно жаловаться на то, что цены несправедливы, но что будет, если зеннатцы уйдут из Дайгона? Что мы будем есть, пока ищем другие источники питания?

— Кобольдов, — усмехнулся Оррин. — Будем жрать кобольдов, не смогут же они вывести все их зеленокожее поголовье за несколько дней. Хотя, я сомневаюсь, что Зеннат уйдет из Дайгона по своей воле. Мы даем им магию в чистом виде, а они нам — разноцветные тряпки, кирпичи для домов и сушеное мясо. Это они без нас не могут, а не мы без них. Я не собираюсь прогонять Зеннат из Дайгона, Дарлид. Я хочу добиться лучших условий для всех нас. Для этого я серьезно поговорю с регентом Барглисом — если он откажется мне подчиниться, Зеннату придется прислать сюда другого регента, более сговорчивого.

— Знаешь, я смогу передать твои предложения Барглису, — сказал Дарлид. — Только отпусти всех, кого удерживаешь, и возвращайся домой.

— Я лишь хочу, чтобы у нас было то, чего мы заслуживаем, — сказал Оррин, разводя руками; ботинок с головы Венни он так и не убрал. — Цены на все товары и услуги Зенната снизятся в десять раз. Дайгон будет выбирать, какие именно товары и услуги нам нужны. И последнее — кобольды отныне будут участвовать в охоте, как приманка. Если понадобится скормить лесной твари десятерых кобольдов, чтобы спасти одного дайгонца, так и будет.

— Другими словами, ты хочешь, чтобы кобольды стали твоими рабами, — заключил Дарлид.

— Сейчас они в рабстве у Зенната, так что для них не многое поменяется. — Оррин обратился к толпе. — Эй, разве вы против того, что я говорю? Хотите и дальше гибнуть за цветастые тряпки и кусочки безвкусного мяса?

— Может, ты запамятовал, Оррин, но решать, о чем торговаться с Зеннатом, не нам с тобой, а правителю Дайгона, — напомнил Дарлид. — Можешь быть уверен, наш правитель торговался до конца с регентом Барглисом, чтобы получить то, что у нас есть. Но если тебя что-то не устраивает, победи в турнире охотников, стань правителем Дайгона и договаривайся с Барглисом, о чем пожелаешь.

Оррин Глэр рассмеялся, смех его вовсе не походил на наигранный, ситуация его и вправду забавляла.

— Разумеется, ты хочешь оставить все, как есть на следующие четыре года, — сказал он. — За это время Барглис подкупит нескольких лучших охотников Дайгона, они выиграют турнир, и во главе нашей страны опять сядет угодный Зеннату человек. Не делай такое лицо, Дарлид, я могу доказать, что Зеннат купил тебя здесь и сейчас.

— Хотелось бы послушать, — буркнул Дарлид.

Оррин Глэр что-то знал или думал, что знал, не стоило притворяться, что у семьи Амелотов не было никаких секретов, семей без секретов, пожалуй, и вовсе не существовало. Кое-какие сведения Дарлид предпочел бы до поры до времени держать в тайне от других охотников и от своего сына. Однако стоило ему сейчас выдать свое беспокойство, и люди пойдут разносить, а это было чревато большими неприятностями.

— Ты действительно лучший охотник, какого я знаю, — сказал Оррин. — Ты ходишь на огненных ящеров раз или два в неделю. Цена их желез огромна, но где же деньги, которые ты получаешь? Твой дом выглядит и внутри, и снаружи ничем не лучше домов других семей. Куда же ты деваешь все, что заработал, неужели в твоём подвале лежит гора золота? Стало быть, ты каждую неделю рискуешь жизнью только ради своего удовольствия?

— Я и вправду должен отчитываться тебе о своих делах? — спросил Дарлид. — Прости, но мы не семья, Оррин, и вряд ли когда-нибудь ей будем.

— Отчитайся тем, кто собрался защищать тебя здесь и сейчас, если такие найдутся, — бросил Оррин и вновь обратился к толпе. — Я скажу вам, куда он девает деньги. Дарлид Амелот куплен Зеннатом, он хочет построить еще один дом, но не здесь, в Дайгоне, а в другой стране! — Толпа ответила на эти слова громкими возмущениями. — А до тех пор он будет всеми силами защищать Зеннат и установленные сейчас порядки.

— Глупее ты ничего сказать не мог, — буркнул Дарлид, расслышали его немногие.

Оррин воздел руки к небу, словно ища ответы у духов небес и облаков на вопрос, который терзал его долгие годы.

— Пора решать, Дарлид: ты поможешь нам, или мы избавимся от тебя здесь и сейчас?

Угроза была очевидной. Кенрон все еще был в лапах сторонников Оррина, и это не давало Дарлиду возможности сбежать, не рискуя жизнью сына. Впрочем, как и согласие с планом Оррина напасть на регента Барглиса не сулило ничего хорошего.

— Я дам ответ, но сперва скажи, много ли у вас сторонников? — спросил Дарлид, надеясь по большей части тянуть время так долго, как только сможет.

Оррин махнул рукой, и на поле вокруг него появилось с десятков охотников, все одетые в черные костюмы из плотной ткани с броневыми пластинами на груди, руках и ногах. Этим охотникам уже пришлось сегодня принять бой, и они показали, что им хватит и духа, и сил, чтобы лишить жизни целую ватагу кобольдов охранников.

Дарлид указал на зевак, собравшихся на поле, их было уже не меньше двух сотен, почти все люди и всего лишь несколько отлынивающих от работы кобольдов.

— Эти люди не будут тебе помогать, — сказал Дарлид. — Хотя ты убедил их не мешаться. На вас найдется управа в резиденции Барглиса, что толку идти туда всего с десятком бойцов?

— Не одолеем его сегодня — вернемся завтра с большими силами, — заверил Оррин.

— Отпусти Венни и моего сына, тогда я не буду вам мешать, обещаю, — сказал Дарлид.

— Не выйдет, приятель, — сказал Оррин, он пристально уставился на Дарлида, ловя движение каждого мускула на его лице. — Отсюда у тебя два пути. Ты принимаешь бой со всеми нами или присягаешь мне на верность. После чего ты убьешь этого кобольда своими руками, чтобы показать всем — ты не прихвостень Зенната.

— Прости, Оррин, твоих молодцов я боюсь меньше того, что может ждать нас в резиденции регента Барглиса, — сказал Дарлид.

Оррин вытащил кинжал из ножен на поясе, то же сделали и его последователи. В этот момент из толпы зевак вышли несколько человек в охотничьей униформе, все они были молодыми парнями не старше двадцати лет. Некоторые носили бусы на шее и четки на запястьях из связанных вместе клыков самых разных животных. Самый рослый из компании вышел вперед, и Дарлид без труда узнал в нем Криза Мивиля. Его братьев звали Горн, Итар, Орэл, Рамаз, Шеира, Тана, остальных Дарлид непременно бы вспомнил, будь у него на это больше времени.

— У вас тут веселье, — сказал Криз. — Почему нас не пригласили, а, господин Оррин Глэр?

Старший Мивиль беспрепятственно прошел мимо охотников с кинжалами наготове и встал между Дарлидом и Оррином.

— У меня нет ни времени, ни желания повторяться, — процедил Оррин. — Мы идем свергать Барглиса, присоединяйтесь или стойте в стороне.

— А что же с Дарлидом? — спросил Криз. — Вижу, у вас на него большие планы.

— Можешь сам с ним разобраться, как считаешь нужным, только быстро, — отмахнулся Оррин.

— Ты не понял вопроса, Оррин, — отрезал Криз, повысив голос. — Я спросил, как тебе в голову пришло угрожать господину Амелоту?

Толпа ахнула, но не было на поле рядом с Керфеном человека больше пораженного словами Криза Мивилия, чем сам Дарлид, несколько секунд потребовалось ему, чтобы понять, — его челюсть отвисла, а брови сложились домиком словно бы это помогло мозгу усвоить услышанное.

— Не глупи, Мивиль, — бросил Оррин, — он не сделал для тебя ничего такого, за что стоило бы рисковать жизнью.

— Ошибаешься, — сказал Криз, поглядывая на окружавших его охотников с кинжалами наизготовку, — недавно мы встретились, и он многому меня научил. Сначала я даже не поверил Дарлиду, точнее, господину Амелоту, но когда упало то дерево, все встало на свои места. Он был прав, есть добыча, которая мне еще не по зубам, но при должном старании всего можно добиться.

— У меня нет времени на твою глупость, Мивиль, — отрезал Оррин. — Начнем с этого выскочки, если ты не против, Дарлид.

Помощь Мивилей оказалась как нельзя кстати, но Дарлид и подумать не мог о том, чтобы заставлять молодых парней, которых он едва знает, биться за него насмерть. Ситуация переменялась, сейчас в его силах было избежать кровопролития. Но шанс был только один.

— И сколько же воинов ты потеряешь, Оррин, еще до того, как войдешь в город? — крикнул Дарлид. — Решим дело миром здесь и сейчас!

— Сомневаюсь, что сможешь заинтересовать меня, но попробуй, — ответил Оррин и облизнул губы, видимо, предвкушая сражение.

— Предлагаю пари, — сказал Дарлид и провел пальцами по зачесанным вверх усам, довольный своей придумкой. — Если я проиграю, то мы и Мивили присоединимся к твоей шайке и вместе пойдем на Барглиса. Проиграешь ты — отпустишь Кенрона и этого кобольда. А затем покинешь Керфен со своими друзьями и никогда не вернешься.

— Каковы же условия этого пари? — спросил Оррин, раздраженно скалясь при каждом слове.

— Раз уж мы выясняем, у кого больше союзников, поступим вот как, — сказал Дарлид. — Один из нас выберет человека, который еще не встал ни на чью сторону. Второй же подтвердит этот выбор и попытается убедить этого парня присоединиться к нему.

— И это пари, — усмехнулся Оррин. — Никто, кроме дураков Мивилей, не откажется от того, что полагается дайгонцам по праву. Назови любого здесь, и я сделаю его своим союзником. Этот человек прикончит Венни своими руками.

— Выбираю своего сына, Кенрона, согласен? — спросил Дарлид.

— Думаешь, я откажусь только потому, что он твой сын? — сказал Оррин. — Если он

будет умнее тебя и откажется пресмыкаться перед Зеннатом, ты быстро растеряешь всех сторонников. Отпустите мальчишку, теперь он с нами.

Шаг за шагом Кенрон приближался к Оррину Глэру, толпа позади, должно быть, насчитывала уже три сотни людей. Оррин поднял руку, и Кенрон остановился, между ними оставалось около пяти метров. Охотники с ножами на изготовку стояли недалеко от Оррина, некоторые из них все еще могли скрываться в камуфляже. Кенрон оглядел местность вокруг себя, разумеется, не заметив ни каких следов чужого присутствия.

— Они здесь для нашей с тобой безопасности, — сказал Оррин. — Тебя не тронут, ведь ты один из нас, не так ли?

— Я такого не говорил, — ответил Кенрон.

— Мне нужны смелые люди, желающие перемен к лучшему, — сказал Оррин. — Будем считать, что ты с нами, пока не скажешь, что хочешь пойти своим путем. Я ведь не зеннаец и никого не заставляю.

— Я могу просто сказать, что не хочу вместе с вами свергать Барглиса, и вы уйдете из города?

— Конечно. Но прежде, чем ты это сделаешь, у меня к тебе есть вопрос.

— Какой же, господин Оррин?

— Это ведь помада у тебя на рукаве, парень. А ты сегодня времени зря не терял, — рассмеялся Оррин.

Толпа зеваяк разразилась смехом, при этом Кенрону стало немного спокойнее, он опустил напряженные плечи и слегка улыбнулся, утро его и вправду выдалось странным.

— На меня в твоём возрасте ни одна девчонка даже смотреть не хотела, — продолжил Оррин, — скажи, в чём твой секрет?

— И это то, о чём вы хотели спросить? — удивился Кенрон.

— Разве не самое важное, меняя мир к лучшему, всегда помнить о тех, для кого ты собрался этот мир изменить, — сказал Оррин и улыбнулся, показав старческие морщины на загорелых щеках. — О том, как люди будут тебе благодарны, когда мы своего добьёмся?

— У меня было с собой немного денег, а потом все просто случилось, — сказал Кенрон.

Толпа снова отозвалась смехом, и Кенрон принялся криво улыбаться, польщённый вниманием к своим утренним похождениям.

— Кажется, ты хотел мне что-то сказать, — напомнил Оррин.

— Почему бы вам не отпустить этого кобольда Венни, — сказал Кенрон. — Вы задумали идти к регенту, для этого кобольд вам без надобности.

— Я собрался поменять уклад всего нашего государства, а такое не делается в одиночку, — сказал Оррин. — Первое, что тебе стоит понять, — этот кобольд далеко не невинен. Он один из тех, кто заставляет твоих родителей рисковать жизнями на опасной охоте. Вот простой вопрос: хочешь ли ты, чтобы огненные ящеры убили твоих отца и мать?

— Конечно, нет, но вы же не огненного ящера хотите убить.

Оррин рассмеялся.

— Очень остроумно, — сказал он. — Нам с тобой нужно избавить твоих родителей от необходимости охотиться на огненных ящеров. Сами ящеры в лесах, увы, не переведутся никогда. Как по-твоему, прав я насчет того, что твои родители отдадут почти все заработанное зеннатцам?

Ни о чём таком Кенрон не слышал, но всего несколько часов назад кобольд в приемном

доме говорил ему, что у них почти закончились деньги, когда они выдавали награду его родителям. И здесь появлялось странное противоречие: если его родители так богаты, зачем они заставляют его присматривать за Лаубером, а не нанимают прислугу. Кенрон решил, что ему больше хочется озвучить это противоречие, чем хранить семейные тайны. Этим тайнам в последнее время и так развелось слишком много. Он сказал:

— Я слышал то, что железные ящеры очень ценные, и родители получают много денег за них. При этом мама всегда жалуется, что у нас нет денег, чтобы постоянно нанимать Щепку для моего младшего брата. То есть сиделку, госпожу Кселли.

— Понимаю, — сказал Оррин, кивая, — твой отец не хочет пускать кобольдов в дом, чтобы те не доносили зеннату о каждом его шаге. Он нанимает сиделку из дайгонцев. Должно быть, она очень хороша, раз ей дают денег на покупку десятка домов каждую неделю.

— Она не очень хороша, — сознался Кенрон, — у нее одна рука, а вместо другой протез в виде щепки, поэтому мы ее так и называем.

В толпе раздался хохот, такая реакция собравшихся вовсе не смущала Кенрона, ему нравилось находиться в центре внимания; он понимал, что смеются вовсе не над ним, а над нелепой ситуацией, в которой он оказался.

— Если поможешь мне, выручишь своих родителей из большой беды, — сказал Оррин. — Сейчас они отдают огромные суммы денег Зеннату. Осталось понять, в обмен на что. Если подумать, вряд ли они копят на дом за границей. Слишком уж рискованный у них заработок, чтобы копить на дом. Так рисковать незачем. Скорее всего, им чем-то угрожают, как это случилось с родными моего приятеля. Если они не добудут денег, что-то плохое случится с кем-то тебе знакомым. С этой сделкой я сегодня и хочу покончить. Твои родители получают назад все, что заработали, и им больше не придется охотиться до конца жизни.

— Я хочу, чтобы родители меньше рисковали на охоте, но разве то, что вы задумали, не еще больший риск? — спросил Кенрон. — Похоже, родители и правда отдают деньги зеннатцам, они ничего мне не рассказывали об этой сделке. Но ни разу они не говорили о том, что их что-то не устраивает. Может, это честная сделка, а вы нарушите ее, если нападете на регента. Так вы сделаете родителям только хуже.

— Если сделка всех устраивает, она останется в силе, — заверил Оррин. — Даже если твои родители захотят дальше охотиться и отдавать этому скряге Барглису все нажитое, они получат кобольдов в подмогу так или иначе, рисковать станут меньше.

— Не думаю, что брать кобольдов на охоту — хорошая идея, господин Оррин, — сказал Кенрон. — Когда в команде есть хотя бы один человек без камуфляжа, такая команда будет двигаться гораздо медленнее, ведь придется убивать каждого опасного зверя на пути, вместо того, чтобы пройти мимо него.

— Кобольды не люди! — воскликнул Оррин. — Как только ящерица станет помехой, бросьте ее в лесу и дело с концом. Кобольды — инструменты Зеннаты и не больше.

Кенрон покачал головой: с тем, что кобольды — инструмент, он никак не мог согласиться.

— Я бы подумал встать на вашу сторону, — сказал он, — если бы вы хотели отпустить кобольдов на волю и потребовать для них лучшей жизни. Вы же хотите, чтобы им жилось еще труднее, чем сейчас.

— Они смекалистые, рано или поздно сообразят, как им выжить, не замедляя

охотников, — сказал Оррин. — Видишь, они до безумия смелые и им наплевать, живые они или нет. Эй, Венни, ты же не против, если этот малец тебя убьет?

— Смерть от рук человека почетна для меня, — медленно проговорил Венни, все еще придавленный ботинком Оррина. — Надеюсь, это уладит ваши распри.

— Неправильно убивать беззащитного кобольда, — сказал Кенрон.

— Неправильно говорить о том, что хочешь всем добра, но при этом оставаться малодушным трусом и ждать, когда другие все сделают за тебя, — воскликнул Оррин. — Старые порядки не изменить, пока живы те, кто их создал и поддерживает всеми силами. Ты ведь убивал животных до этого, и редко они даже догадывались о твоём присутствии. Они перед тобой провинились меньше, чем этот скользкий зеннатский змей. Ты в этом убедишься, когда мы дойдем до Барглиса.

— Вы, действительно, смогли меня убедить, господин Оррин, — сказал Кенрон. — Я думал, что ваша затея навредит моим родителям, но теперь я сомневаюсь. Думал, что она навредит кобольдам, но теперь сомневаюсь и в этом. Я действительно не знаю, как все обернется.

— Так почему бы не попробовать?

— Если я пойду с вами, господин Оррин, это может помочь моим родителям, а может и навредить им. Я не хочу убивать кобольда, но вы правы, я охотник и не боюсь проливать кровь, если нужно. И все же, есть одна проблема.

— Мне казалось, я все тебе разжевал, — сказал Оррин. — Где твоя решительность, парень?

— Решительность? Дело как раз в ней, — сказал Кенрон. — Когда я увидел вывеску «Магическая школа мастера Венни», то решил, что непременно должен узнать, что там происходит. И это единственное, в чем я сейчас уверен. А вы стоите на голове учителя из этой школы, без него занятий не будет.

— Разве я не говорил, что тот, кто зайдет в это здание, не будет общаться с моим сыном? — краснея в лице бросил Оррин. — Урок от кобольда не научит тебя ничему, кроме слепого подчинения Зеннату.

— Этого вы знать не можете, ведь уроков еще не было, — сказал Кенрон. — Мои родители уверены, что это безопасная затея, и я им верю.

— Видимо, вы не были друзьями с моим сыном, раз ты готов навсегда с ним расстаться.

— Мы друзья, господин Оррин. Вы можете запретить нам видеться на какое-то время, но настанет день, и Ирман сам решит, стоит ли ему общаться со мной или нет. А сейчас отпустите Венни и уходите из города, как и обещали.

— Поздравляю, Дарлид, твой сын не встал на мою сторону, — сказал Оррин.

Он пихнул Венни ногой так сильно, что того подбросило вверх на несколько метров. Кенрон поднял руки, чтобы попытаться поймать незадачливого кобольда, в итоге, зеленокожая туша в фиолетовом жакете рухнула на него и сбила с ног.

— Сомневаюсь, что мне нужен такой глупый союзник, — сказал Оррин. — Отложить революцию ради здания с цветастой вывеской и побитого кобольда, который все равно готов был распрощаться с жизнью. Все, у кого осталось хоть немного мозгов, уйдут из этого города вместе со мной.

— Ты обещал не возвращаться в Керфен, — напомнил Дарлид.

— Мне ведь дозволено закончить дела и распродать имущество? — спросил Оррин. — Скоро я покину Керфен навсегда, а до этого никого и пальцем не трону. В этом городе все

продались Зеннату, мне тут делать нечего.

Оррин махнул рукой и направился в сторону леса, прочь от ворот Керфена. Его подручные последовали за ним, не задав ни единого вопроса, — должно быть, такое развитие ситуации не было для них неожиданностью. Оррин обернулся лишь единожды, чтобы поманить за собой Ирмана, и тот побежал вслед за отцом, он помахал Кенрону на прощание. Нэфис Надэм скрылся в камуфляже, ушел он с ними или нет, сказать было сложно.

Венни поднялся с земли, несколько кобольдов подбежали, стащили с него изодранный жакет и принялись перебинтовывать раны.

— Вот вы и свободны, мастер Венни, — сказал Кенрон. — Видимо, занятия на сегодня отменяются.

— Ничуть не бывало, — ответил Венни. — Пусть и с большим опозданием, но мы начнем. Через час жду всех в классе.

Перед входом в здание школы, которая гордо именовалась магической, Кенрон остановился. Это была его последняя возможность отступить от занятий и тем самым продолжить дружбу с Ирманом. Даже при том, что Оррин Глэр пообещал уйти из города, он все равно мог разрешить Ирману и дальше видеться с Кенроном, узнай он о том, что последний все же не отправился в зеннатскую школу.

«В любом случае мы — друзья, — поправил себя Кенрон. — Ирман никогда не отговаривал меня попробовать что-то новое, в этом вся суть нашей дружбы»

Шагнув в раскрытую дверь, Кенрон оказался в прохладном сером коридоре, освещенном газовыми лампами. Он сел на скамью у стены и принялся разглядывать остальных учеников, входивших в здание один за другим. Большинство из них были детьми лет пятнадцати, но были и рослые дайгонцы, тянувшие лет на двадцать-двадцать пять. Никакой школьной униформы не было, почти все пришли в городской одежде, лишь пара ребят были облачены в охотничий костюм — видимо, явились на занятия напрямик из леса в поту и с окровавленными руками.

Вскоре в здание вошли Дарлид и Алина, они сели на скамью рядом с Кенроном, и тот почувствовал себя неловко, ему казалось, что в этот раз он сделал все неправильно и нарушил все запреты, какие были.

— Наверно, не стоило мне там появляться, но я не мог пропустить такое событие, — принялся оправдываться Кенрон.

— И наблюдать из толпы тебе было недостаточно, — сказала Алина. — Нужно было по уши влезть в неприятности.

— Я спасал того кобольда командира, но наверняка бы погиб, если бы напал на господина Оррина, — сказал Кенрон, опустив голову, — он был не в силах взглянуть матери в глаза. — Кстати, в итоге он остался жив, как и сам Венни.

— Вот только раз ты вмешался в спор дайгонца, то должен будешь участвовать в нем до полного разрешения, — сказал Дарлид, его голос не выдавал злости или нравоучительных ноток, которых ждал Кенрон. — Несколько сотен человек стояли и смотрели, а все потому, что они не хотят связываться с Оррином Глэром и числиться его врагами.

— Разве все не разрешилось? — спросил Кенрон, брови его поползли вверх от удивления. — Он ведь сказал, что уйдет из города и никому не навредит.

— Нет, друг мой, мы его не переубедили, — сказал Дарлид. — И все же, я уверен, он сдержит слово, в глазах соратников ему нужно выглядеть честным парнем. Скорее всего, он с самого начала собирался так поступить. Сегодня он выяснял, кто его союзники, а кто — нет. Жаль, что он запретил тебе общаться с Ирманом, кажется, он славный парень, несмотря на странности отца.

— Когда-нибудь мы еще увидимся, — сказал Кенрон, надеясь, что речь идет о нескольких неделях или паре месяцев.

В здание школы вошла Нанса, на ней было бежевое летнее платье точно ей по размеру. Завидев Кенрона, она расставила руки в стороны и обернулась на месте, позволив подолу чуть подняться в воздухе.

— Моя последняя работа, — с гордостью объявила она. — Как тебе?

— И ты здесь, отлично! — воскликнул Кенрон и вскочил со скамьи. — Симпатичный

наряд, но, если тебя кто в нем укусит, будет больно.

— Тебе сейчас будет больно! — воскликнула Нанса и всадила кулак Кенрону в плечо.

— Полегче, — возмутился тот. — У меня все руки болят после того, как те громилы меня схватили. Я не успел выяснить, сколько стоят занятия, боялся, тебе это не по карману.

— Десять тысяч золотых за урок, — сказала Нанса.

— Правда? — удивился Кенрон. — Я в жизни столько денег не видел, откуда они у тебя?

— Твой отец одолжил, — сказала Нанса, — откуда же еще им взяться?

— Это подарок, — поправил ее Дарлид, вставая со скамьи. — На что еще тратить деньги, если не на образование талантливых молодых людей.

— Я все верну вам, господин Амелот, — заверила его Нанса, — заработаю и верну, иначе какой толк в этой учебе?

— Так вот, на что вы откладывали деньги, — сказал Кенрон. — Могли бы и сказать, тогда Оррин не стал бы заявлять, что у вас секретные сделки с Зеннатом.

— Боюсь, Оррин был прав, — сказала Алина. — Деньги на твое обучение, а также Нансы и Ирмана мы отложили еще давно. Это не такая уж и большая сумма для нас с Дарлидом.

— Небольшая? — воскликнул Кенрон. — Десять тысяч за занятие, умножить на три, а сколько будет этих занятий...

Раздался звон колокола. Кобольд в черном жакете вышел в коридор, и пригласил всех в класс. Кенрон помахал на прощание родителям, взял Нансу за руку и потянул за собой в раскрывшуюся дверь. Вскоре коридор почти опустел, остались лишь Дарлид, Алина и еще родители нескольких новоиспеченных учеников магической школы.

— Наверное, стоило ему все рассказать, — сказала Алина. — Кажется, он считает, что там будет весело.

— Некоторые события нужно испытать на своей шкуре, — сказал Дарлид. — Подождем немного, он будет первым, кто вылетит из класса.

Учеников оказалось не больше двух десятков, все они расселись на стулья, выставленные полукругом. Кенрон усадил Нансу рядом с собой, он все еще сжимал ее руку, словно боясь проморгать какое-то чудо, если отпустит ее.

Венни вошел в класс. На его зеленой чешуйчатой физиономии было наклеено несколько пластырей из зеннатской аптеки. Дыра на плече жакета была заштопана, рану под ней наверняка тоже перевязали. Кенрона весьма впечатлила решимость Венни проводить урок даже после того, как его чуть не лишили жизни всего в паре сотен метров отсюда. Венни встал за небольшую деревянную кафедру в центре класса и осмотрел собравшихся учеников.

— Простите за эту заминку, — сказал кобольд. — Меня зовут Венни, я буду вашим учителем сегодня.

— За что вы извиняетесь? — спросил Кенрон, все ученики тут же обернулись в его сторону. — Это Оррин Глэр должен просить у вас прощения.

— Данный вопрос не тема сегодняшнего урока, — сказал Венни. — Вы ведь сын Дарлида и Алины Амелотов, не так ли?

— Верно, — сказал Кенрон.

— Я благодарен вам за то, что вы вступились за меня, Кенрон, но в этом не было

необходимости, — сказал Венни. — Лучше бы вы просто пришли на занятие вовремя. Я не единственный, кто может его провести.

— Откуда вы знаете моих родителей? — спросил Кенрон.

— Ваши родители не просто умелые охотники, они часть истории Дайгона. Без их участия сейчас Дайгоном правил бы другой человек. Впрочем, все детали того события ваши родители расскажут вам лучше, чем я.

— Мои родители постоянно от меня что-то скрывают. Они мне и словом не обмолвились о том, как победили в турнире, может, вы что-то знаете!

— Я читал краткую историю турниров Дайгона и нашел ее весьма занимательной, но это не тема сегодняшнего урока, — сказал Венни.

Кенрон скрестил руки на груди, пытаясь удержать себя от попыток отвлечь учителя другими вопросами.

— Я бы хотел начать со знакомства с магией, — продолжил Венни. — Мы в Зеннате зовем ее несколько иначе. Магия в нашем языке — нечто обозначающее якобы чудодейственные свойства, нечто удивительное и сверхъестественное. Но если вы начнете изучать эту самую магию, рано или поздно осознаете, что в ней нет ничего сверхъестественного. Это лишь сложный и диковинный закон природы, но, все же, закон. Магия рождается в глубинах леса и передается животным. Как правило, чем крупнее зверь, тем больше в нем магических свойств. В каждом из вас есть магия, о чем вы, разумеется, уже знаете.

— Учитель Венни, а у кобольдов тоже есть магия? — спросил один из учеников.

— У некоторых есть, но это не тема сегодняшнего урока, — ответил Венни.

— А я знаю человека без магии, можно ли ей как-нибудь помочь? — спросил Кенрон.

Нанса тут же ткнула его локтем в бок.

— Я об этом не просила, — прошептала она.

— Вы всегда так активны, господин Кенрон?

— Ответьте, и я больше ничего не спрошу сегодня.

— Так и быть, — сказал Венни. — Животные, которые родились без магии, крайне редко обретают ее в позднем возрасте. Обычно они погибают в результате естественного отбора. Если твоя знакомая не может использовать камуфляж уже несколько лет, никакие тренировки, физические или умственные, этого не изменят.

— И эта вся мудрость Зенната? — воскликнул Кенрон. — Я ожидал большего.

— Сегодня я хочу поговорить об осьминогах, — сказал Венни. — Это такие животные с восемью щупальцами, которые живут в огромных естественных водоемах.

— Восемь ног и живет под водой, — прошептала Нанса. — Похоже на какую-то сказку.

— Это весьма умные существа, — продолжил Венни. — Вот только у осьминогов есть проблема — они живут в лучшем случае пять лет. Интеллект не так уж и полезен без знаний, которые он может обрабатывать. Без этих знаний мозг лишь будет потреблять ресурсы организма и не будет приносить большой пользы. А много ли знаний можно получить за пять лет, часть из которых нужно тратить на поиск еды, убежища, сон и спаривание?

По классу пробежал смешок.

— В общем, осьминоги решили свою проблему с помощью магии. Их способность наделяет предмет знаниями, которыми обладал носитель; другой же осьминог может получить эти знания, коснувшись наделенного магией предмета.

Из отсека кафедры Венни достал небольшую коробку и поставил ее так, чтобы всем

было видно. Он снял крышку с коробки и вынул синюю сферу, утопленную в небольшой постамент.

— Перед вами предмет, зачарованный магией осьминогов, — сказал Венни. — Кто желает прикоснуться первым?

— Чтобы узнать, о чем они думают на морском дне? — спросил один из учеников.

— О, нет, — сказал Венни. — Мы смогли изменить информацию в этой сфере на нечто более полезное для вашего ежедневного пользования.

Кенрон поднялся.

— А там точно не осталось ничего от осьминогов? — спросил он с надеждой.

— Боюсь, нет. Вы готовы коснуться сферы?

Все ученики опять устали на Кенрона: дрейфит или нет.

Кенрон подошел и поднес ладонь к синему шару. Он не почувствовал холода или жара, никаких острых запахов тоже не чувствовалось.

— Я понимаю вашу настороженность, но уверяю... — начал Венни.

Кенрон накрыл шар ладонью и обхватил пальцами. По всему телу прошел жар, как только невидимое облако тепла дошло до головы, в мозг словно вонзилась сотня иголок; от неожиданной боли Кенрон резко выдохнул, но шар не отпустил.

— Этого достаточно, — сказал Венни, он ухватил руку Кенрона за запястье и оторвал ее от сферы.

Тут же Кенрон почувствовал, что у него пошла кровь носом, он зажал ноздри рукой и запрокинул голову.

— Редкий побочный эффект, скоро пройдет, — заверил Венни. — Кобольд с ватными тампонами будет ждать вас на выходе.

— Теперь я умный, как осьминог? — спросил Кенрон, глядя в потолок. — Это того стоило?

Тем временем Венни истово тряс его руку.

— Вот и первый выпускник магической школы, поздравляю! — воскликнул кобольд.

— Постойте, вы говорите, больше занятий не будет? — спросил Кенрон

— А как по-твоему еще работает магическая школа? — развел руками Венни.

Кенрон встретился с родителями на улице. В его носу была окровавленная вата.

— Он сказал, что целый месяц я буду вспоминать разные знания, — прогундосил Кенрон. — Математику, геометрию, физику, биологию, химию и голова... Голова болеть будет. И это все, один урок? Проклятье.

— Не выражайся, — отрезала Алина.

Кенрон почувствовал, что ноги его задрожали, в коленях появилась слабость. Он попытался упереться плечом в стену, но лишь повалился навзничь, руки родителей подхватили его. Он увидел, как одна за другой на полу появляются капли его крови, после чего потерял сознание.

Прошло пять дней с окончания магической школы, хотя в тот день произошло множество событий, которые надолго запомнились Кенрону. Дни, которые дарили так много впечатлений, выпадали на долю Кенрона крайне редко. Вот и последнее время он провел, сидя в своей комнате, скучая и размышляя о тригонометрических уравнениях, чего делать ему совершенно не хотелось, но мозг ему, казалось бы, больше не подчинялся.

Кобольд посыльный постучал в дверь дома Амелотов, затем оставил деревянный ящик и ушел. Дарлид подобрал посылку и принес в комнату Кенрону, где тот от скуки делал стойку на руках у стены.

Развернув бумагу и вскрыв деревянную коробку, Кенрон обнаружил скалящее клыки чучело крысы на подставке. Табличка гласила: Соки, говорящая крыса.

В посылке Кенрон также обнаружил письмо и несколько золотых монет.

«Прости, что от меня долго не было вестей.

Мы переезжаем, и отец запретил говорить, куда, да я и сам пока не знаю.

Теперь про крысу. Я свою не продал, как видишь, а попросил сделать из нее чучело на память о нашей охоте.

Та охота была забавной, мы стояли рядом и слышали, как крысы называли друг друга по именам, потом они убежали, и мы еле успели их догнать, непросто бегать в камуфляже, Нанса не пострадала, так что все в порядке. Я и не думал, что эта охота окажется последней на какое-то время.

Отец не разрешил мне взять Соки с собой, пусть полежит у тебя до нашей следующей встречи.

Отец вряд ли меня отпустит, но не вечно же мне его слушаться. Как только накоплю на свой дом, сразу дам деру, а может, и раньше. Спорим, я на свой дом накоплю раньше тебя!

Ах, да, я думаю, ты правильно поступил, что выбрал школу, не позволяй типам, вроде моего отца, решать все за тебя.

Ирман Глэр».

Кенрон спустился в подвал (в котором, к слову, не было гор золота, вот бы Оррин Глэр удивился), взял гвозди, молоток, деревяшки и соорудил небольшую полку на стене в своей комнате. После чего поставил на полку чучело крысы.

— Надолго ли ты тут поселился, приятель? — спросил Кенрон у чучела.

Не прошло и получаса, как регент Барглис знал о произошедших за стенами Керфена беспорядках. Сообщения поступали от дюжины разных кобольдов, особое внимание регент уделил записке от Венни, который не только был в самом центре событий, но и оказался достаточно компетентен, чтобы пересказать все произнесенное на том поле слово в слово.

Зачинщик беспорядков Оррин Глэр, весьма умелый охотник и постоянный участник турниров, где его команда неизменно занимала второе место. Займи Оррин и его приятели первое место в турнире, сейчас бы этот тип не мутил воду за городом, а был бы полноправным правителем Дайгона. Несколько лет назад Барглис лично распорядился продавать Оррину и его семье все товары и услуги со скидками, выдавать ему больше денег за любую принесенную дичь, и все же этих мер оказалось недостаточно. Оррин грозился ни много ни мало напасть на самого Барглиса в его резиденции.

Подобную мысль дайгонцы до этого вслух не высказывали, хотя это не означало, что никто и никогда в этих землях не замыслил нападения на здания Зенната. Барглис делал все, чтобы представить вверенные ему склады непривлекательными для возможных грабителей. Воздушные корабли привозили товара ровно столько, чтобы его можно было распродать за неделю. Мебель, одежда, еда и многое другое поставлялось частями, поэтому кобольдам приходилось немало постараться, чтобы из этих частей соорудить ценный товар. Воровать эти части большого смысла не имело.

В этот же раз дайгонцы собирались покуситься не на материальные ценности, а на власть, которой, по их мнению, обладал Барглис. Лучшей защитой для власти было отрицание ее существования на публике. Какое-то время это работало, но, похоже, Оррин Глэр догадался, если не обо всем, то о многом.

Барглис нажал кнопку коммуникатора и вызвал в свой кабинет того единственного человека, на ком держалась оборона его резиденции в Керфене. Лисидия вошла без стука. Такую формальность Барглис давно счел бесполезной, ведь одной из способностей боевого мага было то, что он может видеть сквозь непрозрачные объекты. Пока он был в Дайгоне, Лисидия всегда знала, где он и чем занят, это было частью ее работы.

Высокая, стройная, с длинными прямыми волосами бежевого цвета, она носила длинную рубаху и брюки, какие можно было купить на ближайшем кобольдском рынке. Телохранителю не следовало показывать возможным противникам свой особый статус. Единственное, чем Лисидия внешне отличалась от жительницы Дайгона, были два черных диска, закрепленные на поясе, в каждом содержалось по сотне монет, сделанных из особой смолы, устойчивой к жару открытого пламени и выдерживающей удар молота. В Дайгоне такие деньги не были в ходу, их заменяли более дешевые в производстве монеты из чистого золота.

— Что ты будешь делать, если на нас все же нападут эти смельчаки? — спросил Барглис.

— То, что они обсуждали на том поле за городом, сложно назвать атакой, — сказала Лисидия, она потерла пальцами подбородок, делая вид, что обдумывает вопрос; на самом деле все эти теоретические размышления мало ее интересовали, ей хотелось практики. — Я бы сравнила то, что они собирались проверить с попытками мотылька убить пламя свечи.

— А можно конкретнее? — настаивал Барглис.

Лисидия пожалала плечами — даже небольшие стычки с применением магии редко шли по запланированному ранее сценарию. Способность соображать на ходу была таким же важным оружием мага, как и сами заклинания. Впрочем, раз регент считал, что от этих размышлений есть толк, стоило пойти ему навстречу.

— На их стороне будет элемент внезапности, мы все же говорим о дайгонцах, — сказала Лисидия. — В коридорах резиденции полно датчиков, реагирующих на магию исчезновения. Мы узнаем, когда они будут внутри. Подпустим поближе и накроем одним ударом. Я заполню все коридоры резиденции огнем или газом, может, вы желаете какой-то более экзотический способ? Магию превращения? Итог будет один — только мы с вами останемся в живых.

— Здание придется строить заново, — заключил регент.

— Или серьёзно ремонтировать.

— Все бумаги будут уничтожены.

— Что-то сохранится в нескораемых шкафах.

— Все кобольды, которых я так долго тренировал, перемрут, как мухи.

— Не без этого, — кивнула Лисидия. — Мы имеем дело с противником, который может скрывать свое присутствие, численность также на их стороне, кобольды в бою с ними бесполезны. Заманить их в здание или подземное убежище и уничтожить всех разом — наша самая эффективная тактика.

— Ясно, благодарю за откровенность, — сказал Барглис. — Глуп тот командир, который просит солдата прыгнуть выше головы. Моя задача упростить для тебя это сражение.

Барглис и сам не знал, чего именно хотел добиться этим разговором. Он получил подтверждение того, что при нападении дайгонцев его резиденция, скорее всего, будет разрушена своим же телохранителем. Он знал, что его работа в Дайгоне относительно безопасна для него самого, но существует множество способов нарушить, замедлить и всячески саботировать эту работу. Избежать такого развития событий было сложно, хотя если бы он мог выявлять дайгонцев в камуфляже еще до того, как они проникнут в его резиденцию, это могло бы снизить риски для имущества.

Вскоре воздушный корабль регента был готов к отбытию. Раздав последние указания, Барглис поднялся на борт, двери за ним закрылись, и уже через полчаса он оказался за границей территории, которую дайгонцы считали своим государством. Отбытие регента означало, что для его телохранителя настало свободное время, которое можно провести по своему усмотрению.

Прошло четыре дня с того момента, как Барглис отбыл из Дайгона. Вот бы он привез с собой еще одного боевого мага, позволила себе помечтать Лисидия. С помощником ей бы не пришлось опекать регента каждую минуту, пока он был в Дайгоне. Можно было бы взять отпуск на месяц или два и сгонять в другую страну отдохнуть. А еще со вторым боевым магом можно было бы устроить интереснейшую дуэль. Хотя, чтобы получить подкрепление, регенту предстояло доказать, что в Дайгоне с одним магом он никак не справится. Сделать это ей было бы непросто. Отчасти потому, что дайгонцы не спешили нападать, а отчасти из-за способностей самой Лисидии, в которых пока еще никто не сомневался.

Скорее всего, регенту удастся лишь получить десяток другой масок для кобольдов. Эти маски Лисидия про себя называла мешалкой для мозгов: ни один уважающий себя боевой

маг не позволил бы и близко поднести эту отвратную штуковину к своему лицу. Чтобы понять принцип работы масок, нужно было сперва разобраться с тем, как работал камуфляж дайгонца. Как ни парадоксально, большинство дайгонцов считали, что становятся невидимыми, используя камуфляж, хотя никаких оптических эффектов эта магия не давала. Дайговец под действием камуфляжа оставался видим всеми, кто на него смотрел, однако осознание того, что перед ним находится дайговец стиралось из разума наблюдателя.

Мозг человека вообще обладает удивительной способностью игнорировать неудобные ему сигналы, поступающие от органов чувств. Так перелом руки может быть или не быть болезненным в зависимости от того, как мозг пострадавшего решит на этот перелом отреагировать. В состоянии сильного потрясения мозг человека вообще отказывается реагировать на большую часть внешних раздражителей. Дайгонский камуфляж можно было сравнить с небольшим шоком, который заставлял мозг наблюдающего игнорировать сам факт присутствия поблизости дайгонца.

Кобольдская маска же пыталась бороться с этим эффектом, «встряхивая» мозг так, чтобы эффект дайгонской магии проходил хотя бы временно. Из-за постоянной работы двух источников магии мозг кобольда «трясло» так, как будто в нем проходило землетрясение. В итоге, разумная рептилия видела перед собой нечто вроде марева, колыхающегося воздуха, а это уже была какая-никакая цель для удара мечом, копьем или выстрела из арбалета. Использование маски сокращало жизнь кобольда, если, конечно, речь шла о его разумной жизни. Кое-кто, известный Лисидии, умудрялся жить с паштетом вместо мозгов, более того, даже правил, как король небольшого государства. Речь, правда, шла не о правителе Дайгона — нужно было признать, пока у того парня с мозгами было все в порядке.

В отсутствие Барглиса нападения мятежных дайгонцев ждать не приходилось. Лисидия подумывала, не отправиться ли ей на охоту и не показать ли себя местным умельцам истреблять лесных магических тварей. Ее останавливало лишь то, что пришлось бы несколько дней провести в лесу, выискивая зверей, которые могли бы оказать ей хоть какое-то сопротивление, что само по себе было скучным занятием. После чего найденный ею зверь разлетелся бы на куски, и на этом охота бы закончилась. Что касалось добычи ценных частей животных, боевые маги проявляли удивительную несостоятельность. Возвращаться с пустыми руками из леса казалось Лисидии верхом некомпетентности, но именно к такому результату ее попытки охотиться скорее всего бы и привели.

Шанс поразвлечься в отсутствие регента выпал сам собой. В этот раз все элементы прекрасного вечера собрались воедино. Можно было развернуться, используя самые разные виды магии, присутствовал элемент соревнования, и далеко ходить было не нужно. Все происходило ночью в трехэтажном здании оружейной за стенами Керфена. Достаточно далеко от города, чтобы не потревожить кобольдов охранников, но достаточно близко к резиденции, чтобы после веселья окунуться в теплую ванну, а затем вызвать к себе кобольда массажиста.

Место для веселья на первый взгляд могло показаться необычным, то была чуть наклоненная черепичная крыша здания оружейной, освещенная убывающей, но все еще яркой луной.

В тот день в здании оружейной трудилось без малого два десятка кобольдов. Первый этаж поровну делили комнаты выдачи и приема экипировки и четыре тренировочных зала, в которых дайгонцы могли попрактиковаться в стрельбе из лука, во владении разного рода

оружием ближнего боя, а также в поднятии разного рода стальных тяжестей. Часы выдачи обмундирования подошли к концу — последний дайговец покинул тренировочный зал. В этот раз день прошел без происшествий. А вот ночь запомнилась кобольдам навсегда, по крайней мере, тем из них, кто дотянул до рассвета.

За ночь кобольдам предстояло сделать многое: собрать новые мишени, ведь усердиями посетителей тренировочных залов, старые приходили в негодность. Оружие, которое дайгонцы возвращали после охоты, требовало ремонта и заточки, несколько комнат на втором этаже было отдано под мастерские и склады. На третьем этаже кобольды спали в перерывах между сменами, там же были кухня и комнаты отдыха.

Вся работа замерла, когда в здание вошла Лисидия. Не всякий рядовой кобольд знал ее в лицо, а вот распорядителям рабочих домов она была хорошо известна, к тому же она носила с собой отличительный знак — карточку с ее изображением, меняющую цвет с черного на белый и обратно, стоило ее немного наклонить. Подобные карточки были лишь у самого регента Барглиса и старого, но бодрого Венни. Кобольд должен был выполнить приказ предьявителя такой карточки немедленно и беспрекословно.

Лисидия взглянула на заспанное лицо распорядителя. Тот переминался с ноги на ногу, ожидая, когда ему сообщат суть неотложного дела, по которому такая важная персона, как телохранитель регента, решила навестить их в столь поздний час.

— Регент в отъезде, нападения без него точно не будет, — сказала Лисидия. — В последние дни стало скучновато, вот и решила развеяться. Собери всех ваших работников на крыше. Пусть бросают все занятия, все эти острые железки, которые вы полируете, могут и подождать.

— Не хотите ли попрактиковаться в стрельбе в одном из наших залов, там все же теплее будет, — предложил распорядитель, разглядывая Лисидию заискивающим взглядом. — Дайгонцы устраивают у нас спарринги в дневное время, их это, кажется, веселит. Могут часами кулаками махать. Я, конечно, не знаю, подходят ли вам такие развлечения. Да и кто может сравниться с госпожой Лисидией в боевых навыках?

— Не надо ко мне подлизываться, лучше пошевеливайся, — отрезала Лисидия. — Где лестница на второй этаж? Вижу, за двумя дверьми в дальнем конце здания. Придется прогуляться.

Кобольд вжал голову в плечи, как будто чувствуя вину за то, что здание было неудачно спроектировано для этого конкретного визита волшебницы.

— Дайгонцам не положено подниматься на этажи с мастерскими и складами, поэтому лестница наверх далеко от главного входа, — пролепетал он. — Мне ужасно жаль, что вам придется пройти такой долгий путь.

— Иногда самую обычную прогулку по дому можно сделать весьма увлекательной, — сказала Лисидия. — Собирай своих приятелей на крыше. Последний, кто поднимется, об этом пожалеет.

Кобольд распорядитель выпучил глаза, бросился к двери и тут же скрылся за ней, будто это была спасительная нора в земле. Он взлетел по лестнице и принялся заглядывать в мастерские, комнаты отдыха и кладовые на втором этаже, созывая своих коллег. Затем пришла очередь будить кобольдов, что спали после своей смены на третьем этаже; кого-то пришлось сбросить с кровати или гамака, на кого-то вылить кувшин воды.

Подъем на крышу двух десятков сотрудников по единственной лестнице занял какое-то время. Распорядитель не знал, уложился ли он в срок, установленный Лисидией или нет, у

него уже не было сил волноваться об этом, он повалился на черепичную крышу и тут же уснул от усталости.

Его разбудило странное давящее чувство. Придя в себя, он понял, что сверху его придавливало нечто весом, должно быть, килограммов в шестьдесят.

— Благодарю вас, господин распорядитель, что позаботились обо мне. Теперь не придется морозить зад на черепице, — раздался сверху голос Лисидии. — А теперь прошу вас встать на четвереньки и не двигаться, чтобы не создавать мне неудобств.

Собрав последние силы, кобольд распорядитель смог приподняться, изображая этакую живую скамью, и замер. После чего о нем все забыли, что, возможно, спасло ему жизнь в тот вечер. Остальным кобольдам из оружейного дома повезло чуть меньше: они расселись в три ряда перед Лисидией, чувствуя холод надвигающейся ночи. Никто из них не догадывался, зачем их собрали, спросить об этом приближенную регента никто не отважился.

— Никого не забыли? — спросила Лисидия.

Вопрос был риторическим, она и сама могла без труда выяснить, остался ли кто-то из кобольдов в здании. Для этого ей достаточно было коснуться одной из монет, которые хранились в двух дискообразных контейнерах, что она носила на бедрах. Монеты внутри были выложены у краев контейнеров ребрами к плоским крышкам, чем напоминали строение раковины моллюска наутилуса. Крышка контейнера свободно поворачивалась, в ней была сделана прорезь таким образом, чтобы можно было коснуться лишь одной монеты и не задеть другие.

Лисидия повернула крышку и через прорезь коснулась монеты, которая давала ей способность смотреть сквозь твердые предметы. В здании действительно не осталось ни единого живого существа, распорядитель неплохо справился, со своей задачей. Что же касалось наказания для последнего кобольда, поднявшегося на крышу, — ему предстояло потрудиться в не самой приятной роли болотного медведя. Медлительный и глупый, питается травой, солнечным светом и падалью, как раз подходящая личина для нерадивого сотрудника.

— Сегодня будем разыгрывать сценку, — сказала Лисидия. — От вас мне нужно пять актеров добровольцев и одного назначу сама. Вот ты, подойди поближе.

Опоздавший подошел к восседавшей на кобольде распорядителе Лисидии, молча встал рядом и принялся потирать руку. Он был без одежды, если не считать шортов, вода капала с его шкуры, ведь он недавно принимал ванну. Оставшиеся кобольды принялись переглядываться, один из них все же поднял руку.

— Нет, — сказала Лисидия. — Что-то мне в тебе нравится, глаза у тебя симпатичные, пусть такими и остаются. Будешь слушателем. Эй, не дрейфь, давно ли волшебницы рассказывали тебе сказки? Кто из вас работяг тут недавно?

Поднялось несколько рук. Лисидия выбрала пятерых кобольдов и жестом подозвала их к себе. Она засунула руку за спину и вытащила из-за пояса рельсовый пистолет, который последние полчаса натирал ей стволом левую ягодицу. Она швырнула оружие одному из кобольдов, тот от неожиданности не смог поймать пистолет, а подбросил его вверх, какое-то время жонглировал им дрожащими руками, затем схватил его зубами и замер. Он стоял с вытаращенными глазами, боясь моргнуть, чихнуть или шелохнуться.

Еще двадцать минут назад кобольд Чафис спал в постели после долгой дневной смены в оружейном доме (он чистил уборные на первом, втором и третьем этажах), сейчас же он стоял на крыше этого самого дома с пистолетом, зажатым в зубах. Он принялся облизывать стальной корпус, вскоре худшие опасения Чафиса подтвердились — его угораздило ухватить пистолет зубами так, что дуло было направлено прямиком ему в глотку.

— Не могли бы вы, уважаемый, держать пистолет руками, а не зубами? — спросила Лисидия и тут же добавила, повысив голос. — И перестань уже его облизывать!

«Как было бы приятно, если бы она знала мое имя, — размышлял Чафис, — вот только какое ей дело до уборщика туалетов?» Он потянулся дрожащей рукой к рукояти пистолета. Это оружие он однажды видел в деле, когда один из дайгонцев принес его в тир. Дайговец навел оружие на круглую деревянную мишень, и та тут же разлетелась на куски. Чафис не разглядел снаряда, который вылетел из пистолета, хотя за полетом стрелы или арбалетного болта ему уследить удавалось.

Кобольды долго судачили после этого случая, кто-то из них знал название оружия, но принцип его действия так и остался загадкой. Выстрел был бесшумным, мгновенным и разрушительным. Чафис ухватился за рукоять пистолета и понял, что произошло худшее — он случайно зацепил пусковой крючок и нажал на него.

Болевые рецепторы кобольдов отключались, если боль становилась невыносимой. А это вместе с тем, что пистолет не издавал звуков при стрельбе, могло означать, что Чафис только что вышиб себе часть позвоночника в области шеи и даже не почувствовал этого. Зато во рту он сейчас ощущал металлический вкус, «металла» было немного больше, чем секундой ранее.

Плохие новости всегда хотелось узнать первыми, поэтому Чафис отпустил рукоять пистолета, поднес руку к затылку и принялся ощупывать его. Дыры не оказалось, по крайней мере, он ее не нашел. Чтобы избежать дальнейших проблем, кобольд подставил ладони, разжал челюсти и позволил пистолету упасть себе в руки.

Во рту у него все еще было что-то металлическое, он исследовал предмет языком и понял, что это ничто иное, как пистолетная пуля. Должно быть, она выкатилась из ствола прямо ему в рот. Чафис непроизвольно сглотнул, чувствуя громадное облегчение, отчего пуля спустилась по пищеводу кобольда и остановилась в его желудке.

— Он не работает! — воскликнул Чафис и постучал кулаком по своей массивной голове. — Не работает! Я уж думал, что продырявил себе хребет! Вот же глупость.

Лисидия рывком встала со своего импровизированного табурета и подошла к Чафису; все кобольды вокруг, кажется, задержали дыхание, ожидая, что произойдет дальше. Она вложила рукоять пистолета в его руку и подняла оружие на уровень его головы, нацелив дуло точно в кобольдский висок.

— Готов повторить эксперимент? — спросила она.

Чафис понял, что тут что-то не так. Каким-то чудом в первый раз выстрела не произошло, но сейчас явно что-то поменялось, он не мог взять в толк, что именно. Лисидия стояла, скрестив руки на груди, так близко к нему, словно они были друзьями, а не встретились впервые меньше получаса назад. Она смотрела на него с чуть заметной ухмылкой.

«Проверяет мою смелость или хочет взглянуть на мою смерть? — лихорадочно соображал Чафис». В итоге он решил, что риск — дело благородное, но не сегодня.

— Простите, что я сомневался в этом оружии, госпожа! — воскликнул Чафис и опустил пистолет. — Конечно, все ваше оружие в полной боевой готовности.

— Рада, что ты быстро сообразил, — сказала Лисидия. — Как тебя зовут?

— Чафис.

— Ты будешь играть разбойника, Чафис, эта роль очень проста, — сказала Лисидия. — К тебе подойдет дайгонский парень, отдай ему этот меч, он знает, что с ним делать.

— Но ведь это не меч.

Ответом была задница Лисидии, которую Чафис увидел перед своим носом.

Волшебница вернулась к «табурету», роль которого уже досталась одному из кобольдов, уселась на него и жестом подозвала всех шестерых актеров к себе.

— Вы трое будете жителями города: кузнец, пекарь и разбойник, — сказала она.

Она коснулась лба каждого из трех назначенных кобольдов, на чешуйчатой коже появились светящиеся красные точки, которые тут же исчезли. То была магия удаленного контроля, которая позволяла Лисидии управлять телами кобольдов под заклятием, пока они находились в зоне ее видимости. Такое ограничение делало заклинание почти бесполезным в бою, вот только магические ограничения часто можно было обойти.

Настало время подготовить трех оставшихся актеров. Дважды Лисидия коснулась их лбов, на этот раз на зеленой коже появились две метки: красная и желтая. Обе метки сразу же исчезли, обозначая, что магия успешно сработала, не встретив сопротивления.

— Вы будете играть монстров, — сказала Лисидия.

— Не уверен, что у меня получится, — сказал кобольд, это был тот медлительный индивид, что умудрился подняться на крышу последним.

— Не волнуйся, я тебе помогу, — заверила Лисидия.

Она направила на него указательный палец и послала мысленную команду «превратись в болотного барибала». Желтая метка, оставленная на лбах кобольдов ранее, позволяла магу изменять их тела по своему желанию, пока получивший такую метку был видим магом.

Опоздавший кобольд повалился на черепичную крышу, будто его сшибло с ног резким порывом ветра; тело его стало расширяться, надуваться, кожа покрылась бурой шерстью, а местами эта шерсть была зеленой и напоминала мокрую траву; на спине существа появились грибы. Огромный болотный медведь лежал на крыше, распластав лапы в разные стороны, от опоздавшего кобольда остались разве что разорванные шорты на одной из мохнатых лап.

— По мне, так вылитый медведь, — сказала Лисидия. — Продолжим перевоплощение, господа актеры.

Она поочередно указала пальцем на двух оставшихся кобольдов, которым выпало «играть» монстров в готовящейся постановке. Их превращение проходило одновременно. Вторая голова полезла из основания шеи, острые черные лапы, покрытые шипами, разодрали серый жакет работника оружейного дома. Крылья захлопали по черепичной кладке. Вскоре превращение завершилось, рядом с медведем на крыше оказались паук, который лишь немного уступал медведю в размерах, и не менее громадная двухголовая летучая мышь.

Кобольды зрители, коих было полтора десятка, все так же молча сидели перед Лисидией. Их поведение изменилось лишь немного: до превращения их коллег по работе в разного рода безобразных тварей они позволяли себе крутить головами и даже позевывать. Теперь они все, как один, уставились на появившихся рядом с ними диких тварей, ни один

кобольд не моргал — кажется, большинство из них и вовсе перестали дышать.

— Не волнуйтесь вы так, я за них заплачу, — сказала Лисидия. — Будут вам новые сотрудники. Сегодня все за мой счет.

По опыту Лисидия знала: каждый из кобольдов беспокоился только за свою шкуру и за исполнение приказов своего начальства. Большинство из них были уверены: успех в их жизнях связан с тем, насколько высшие чины Зенната довольны их работой, и мало зависит от благополучия их коллег по цеху. Должно быть, сейчас они думали, как бы эти жуткие твари их не сожрали.

— Нас съедят? — подтвердил ее мысли один из зрителей.

— Нет, конечно, — сказала Лисидия. — Они мне нужны голодными.

Хороший актер всегда знает, где ему нужно находиться во время представления. Лисидия отдала мысленную команду свежее испеченным монстрам, показывая, в какую часть оружейного дома им следует отправиться. Болотный медведь поднялся на лапы, пожалуй, даже быстрее, чем это сделал бы его природный собрат. Паук принялся вытягивать вперед одну лапу за другой, то ли разминая их, то ли осваиваясь с управлением новым телом. Летучая мышь оскалилась, используя сразу две своих пасти, но тут же успокоилась, смирившись со своим нынешним внешним видом.

Медведь неспешно направился к люку, ведущему с крыши на третий этаж только для того, чтобы обнаружить, что люк, рассчитанный на людей и кобольдов, был для него слишком мал. Но не беда. Мощная лапа с длинными когтями вцепилась в край люка и с треском выдрала толстую доску, черепица разлетелась во все стороны, словно брызги лужи, в которую бросили камень. Разодрав отверстие люка со всех сторон, медведь протиснулся внутрь и ловко для своего неповоротливого вида спрыгнул на пол третьего этажа, упал на все четыре лапы. Вслед за медведем в брешь пролез паук, а за ним последовала и летучая мышь. Когда все монстры исчезли с крыши, кто-то из оставшихся кобольдов заплодировал, наивно полагая, что это и было концом представления. Овации быстро стихли, стоило Лисидии взглянуть на слишком рьяного слушателя.

Лисидия оторвала черепицу от крыши, коснулась монеты в диске на бедре, дарующей магию превращения. Керамический брикет в ее руке тут же обратился в кусок хлеба такой же формы и чуть большего размера. Она протянула хлеб одному из трех выбранных ранее кобольдов актеров.

— Держи, будешь играть пекаря, — сказала она. — Не волнуйся, слова учить не нужно, я все скажу за тебя, когда придет время. Отдай хлеб парнишке, который подойдет к тебе. Да смотри, не вздумай сожрать сам.

Осталось дать наставления последнему актеру.

— Ты будешь кузнецом, — сказала Лисидия переминаящемуся с ноги на ногу кобольду, стоящему рядом с «разбойником» и «пекарем». — Но не простым, а завистливым. Знаешь, как изобразить зависть? Нет, не так, ладно, не корчи рожи. Возьми униформу со склада и держи в вытянутых руках, чтобы видно было. Мальчишка подойдет и заберет ее. Если не дурак, конечно. Актеры, занимайте места.

Лисидия мысленно указала кобольдам, которым довелось изображать городских жителей, где тем полагается находиться. Им предстояло спуститься на первый этаж здания и встать снаружи перед входом. Все трое отправились к люку, края которого были изрядно потрепаны болотным медведем. В этот момент накатило осознание.

— А что, если мы встретимся с этими чудищами? — спросил «пекарь», два других

актера энергично закивали — вопрос их тоже волновал.

— Не дразните, не смотрите им в глаза, — сказала Лисидия. — И поспешите, а то из-за паутины вам будет не пройти.

— Паутины? — переспросил «кузнец».

Он тут же заметил, что его коллеги уже спустились внутрь здания по искореженной стальной лестнице, стало быть, его шансы лично познакомиться с паутиной стремительно росли с каждой секундой. Кобольд нырнул в люк, надеясь, что не сломает ногу при падении.

Луна чуть сдвинулась на звездном небе, темные облака прошли небольшую часть пути к далекой стране, где обещали пролиться дождем или без следа исчезнуть в небе.

— Актеры на своих местах, — объявила Лисидия. — Все семеро. Начинаем представление.

Полтора десятка кобольдов, сидящих на холодной черепичной крыше, уставились на нее. Большинство из них было не против такого времяпрепровождения, ведь их не заставляли работать и высокий зеннатский чин был здесь прямо перед ними. Кто знает, может, это светило повышением.

— Случилось это давным-давно, — начала Лисидия. — Глубоко в непроходимом лесу у бурной реки стоял город, жили там умелые работники, на небольших полях пастухи пасли скот, были там кузнецы, и даже в пещере неподалеку обретались разбойники. Одна была беда — не на что в городе было смотреть, работали люди весь день, а потом спать ложились; если разбойник кого и ограбит, то на следующий день об этом никто и не вспоминал. Так неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом.

Однажды пролетел над городом дракон, такого зверя жители никогда не видели, был дракон невероятно красивым, его красная чешуя сияла на солнце. Хоть дракон и был красив, жители испугались: вдруг он полыхнет пламенем и сожжет все дома до единого. Стали жители решать, что им делать: прогнать дракона или же пусть себе летает, лишь бы никого не трогал. Спорили три дня и три ночи, пока каменщик не предложил построить башню подальше от города, где дракон мог бы поселиться.

Построили жители города башню в лесу, и вскоре там обосновался дракон. После этого дракон стал часто летать над городом, жители были очарованы его красотой, грацией и силой. Многие с нетерпением ждали его появления, рисовали картины, делали игрушки в виде дракона и дарили их детям. Дракон стал иногда спускаться, он хватал овцу или корову и уносил в свою башню, мало кто из жителей обращал на это внимание. Говорили, что овца или корова — небольшая плата за то, чтобы еще раз взглянуть на прекрасного и величественного дракона.

Были и те, кто боялся. Они говорили, что дракон делает все, что захочет, летает, где ему вздумается, никто не может найти на дракона управу, а значит, он опасен и может в любое время напасть и на людей.

Шли годы, дракон летал над городом, красуясь сверкающими крыльями; он забирал скот у фермеров, но так и ни разу не напал на людей. Все в городе было спокойно, пока однажды на главную площадь не выбежал мальчишка и не закричал, что его родители, фермеры, у которых дракон иногда забирал скот, пропали.

Собралась целая толпа и отправилась к его дому за городом, стали искать родителей паренька, все осмотрели: и в амбаре, и на чердаке, и в лесу рядом — пропали и отец, и мать. А на земле нашли свежий след дракона.

«Наверно, дракон унес», — сказал пекарь. «Точно, унес, — подтвердил кузнец, а я же предупреждал». Появился разбойник из леса и говорит: «Я сам видел, как явился дракон, схватил отца и мать того парня огромными лапищами, поднялся в воздух взмахнув мощными крыльями, и улетел ко своей башне».

«Не увидишь ты больше своих родителей, раз дракон их забрал», — донеслось из толпы.

Тогда сын фермера взобрался на изгородь и сказал: «Нет, я этого так не оставлю, пойду к дракону в башню и вызволю родителей». Стали его отговаривать, но вышли вперед кузнец, пекарь и разбойник. «Правильное дело ты задумал, — сказали они, — мы трое тебе поможем».

Разбойник протянул сыну фермера ржавый меч и сказал: «Возьми, пригодится тебе в бою с драконом». Тогда и пекарь порылся в котомке, вынул затвердевший кусок хлеба и отдал пареньку. «Поешь перед сражением — не биться же тебе с драконом на пустой желудок». И кузнец не оставил парня без подарка, отдал он ему кольчугу, которую сковал много лет назад, но так и не смог продать, потому что горловина ее вышла слишком узкой, и никто не мог просунуть в нее голову.

Сын фермера отправился к башне, башня та была огромной, дракон жил на самой вершине, и только одна лестница вела наверх.

Внутри башни было темно и холодно. Сын фермера пробирался наощупь, пока неожиданно не наткнулся на огромного болотного медведя, который спал, перегородив путь к лестнице. Медведь тут же проснулся и яростно зарычал. «Пропусти меня, медведь, — сказал сын фермера. — Мне нужно спасти родителей, их похитил дракон». «Дракону все дозволено, — ответил медведь, — он величественен и прекрасен, я не дам тебе навредить дракону». Сын фермера обнажил ржавый меч, готовясь к бою. «Попробуй одолей меня, сын фермера», — сказал медведь.

Лисидия прекрасно помнила, что стоило ей увидеть дайгонца в камуфляже или подумать о нем, как она сразу же забудет о его существовании. Поэтому она не стала смотреть через глаза медведя, хотя и могла бы это сделать. Вместо этого она сосредоточилась на других чувствах животного, особенно на болевых ощущениях.

Боли медведь испытывал предостаточно, пули рельсового пистолета отрывали куски плоти и глубоко врезались в тело, оставляя раны, несовместимые с жизнью. Вот только мгновенно убить такого крупного зверя из рельсового пистолета было сложно.

Лисидия представила себе рой пчел, который кружил где-то перед болотным барibalом и кусал его снова и снова, постепенно убивая. По тому, как именно были расположены места этих «укусов», можно было точно понять, где именно находится «рой пчел». Лисидия развернула медведя и приказала ринуться вперед и впечатать в стену то, на что он наткнется.

Медведь сорвался с места, он прыгнул, расставив лапы в стороны и сбил кого-то с ног. Вот теперь можно было взглянуть на своего противника. Лисидия открыла глаза медведя — она смотрела сверху вниз на дайгонского парнишку, который оказался погребенным под огромной тушей. Парень направил дуло пистолета в морду медведя, зрение исчезло.

Она приказала медведю укусить парня за плечо — укус вышел слабым, должно быть, мозг медведя был поврежден, мышцы челюсти разорваны.

Лисидия заставила медведя отступить; магией изменения она восстановила один из поврежденных глаз зверя и часть мозга. Раненому дайгонцу нужно было больше времени, чтобы снова уйти в камуфляж, медведь не позволит ему снова спрятаться.

Пока дайгонца было видно: боль только отвлекала медведя; Лисидия отключила болевые рецепторы и дала команду атаковать. После чего переключилась на зрение из собственных глаз, как никак кобольды сквозь стены смотреть не могли, о встрече сына фермера с медведем им нужно было рассказать своими устами.

— Мальчишка ударил медведя мечом, — продолжила рассказ Лисидия, — но лезвие было ржавым и не повредило толстую шкуру из шерсти и густой травы. «Что ты вообще такое: животное или растение?» — спросил сын фермера. Медведь задумался, и пока он думал, мальчишка запрыгнул ему на спину и вонзил меч в основание шеи, туда, где шерсти было меньше всего. Меч, даже тупой и ржавый, все равно пробил шкуру, и медведь упал замертво. Сын фермера спрыгнул с туши и отправился по лестнице на следующий этаж башни.

На втором этаже башни ему повстречалась огромная двухголовая летучая мышь. Мышь поела различных мелких животных, которые пытались подняться на вершину башни. Она ела их, чтобы те не докучали величественному дракону. Одна из голов крикнула: «Зря ты пытаешься одолеть дракона, так тебе не вернуть родителей». Но сын фермера не стал ее слушать и двинулся вперед, выставив перед собой ржавый меч. Мышь тут же спикировала с потолка и напала на сына фермера, тот попытался отбиться мечом, но не смог даже ранить летучую мышь, которая то взлетала к потолку, то снова пикировала на него, разрывая его плоть когтями и зубами.

Пожалуй, будь летучая мышь первым противником, мальчишка бы легко смог одолеть ее — рассуждала Лисидия. Сейчас же он ранен и, должно быть, потратил половину пуль из магазина рельсового пистолета. Он будет считать каждый выстрел, целиться дольше, а рана от укуса медведя в его правом плече, как нельзя кстати, снизит точность выстрелов.

Разумеется, парень снова спрятался в камуфляже, а значит, все приходилось начинать сначала. Лисидия приказала летучей мыши испустить ультразвуковые волны, чтобы исследовать коридор, по которому должен был пройти дайгонец. Отраженный от предметов звук не давал четкой картинки, и это было большим преимуществом против дайгонского камуфляжа. Нужно было не искать дайгонца, а найти новый предмет, который появился в комнате. Думать об этом предмете, как о табурете или комодe, который двигается сам по себе. Лисидия приказала летучей мыши не открывать глаза и, ориентируясь лишь на звук, разломать на доски странную непослушную мебель, только что появившуюся в коридоре.

— В неравном бою с двухголовой летучей мышью, — продолжила Лисидия, — сын фермера упал на пол, из его сумки вывалился кусок хлеба. Летучая мышь свесилась с потолка, и одна из ее голов спросила: «Неужели это хлеб?». Вторая голова тут же ответила: «Нет, не может быть». Обе головы сказали разом: «Мы пощадим тебя и отпустим, если ты дашь нам два куска хлеба, это лакомство нам очень нравится». Сын фермера понял, что ему не победить летучую мышь, ведь она летает очень быстро и хорошо видит в темноте башни. Тогда он решил использовать хитрость. Он отдал хлеб летучей мыши, но не разломил его. Две головы принялись спорить, какой из них достанется хлеб, в этот момент сын фермера подпрыгнул и отсек одну из голов летучей мыши. Видя это, вторая голова, не выдержав потери своей второй половинки, тут же умерла от горя.

Поднявшись на третий этаж башни дракона, сын фермера угодил в липкую и прочную паутину. Он махал мечом и медленно пробирался вперед, пока не встретил паука. Сражаться с пауком было невозможно, ведь сына фермера паутина покрыла с ног до головы — с трудом он мог двигаться.

Как и говорилось в сказке, летучая мышь пала, не без труда, но мальчишка справился.

Лисидия через крышу взглянула на паука и тут же поместила в него свое сознание. Паутина, покрывающая почти весь третий этаж, вышла что надо: по всем правилам. Она состояла из толстых нитей, способных задержать антилопу, и тонких нитей, незаметных, которые легко рвались, стоило их коснуться, при этом сообщая пауку, с какой стороны ждать гостей.

Кто-то пробирался по главному холлу третьего этажа. Медленно, постоянно останавливаясь, вторженец либо ожидал опасности со всех сторон, либо окончательно выбился из сил в предыдущих схватках.

Без магии лесные животные редко использовали атаки дальнего боя, хотя эффективность таких атак была очевидна. Лисидия видела и рыб, плюющих водой, и рептилий, высывающих языки вперед на длину своего тела, и даже животных с руками подобными человеческим, кидающихся камнями и палками. Что касается пауков, некоторые их виды могли плевать паутиной, но при этом способность ткать сети у них пропадала. Должно быть, паутина для сетей и для плевков была совершенно разной по химическому составу. А возможно, иметь обе эти способности сразу было бы для паука слишком большой «наглостью». Такой паук был бы чересчур эффективен в истреблении своих жертв и вскоре оставил бы сам себя без еды.

Сейчас же Лисидии нужен был именно такой «наглый» паук. Она развернула своего восьмилапого питомца округлым брюхом в ту сторону, где порвались мелкие нити, запечатала выходное отверстие для паутины. Мысленно она приказала выпустить паутину, отчего брюхо принялось неестественно раздуваться. Затем она распечатала выходное отверстие, струя паутины выстрелила на несколько метров, и осела на чем-то невидимом.

Лисидия приказала пауку ударить лапой, длинной и прочной, покрытой мелкими шипами, в то место, где в воздухе висел сгусток паутины. Один удар, другой, на третий удар мальчишка вышел из камуфляжа и поймал лапу рукой. Он поднял пистолет и выстрелил в сочленение — с хрустом лапа оторвалась от паука и осталась в руке мальчишки. Еще несколько выстрелов продырявили брюхо, выпустив наружу желтые бесформенные внутренности.

«Ты ведь был на том сборище за городом, тебя почти убедили напасть на регента, — подумала Лисидия. — Твой отец боится меня, и от тебя я жду того же».

Она заставила паука отступить и восстановила некоторые органы, чтобы можно было продолжить сражение. Без камуфляжа дайговец уже не был таким опасным, преимущество внезапной атаки теперь переходило на сторону паука. Лисидия мысленно указала на темный угол над головой мальчишки, который все пытался содрать с рук липкую белую массу. Оказавшись сверху, паук одним точным ударом длинной шипастой лапы выбил пистолет из руки мальчишки, схватил его и потянул к себе.

«Не стоило ли быть с ним помягче, так он до конца не дотянет? — подумала Лисидия. — О, смотри-ка, выкрутился, молодец».

Кобольды уже слышали звуки борьбы, проходящей под крышей на третьем этаже оружейного дома. Они крутили головами, поглядывая на разломанный медведем люк и друг на друга; кто же явится оттуда и будут ли они после этого в порядке — эти мысли явно не давали им покоя.

Лисидия демонстративно откашлялась, привлекая всеобщее внимание, кобольды замерли, уставившись на нее, и она продолжила:

— Сын фермера сразу решил схитрить: он вытащил кольчугу из заплечного мешка. «Я

ведь тоже могу ткать паутину, да получше твоей, — сказал мальчишка. — Попробуй порви». Он отдал кольчугу пауку. Тот попытался порвать кольчугу зубами и лапами, долго пытался, но так и не смог, только все зубы обломал. Пока паук был занят, мальчишка взобрался ему на спину и принялся душить мечом, которым и горло не перерезать. Через некоторое время паук упал на пол замертво, и сын фермера поднялся на крышу башни, где его ждал дракон во всем своем величии.

Лисидия замолчала, кто-то поднимался по стальной лестнице на крышу, кобольды обернулись в сторону открытого люка. Она коснулась одной из магических монет, сотворив перед собой невидимую воздушную преграду.

На крышу вылез израненный дайгонский парень, весь в грязи и паутине, белая когда-то рубаха превратилась в лоскуты, рукава были пропитаны кровью. В руке он сжимал рельсовый пистолет. Парень с видимыми усилиями встал на ноги и наставил оружие на Лисидию.

Кенрон осмотрел крышу, руки его тряслись, в пистолете почти не осталось патронов. Волшебница играла с ним в какую-то безумную игру. Ему пришлось сражаться с кровожадными существами, которых и в лесу-то не встретить, и он не собирался спускаться ей это с рук.

— Верни мне родителей! — выкрикнул Кенрон.

— Сказал парень, увидев дракона и наставил на него ржавый меч, — произнесла Лисидия. — Дракон ответил ему со своей обычной грацией и величием: «Разве тебе не говорили, что ты не получишь их, убив меня? Чтобы вернуть родителей тебе нужно признать меня частью своей семьи и ответить за то, что ты сделал с моими друзьями».

Тем временем Кенрон успел осмотреть крышу оружейного дома, он увидел лишь группу кобольдов, сидящих между ним и Лисидией, здесь не было и следа его родителей. И все же он был уверен, что их исчезновение было напрямую связано с зеннатской женщиной по имени Лисидия, что стояла сейчас перед ним.

— Где они, говори! — потребовал Кенрон, он не опускал пистолет, но это, кажется, ее вовсе не пугало.

— Твои родители не хотели иметь детей, — произнесла Лисидия более низким тоном, чем говорила до этого, — но узрев мое величие они решили зачать ребенка, чтобы и он мог насладиться видом прекрасного дракона. Я был причиной твоего появления на свет.

— Ты похитила их! — крикнул Кенрон. — Где они?

— Ты поверил завистливому вору, который оклеветал меня, — продолжила Лисидия низким тоном. — Твои родители сами пригласили меня к себе чтобы еще раз взглянуть на мое величие, и принесли мне дары. Они жить не могут, зная, что больше не увидят моего величия и красоты. Что же ты сделал, сын фермера? Вторгся ко мне в башню, убил животных, которые были моими друзьями и смотрели на меня без зависти. За это тебе придется ответить. Возвращайся в свой город и убей тех завистливых горожан, которые отправили тебя ко мне. Как только разбойник, кузнец и пекарь умрут, я прощу твою дерзость и найду твоих родителей, где бы они ни были.

— Хватит этой бессмыслицы!

Кенрон выстрелил трижды, пули зависли в воздухе недалеко от тела Лисидии. Она с видимым любопытством осмотрела крутящиеся в воздухе куски металла.

— Левое предплечье, левая кисть руки, правое бедро, а ты решил быть со мной помягче,

дайгонский парень, ни одного выстрела в жизненно важные органы. Вот только не обо мне нужно было беспокоиться.

Пули крутились в воздухе все быстрее и быстрее, затем метнулись в сторону Кенрона, пробили его рубаху и сбили его с ног. Кенрон упал, выронив пистолет, по белой ткани начала расплываться кровь.

— И вот, как поступил сын фермеров, — сказала Лисидия, — он замахнулся ржавым мечом, надеясь одержать победу. Дракон лишь расправил прекрасные искрящиеся на солнце крылья, сын фермера узрел всю красоту дракона и упал наземь от разрыва сердца. То, что породило сына фермера, в итоге, и убило его. Конец.

Некоторое время кобольды, которые были назначены слушателями, молча сидели и смотрели на Лисидию, выпучив глаза. Спустя минуту полной тишины один из них поднял руку.

— У меня вопрос, — сказал он.

— Какой?

— А все же, где были родители того парня?

Лисидия осмотрела крышу здания — вокруг не было никого кроме нее, кобольдов и истекающего кровью дайгонского парня. Находился ли рядом с ней кто-то еще, кого она не могла видеть, здесь в Дайгоне такой вопрос себе задавать приходилось постоянно.

— Даже не знаю, где бы они могли быть — сказала Лисидия, разводя руками. — Но они любят дракона так сильно, что и впредь будут подносить ему дары, несмотря на то, что случилось с их сыном.

Утро дня, когда в Оружейном Доме произошли убийства, началось для Кенрона вполне заурядно.

Он застал отца и мать в прихожей, облаченных в городскую одежду. В такой на охоту не ходят — порвется при первой же встрече с магической тварью, да и защиты от нее никакой, один лишь красивый внешний вид. Если не на охоту, то куда они собрались, задался вопросом Кенрон.

— Вернемся к полудню, — сказала Алина. — Обедать будем вместе.

— Куда вы в такую рань собрались? — зевая, спросил Кенрон. — Отправьте кобольда, вам незачем ходить.

— Нужно кое с кем встретиться, — сказал Дарлид, — только это не твоего ума дело.

Кенрон пожал плечами, родителям, конечно, виднее. Ему казалось удивительным то, что самые богатые люди города вынуждены отправляться куда-то рано утром. По разумению Кенрона, это всем остальным стоило выстраиваться в очередь перед их домом, если им хотелось пообщаться с самыми успешными охотниками на магических тварей Дарлидом и Алиной Амелотами.

— И присмотри за Лаубером, — сказала Алина. — Пусть играет на полу, а не кушетке, а то еще свалится.

Не то, чтобы Кенрону не хотелось приглядеть за братом, но он не сомневался, есть те, кто сделают это лучше него. А он сам тем временем, мог бы заняться чем-то более продуктивным. К примеру, навести справки, где сейчас находится Ирман и есть хоть небольшой шанс, что он в ближайшее время разберется с семейными проблемами и сможет составить кампанию Кенрону в намеченном путешествии в другую страну.

— Почему мы не найдем кобольда? — спросил Кенрон. — Говорят, они отлично приглядывают за детьми.

— Все они прислужники Зенната, — процедил Дарлид. — Будут шпионить за нами и могут сделать что-то против нас, если их попросят.

Раньше за Кенроном присматривала престарелая Кселли Кобе, она и сейчас жила по соседству с их домом. Кенрон не помнил, как с ним сидела Кобе, ничего хорошего или плохого не отложилось в его памяти. Наверное, он спал дни напролет, как это делал сейчас Лаубер или возился с игрушками. В любом случае, под присмотром Кобе и родителей он дожил до самостоятельного возраста, значит, сидеть с детьми она все же умела. К тому же она приходилась дальней родственницей его отцу, это что-то да значило.

— А как же Кобе? — спросил Кенрон. — Она присматривала за мной и ничего плохого не случилось.

— Она подсела на азартные игры, — твердо произнес Дарлид. — Возьмет деньги у кого угодно. И у зеннатцев и у радикальных дайгонцев. Сделает ради них любую пакость. Нам такие в доме не нужны.

— Всегда можно найти кого-то еще, — не унимался Кенрон.

— Надежный человек нам не по карману, — заверила Алина.

— Вы же лучшие охотники в городе, — напомнил Кенрон, — у кого есть деньги, если не у вас? Не знаю, на что вы там копите, но можно подсократить эти расходы.

— Мы сами разберемся, кого нанимать, а кого нет, — отрезал Дарлид.

На этом разговор и закончился. Родители скрылись за дверью, оставив Кенрона приглядывать за Лаубером. Вскоре на улице застучал утренний дождь. Лаубер проснулся, выбрался из кровати и принялся елозить разноцветными кубиками по ковру. Глядя то на него, то на ливень за окном, от безделья Кенрон принялся размышлял о планах покинуть страну.

Пока у него возникли и проблемы, и продвижения. Оррин к сожалению, забрал Ирмана и исчез в неизвестном направлении. Сам Ирман говорил, что стоит сперва решить все личные проблемы, а потом уже отправляться в путь. Похоже, проблемы в его семье оказались весьма крупными и решение их займет много времени. Кенрон пытался помочь, но из этого ничего не вышло. Конечно, Ирман знал своего отца куда как лучше и именно ему стоило пытаться утихомирить Оррина.

Кенрон решил сосредоточиться на исполнении своей задумки. Пока он еще не понял, как именно попасть в воздушную гавань. Он часто изучал это место, рано или поздно что-то должно придет в голову. Если Ирман сможет вернуться ко времени отбытия это будет замечательно. Если нет, они отправятся вместе за границу в другой раз. Кенрону удалось получить знания от зеннатцев, коснувшись их волшебного шара. Он выяснил многое о природных явлениях, которые раньше не понимал до конца. Его переполняли знания по точным наукам и человеческой и кобольдской анатомии. Все эти сведения наверняка облегчат его путешествия, хотя, он и не знал, в какие именно ситуации ему предстоит угодить.

Кенрон представлял, как пробыв несколько лет в другой стране, сможет вернуться и рассказать всем, что видел. К тому времени Лаубер подрастет достаточно, чтобы заинтересоваться его рассказом. А сейчас он спит, ест, возится со своими игрушками и почти не разговаривает.

Во дворе раздался звонок колокольчика. Кенрон вскочил со стула, в надежде, что родители вернулись и его работа сиделки, наконец, закончилась. Однако, он сразу же понял, что у отца и матери, разумеется, есть ключ и от калитки, и от входной двери. Накинув плащ он отправился выяснять, кого принесло к их порогу в такую непогоду.

За дверью стояла Нанса, в потрепанной и местами дырявой накидке. Кенрон часто предлагал ей свои вещи в замен ее износившихся, на что она всегда отвечала отказом, говоря, что постоянные напоминания о ее бедности заставляют ее искать все новые способы заработка. Кенрон решил, что в этот раз не отпустит ее, пока не всучит ей самый лучший плащ, который у них только найдется, под любым предлогом.

— Сегодня всем не сидится в тепле, — сказал он и указал в сторону дома.

Оказавшись под крышей, Нанса вытащила из сумки небольшую деревянную коробку.

— Это твоему отцу за то, что он оплатил мое обучение, — сказала она.

— Он самый богатый охотник в стране, — напомнил Кенрон. — Добывает опасных и дорогих магических тварей. Навряд ли ты удивишь его чем-то, купленным в кобольдской лавке.

Кенрон приглядится к неказистой на первый взгляд коробке, а затем обнюхал ее. Пахло рыбой и чем-то резким и едким.

— К слову отец не ест ни рыбы, ни мяса, — сказал Кенрон. — Говорит, что от его рук и так гибнет множество животных.

— Это не столько подарок, сколько полезный совет.

— Родители куда-то ушли, они обещали вернуться несколько часов назад.

— Не возражаешь, если я подожду?

Кенрон не возражал, более того, ему в голову пришла отличная идея.

— Почему бы тебе не заделаться в няньки? — спросил он. — Вот тебе и работа, в которой камуфляж не нужен.

— Мне это не подходит, — отмахнулась Нанса. — Обычно в сиделки нанимают кобольдов, они делают это почти даром. Я не могу работать за те же деньги ни не помереть от голода.

— Мы заплатим тебе достойную цену.

— И что я буду делать, когда ваш Лаубер вырастет? Опять останусь без работы. Всегда нужно думать наперед.

Нанса тем не менее уселась рядом с Лаубером и принялась помогать ему возводить крепость из деревянных кубиков. Часы проходили один за другим, дождь за окном перестал моросить.

К одному странному обстоятельству добавилось другое. Мало того, что одни из самых богатых жителей Керфена отправились куда-то с самого утра в скверную погоду, так они еще и не вернулись к обещанному часу.

Раздался звон колокольчика во дворе. Уже издали Кенрон узнал фигуру высокого плечистого человека, стоящего за дверью калитки. Кселли Кобе, его бывшая воспитательница гордо показывала всем ее встречавшим, что не каждого человека старость сумеет ужать и скрючить. Ее лицо землистого цвета покрывали глубокие морщины, при этом, как и Дарлид, высотой Кобе достигала метров двух. Седые волосы она заплетала в две косы, как у молодых девчонок. Правую руку Кобе заменял деревянный протез, выполненный из расщепленной до половины доски, размером с ладонь.

Кенрон в этот раз не ждал, что увидит родителей, однако, они вполне могли передать через Кобе весточку о том, почему так надолго задержались или же они оставили ей какие-то инструкции. Кенрон обрадовался, увидев свою бывшую сиделку, пусть отец и не слишком хорошо о ней отзывался всего несколько часов назад.

— Родителей нет дома, — сказал Кенрон. — Собирались давно вернуться, но что-то их задержало.

— Или кто-то, — сказала Кобе, — не пригласишь в дом?

Кенрон указал ей на распахнутую входную дверь, к которой Кобе немедленно и направилась, широко шагая через двор.

— Было бы здорово, если бы вы посидели с Лаубером, но отец против, — сказал Кенрон. — Поговорите с ним, когда вернется.

— Сейчас я хочу поговорить с тобой, — сказала Кобе, оказавшись в прихожей. — У твоих родителей могут быть проблемы, и ты один способен им помочь.

— Откуда вы знаете? — изумился Кенрон.

— Соседи должны многое знать друг о друге. К тому же до недавнего времени я была у них на хорошем счету.

Кобе заметила Нансу, играющую с Лаубером на полу гостиной.

— Я собираюсь рассказать кое-что тайное о твоих родителях. Не знаю, стоит ли твоей подружке здесь находиться.

— Она друг семьи, — заверил Кенрон.

Нанса подошла к Кобе и поклонилась, Кенрон представил их друг другу.

— Если есть способ помочь Дарлиду, я хочу его знать, — сказала Нанса.

— С этим делом тебе не справиться, — заверила Кобе и обратилась к Кенрону. — Твои родители пошли на встречу с ведьмой. Раз они еще не вернулись, в этом виновата она. Чем-то они ей не угодили.

— Что еще за ведьма? — изумился Кенрон. — Это странная старуха из кобольдских сказок?

— Она зеннатка, а ее возраст мне не известен, — сказала Кобе. — Хотя, выглядит она молодо вот уже многие десятки лет.

— Я слышала, ведьмы жили когда-то и в Дайгоне, — сказала Нанса.

— Да, когда от них еще был прок, — кивнула Кобе. — В старину, еще до пришествия Зенната, дайгонцы были лишь десятком племен, живущих в лесу. Они уже тогда владели камуфляжем и добывали магических зверей, однако, продавать их было некому. Магия сохранялась в туше всего несколько дней, пока не начиналось гниение. Это время нужно было использовать с толком. Тех, кто применял магию добытых животных называли ведьмами и колдунами. Теперь в этих занятиях нет толку, куда выгоднее продать волшебную тушу Зеннату, получить деньги и заплатить их кобольдам, чтобы те сделали все, что нужно.

— Зато ведьмы есть в Зеннате, — сказала Нанса. — Они пользуются той магией, которую мы им добываем.

— Именно так, — сказала Кобе. — И одна такая зеннатская ведьма живет здесь в Керфене. Она охраняет главу города, который тоже из ихних. Надо же такому случиться, зеннатцы построили целый город на нашей территории, мы в нем живем по их правилам и даже вопросов не задаем. А правила их могут поменяться в любую минуту. Вот, как сегодня.

— Вы считаете, что эта ведьма позвала моих родителей на встречу? — спросил Кенрон. — Зачем им соглашаться на это?

— Твои родители что-то у нее покупают, — сказала Кобе. — Это началось давно и продолжается до сих пор. Они ходят на встречу с ней каждый месяц. Обычно это длится не больше часа, но сегодня что-то пошло не так. Ведьма отлично владеет магией, мы дайгонцы ей не соперники. Если дойдет до драки, даже у лучших охотников нет шансов.

— Раньше все было нормально, значит и сегодня обойдется, — сказал Кенрон.

— Помнишь, что произошло за городом? — спросила Кобе. — Оррин собрал ребят, и они хотели напасть на зеннатского регента. А эта ведьма — его телохранитель, ей такое не понравилось.

— Вот пусть она и разбирается с Оррином, — сказал Кенрон.

— Кто сказал, что уже не разобралась? — хитро прищурившись, спросила Кобе. — Он обещал уйти, когда закончит все дела в Керфене. Продаст дом, соберет долги. Однако, никто в городе его не видел.

— Но мы же были против его замыслов, — напомнил Кенрон. — Я лично дал им отпор, все это видели.

— Похоже, ты колебался слишком долго, — сказала Кобе. — Если бы сразу отказал Оррину, зеннатцы убедились бы в твоей верности. Но ты стал его выслушивать.

— Если ведьма и вправду обиделась на меня за мою нерешительность, — сказал Кенрон, — я встречусь с ней скажу, что не имею ничего против Зенната. Тогда она отпустит родителей.

— Тебе нужно знать место их встречи, — сказала Кобе.

— Наверняка в регентстве, самом крупном зеннатском здании, — предположил Кенрон.

— Нет. — Кобе покачала головой. — С утра я видела, что твои родители пошли в

другую сторону. Наверняка встреча состоится рядом с Оружейным Домом. Тебе стоит отправиться туда и лучше оказаться там до темноты, иначе можешь упустить что-то важное.

Неожиданно Кенрону пришла в голову странная мысль. Уж слишком удачно все складывалось, откуда ни возьмись к нему явилась Кселли Кобе и в деталях объяснила, куда подевались его родители. Правду она говорила, или нет, еще предстояло выяснить, но сам факт ее столь своевременного прихода вызывал вопросы.

— Почему вы пришли именно сейчас, — спросил Кенрон — и рассказываете мне все это?

— Все же врать я не умею, напрасно они дали мне такое сложное задание, — пробормотала Кобе.

— Кто дал? — изумился Кенрон. — О чем вы?

— Понимаешь, мне нужны деньги для моих... потребностей, — сказала Кобе. — Охотой мне уже себя не развлечь, остаются только казино, да кабаки. Я искала подработку, а в Керфене с этим туго, тут все делают кобольды. Зеннатцы хотят, чтобы мы дайгонцы охотились и приносили им добычу, а мне с деревянной рукой это уже не под силу. Зеннатцы все же нашли мне занятие. Следить за соседями, то есть за вами.

— Потому мой отец и не приглашает вас в дом присматривать за Лаубером.

— Может, это и к лучшему, — сказала Кобе. — Зеннатцы неплохо платят, а сегодня явился кобольд и сказал, чтобы я передала тебе, что твоих родителей похитили. Мне нужно было сделать это как-то естественно. Но мороки слишком много, расскажу, как есть, я же друг семьи. Или была когда-то.

— Что сказал этот кобольд? — спросила Нанса, Кенрона так потрясло откровением Кобе, что не мог произнести и слова.

— По словам того кобольда Дарлид и Алина не вернутся, если их сын не явится за ними вечером к оружейному дому. Их удерживает ведьма Лисидия.

— Значит, вы им помогаете, — с досадой произнес Кенрон.

— Твои родители постоянно ходят к этой ведьме уж не знаю, зачем, — сказала Кобе. — При этом они утверждают, что не работают на Зеннат и вообще сами по себе. Они должны были понимать, что когда-то эта связь с ведьмой для них плохо закончится. А я лишь передаю, что мне сказали.

— Почему Зеннат ополчился против нашей семьи? — спросил Кенрон. — Мы ведь не лезем в чужие дела. Родители охотятся, приносят им добычу и ни в каких заговорах не участвуют!

— Твоя семья отнюдь не обычные дайгонцы, — сказала Кобе. — Они с еще одним типом составляли команду, которая победила на охотничьем турнире. Любой из них мог стать правителем Дайгона. У родителей уже водились связи, народ поддержал бы любого из них, но они решили сделать правителем третьего никому не известного члена их команды. Его звали Эвиан, хотя, тогда мало кто слышал его имя, ему дали прозвище Костяной Меч за странный выбор оружия. Сейчас этот Эвиан правитель Дайгона обо всем договаривается с Зеннатом. Он разрешил им построить этот город на дайгонской земле и вводить в нем свои законы. Кто-то считает это слабостью. Охотники слушают того, кто лучший в этом деле. Твои отец и мать определенно одни из лучших, ничем не хуже этого Эвиана. Их считают фигурами влияния, хотят они того или нет.

— Пусть мы и не как все, — сказал Кенрон. — Но никто из нас не поддержал Оррина Глэра.

— Твои родители заявляют, что не поддерживают Зеннат и не поддерживают Оррина с бунтарями, — сказала Кобе. — Вот только это выходит им боком. Теперь обе эти группы пытаются навредить вашей семье, взять вас под контроль, а то и вовсе уничтожить. Уж лучше вы бы выбрали одну из сторон. Особенно это касается тебя, их будущего наследника.

Кенрон отчетливо представил себе, как для него может выглядеть присоединение к одной из сторон конфликта. Всего за один день он увидел и тех и других в весьма неприглядном свете. Оррин и его дружки похитили кобольда Венни и держали его в заложниках. А незадолго до этого зеннатские законники устроили казнь провинившегося дайгонца прямо посреди города.

— Не хочу убивать кобольдов или казнить дайгонцев, которые не туда залезли, — сказал Кенрон. — Есть и другой вариант.

— Конечно есть, — кивнула Кобе. — Не хотите присоединиться, так закончите этот конфликт.

— Я лично заставил Оррина Глэра уйти из города, — напомнил Кенрон.

— Наивный ребенок. — Лицо Кобе расплылось в улыбке. — Очевидно, Оррина этот вариант устраивает, ведь он сам это предложил. Борьба не закончится, пока живы лидеры враждующих группировок. Либо умрет Оррин Глэр и Нэфис Надэм, либо регент Барглис и ведьма Лисидия. Или же их вражда продолжится, и они уничтожат вашу семью, пока вы играете в нейтралитет.

— Я приду к ведьме и скажу, что не собираюсь помогать Оррину, — заявил Кенрон. — Тогда она отпустит родителей. А затем я скроюсь там, где никто меня не найдет.

— Для этого тебе придется сбежать из Дайгона, — усмехнулась Кобе. — А это еще никому не удавалось.

— Рано или поздно у кого-то выйдет.

— Я думаю, ведьма заготовила для тебя что-то покосное, — сказала Кобе. — Может, если останешься здесь, они сочтут тебя трусом, недостойным внимания и отпустят родителей.

— Если это все, что вам приказали передать, вам стоит уйти, — сказал Кенрон.

— Я не собиралась тебя оскорбить. — Кобе поднялась с дивана и направилась к выходу. — Иногда это отличная идея прикинуться глупым или трусливым, кто знает, может, тогда от тебя отстанут.

Она вышла за дверь и уже с улицы крикнула:

— Если станешь главой семьи, не забудь, что я все рассказала тебе, как на духу!

Кенрон закрыл дверь калитки за Кобе, чувствуя глубокое разочарование от того, что старуха предала его семью. Сколько себя помнил, он считал соседку полноправным членом семьи, мало того, что она приглядывала за ним еще до рождения Лаубера, так еще и не забывала заходить к ним на обед или ужин хотя бы раз в неделю. А сейчас выяснилось, что она взяла деньги у врага, который что-то сделал с его родителями. По просьбе этого врага она доставила сообщение, видимо, для того, чтобы Кенрон не сомневался в его правдивости. Он стиснул зубы, понимая, что, если даже Кобе удалось купить, настоящих друзей у их семьи осталось совсем немного, да что там, их могло не быть вовсе.

— Что же ты собираешься сделать? — спросила Нанса, когда он вернулся в дом. — Может, лучше подождать и все само разрешится?

— Да, только в чью пользу? — сказал Кенрон. — Пока я ничего не делаю кто-то добивается успехов и не обязательно это на руку моей семье. Я отправлюсь туда чтобы

разузнать, что там происходит и нужна ли моя помощь.

— Ты веришь этой старухе?

— Навряд ли враг расскажет нам свои планы, — сказал Кенрон. — Наверняка даже Кобе не знает всей правды. Но делать что-то все равно нужно, сидеть дома я не собираюсь.

— Может, стоит кому-то рассказать?

Кенрон покачал головой.

— Все правоохранители служат Зеннату. А среди дайгонцев полно друзей Оррина Глэра, которые только порадуются, если с Дарлидом что-то случится.

— Тогда я не представляю, что мы можем сделать, — сказала Нанса. — Похоже, даже взрослым с этой ведьмой ничего не поделаться.

— До темноты еще есть время, — сказал Кенрон. — Вот бы узнать, как именно родители связаны с ней. Что они у нее покупали. Вообще все, что рассказала Кобе стоит проверить.

— Как же это сделать? — спросила Нанса.

— Я собираюсь забраться в кабинет отца и поискать там что-то полезное, — сказал Кенрон. — Если он с матерью уже встречался с ведьмой, там могут лежать какие-то подсказки, как правильно иметь с ней дело. Правда, отец закрыл свою комнату на ключ, придется что-то с этим сделать.

— Оставил бы ты в покое личные вещи отца, — сказала Нанса. — То, что его нет дома не значит, что ты можешь вламываться к нему в кабинет.

— Я думал, ты захочешь помочь моим родителям.

— Я и помогаю, защищая их имущество от чрезмерно любопытного сына.

— Присмотри за Лаубером, я сам все сделаю.

— Ты куда?

— Окно кабинета отца можно открыть ножом, — сказал Кенрон. — Я уже это проделывал, когда искал карту, чтобы пойти к озеру. Попроюсь туда по внешней стене дома.

Окно в коридоре на втором этаже легко распахнулось. Кенрон засунул нож за пояс, перелез через подоконник и встал на декоративную балку, опоясывающую весь дом, разделяя первый и второй этажи. Узкая балка все еще не высохла после дождя, что шел утром. Мелкими шажками Кенрон двинулся вдоль стены, он цеплялся кончиками пальцев за выступы балок. Он обогнул угол здания, в этот момент рука соскользнула с мокрых досок, Кенрон крепче ухватился второй рукой и с трудом удержался.

Пробормотав ругательства, он взглянул вниз: дом окольцовывал декоративный деревянный забор из заостренных досок — падение с высоты грозило серьезными травмами. Заостренная доска вполне могла пробить тело, словно стрела. Мелкими шажками он добрался до окна кабинета отца и вытащил нож из-за пояса. В этот момент с мокрой доски соскользнула нога. Нож выскользнул из пальцев и ухнул вниз, скрывшись в кустах сирени рядом с забором.

Кенрон повис в воздухе, ухватившись за нижнюю часть оконной рамы одной рукой. Ему удалось уцепиться за подоконник второй рукой, вот только нож, которым он собирался открыть окно, упал вниз. Кенрон не знал, хватит ли у него сил залезть обратно на балку и вернуться по стене к окну коридора — пальцы рук начинали неметь, скоро они и вовсе перестанут слушаться. Он мог спрыгнуть вниз, оттолкнувшись от стены, чтобы избежать падения на забор. Возможно, он вывихнет или сломает ногу, упав на каменистую дорогу, но это все же лучше, чем пропороть бок, упав на острые деревянные клинья. Правда в таком

случае о поисках родителей стоило забыть.

Кенрон чувствовал, что пальцы рук немеют, нужно было решать: прыгает он или будет пытаться обратным путем вернуться по стене дома. В этот момент окно кабинета отца распахнулось, Кенрон смотрел на раскрывшиеся над головой оконные створки в полном недоумении. В темноте отцовского кабинета его кто-то ждал.

Чья-то рука схватила Кенрона за запястье и потянула вверх к раскрытому окну отцовского кабинета. Человеку явно не хватало сил, чтобы втолкнуть его внутрь, Кенрон ясно понял, что спастись от падения на заостренные колья забора снизу он должен сам, ему помогут лишь немного. Кенрон ухватился свободной рукой за ставню, уперся ногами в стену дома, подтянулся, используя все четыре конечности и ввалился в окно отцовского кабинета.

Он приземлился на ноги и тут же увидел, что выручившим его человеком оказалась никто иная, как его подруга Нанса. Дверь отцовского кабинета, еще недавно запертая на замок, сейчас была раскрыта настежь.

— Я подумала, что у тебя могут возникнуть проблемы и решила помочь.

— Я бы справился, если бы стена успела высохнуть после дождя, — заверил Кенрон. — Спасибо, ты подросла вовремя. Как тебе удалось открыть замок на двери?

Нанса указала на деревянную коробку, которую принесла с собой, тот самый подарок для Дарлида. Сейчас с раскрытой крышкой коробка стояла на отцовском столе. Кенрон заглянул внутрь и не увидел ничего, кроме множества крупных рыбьих костей. Он взял одну из них и покрутил в пальцах, тонкая кость почему-то была неестественно твердой и прямой, как игла.

— Сварила их с травами и придала нужную форму, — сказала Нанса. — Теперь ими можно открыть любой замок в Керфене. Об этом я и хотела предупредить твоего отца, не стоит доверять зеннатским технологиям. По крайней мере тем, которые они нам сейчас продают.

— Весьма наглядная демонстрация, — сказал Кенрон, разглядывая раскрытую дверь, он подергал ручку ящика стола. — И этот сможешь раскрыть?

— Стоит ли? — засомневалась Нанса.

— Конечно, — отозвался Кенрон. — Ты же не думаешь, что эта зеннатская ведьма расскажет нам всю правду. Прежде, чем что-то делать, нужно проверить все, что мы узнали от Кобе.

Нанса пожала плечами достала несколько рыбьих костей из коробки и принялась ковыряться ими в замочной скважине ящика стола. Вскоре в замке что-то щелкнуло и Нанса отошла в сторону.

Кенрон выдвинул ящик, внутри оказалась стопка топографических карт, письменные принадлежности и стальная шкатулка, запертая на замок. Кенрон вытащил шкатулку и поставил на стол.

— Если отец все еще хранит переписку с зеннатцами, она должна быть тут.

— Даже не представляю, как ты уснул, зная, что в доме есть какие-то секреты.

Нанса встала так, чтобы ее тень не падала на замок, взяла из деревянной коробки две прямые рыбьи кости и засунула их в отверстие для ключа. Одна из костей тут же сломалась — девушка вытащила обломок и засунула в скважину другую кость.

— Какой упрямый, — пробормотала она, — прямо как ты.

Вскоре Нанса открыла шкатулку и тут же захлопнула ее. Лишь мельком Кенрон успел увидеть, что лежало внутри: высокая пачка небольших записок и предмет, который Кенрон раньше не видел, но узнал о его существовании вскоре после того, как коснулся магического шара в школе мастера Венни.

Предмет, который встревожил Нансу, был рельсовым пистолетом. Этим оружием награждали дайгонцев за преданность Зеннату и многолетнюю успешную охоту. Пистолет предназначался для самообороны во время охоты, для самой охоты он не подходил — выстрел мог случайно разрушить магический элемент внутри дикого зверя.

— Плохая была идея вламываться в этот кабинет. Ужасная, — воскликнула Нанса.

Кенрон потянулся к шкатулке — Нанса схватила ее со стола и прижала к груди.

— Я только бумаги достану, — пообещал Кенрон.

Под пристальным взглядом Нансы он засунул руку в шкатулку вытащил пачку листков и принялся их читать. То были послания от некоей Лисидии, она назначала встречу Дарлиду и Алине третьего числа каждого месяца. В ранних записках местом встречи обозначалось регентство, затем встречи перенесли к Оружейному Дому. Сегодня как раз третье число, быстро сообразил Кенрон.

— Пока все сходится, ведьма Лисидия каждый месяц в это время встречалась с родителями, — сказал он. — Они возвращались так быстро, что я и внимания не обращал. Но сегодня что-то пошло не так.

— Из-за того, что недавно отец Ирмана собрался напасть на зеннатцев, и ты решил влезть в это дело, — напомнила Нанса.

— Я спас того несчастного кобольда, которого они похитили, — сказал Кенрон, а затем добавил. — Отдай мне пистолет.

— Это еще зачем? — встревожилась Нанса.

— Если мне придется иметь дело с ведьмой, хочу знать, что есть под рукой, — сказал Кенрон.

— Как же я ошиблась, открывая все эти замки! — воскликнула Нанса и отшатнулась от Кенрона, не выпуская из рук шкатулку. — Надо было оставить тебя висеть снаружи дома, а рыбы кости отдать какой-нибудь лесной твари на съедение.

— Мой отец доверял мне кинжал, метательные ножи и мечи, он позволял охотиться самостоятельно, — напомнил Кенрон. — Не знаю, почему он не доверил бы мне эту зеннатскую штуковину.

Нанса стиснула зубы, после некоторых колебаний она все же протянула шкатулку Кенрону, тот аккуратно принял ее и самодовольно улыбнулся, словно вышел победителем из нелегкого сражения.

— Быстро же ты передумала, — сказал он.

— Замки вскрыты, мне их уже не запереть, — сказала Нанса. — Теперь ты должен хранить это оружие, пока отец не вернется. Не позволяй Лауберу даже узнать о нем.

— Само собой, — кивнул Кенрон.

Раскрыв шкатулку, он вытащил рельсовый пистолет и взвесил его в руке, оружие оказалось не таким уж и тяжелым. Корпус был выполнен из черной стали с золотыми прожилками.

Пистолет стрелял небольшими стальными пулями, разгоняя их в стволе с помощью магии до скорости, в три раза превышающей скорость звука. Не то, чтобы Кенрон мог себе представить скорость звука, он лишь замечал, что во время грозы сразу видит молнию, а вот раскат грома слышался порой на десяток секунд позднее. В любом случае пуля могла нанести гораздо больший урон телу, в которое попадала, чем выпущенная из лука стрела.

У пистолета имелся небольшой рычажок — предохранитель, блокирующий возможность выстрела. Убедившись, что стрельба заблокирована, Кенрон засунул пистолет за пояс штанов сзади.

— Идем, испытаем его, — сказал он. — Я знаю подходящее место.

Кенрон схватил Нансу за руку и потянул за собой. Выйдя в коридор, девушка на мгновение остановилась, она приложила руку к груди и поклонилась пустому кабинету.

— Простите, господин Дарлид, я пыталась его вразумить, — сказала она.

Обувшись в прихожей, Кенрон вышел во двор и направился к длинному узкому строению на границе их участка. Строение — по сути длинный каменный коридор — изнутри было отделано деревянными досками, в дальнем конце коридора стояли в ряд несколько деревянных панелей, которые служили ловушкой для стрел. Выпущенная из лука стрела пролетала весь коридор и пробивала одну или несколько деревянных панелей, застревая в них, что наглядно показывало, с какой силой эту стрелу удалось запустить. Сейчас Кенрон понимал, что отец испытывал на импровизированном стрельбище не только луки и арбалеты.

Кенрон наставил рельсовый пистолет на панели в конце коридора и снял предохранитель. Нанса тут же отстранилась от него и закрыла лицо рукой. Кенрон нажал на спусковой крючок — звук сильного удара раздался из дальнего конца коридора, сам же рельсовый пистолет не издал и малейшего звука.

Подойдя к деревянным панелям, которые должны были останавливать стрелы, Кенрон принялся искать входное отверстие. Он целился в верхний левый угол и вскоре обнаружил в нем аккуратную круглую дыру. На выходе пуля разорвала доску, превратив немалый ее кусок в щепки. Подобную картину Кенрон обнаружил и на следующей деревянной панели, третья и четвертая панели не стали для пули серьезной преградой, в пятой же панели было не отверстие, а всего лишь вмятина.

Кенрон присел и пошарил рукой между досками — ему удалось найти не одну, а сразу три пули, все в отличном состоянии. Их можно было поместить в магазин пистолета и снова засадить в деревянные перегородки или в какую-то другую мишень. Изготовить такую пулю было проще, чем стрелу со стальным наконечником, отец даже не позаботился о том, чтобы подобрать все боеприпасы после тренировки.

— Неплохо, — сказал Кенрон, вернувшись к Нансе. — Обычно стрела застревает в первой же доске такой толщины.

Он щелкнул предохранителем, подбросил пистолет в воздух, поймал за ствол и протянул Нансе рукоятку вперед.

— Теперь ты попробуй, — предложил он.

— И зачем это мне? — удивилась девушка.

— Вдруг ты тоже ведьма, мы можем выяснить это здесь и сейчас.

— Я не умею использовать магию камуфляжа, какая из меня ведьма, — сказала Нанса, опустив взгляд.

Кенрона лишь рассмешила ее неуверенность в себе.

— Разве ты не слышала, что сказала старуха Кобе? — сказал он, улыбаясь. — Колдуны и ведьмы не охотились сами, они использовали магию животных, которую им приносили. И колдовали они лучше всех. Пистолет разгоняет пули с помощью магии. Если выстрелишь из него и пробьешь больше досок, чем я, значит, ты лучше используешь магию.

Чуть помедлив, Нанса взяла пистолет, ее рука слегка дрожала, но не от того, что она боялась притронуться к оружию. Правда, которая могла вскрыться, тревожила ее.

Она нацелила пистолет на деревянные панели, шло время, выстрела все не было.

— Может, мне лучше не знать, владею я магией хорошо или плохо? — сдавленным голосом проговорила она.

Кенрон подошел к ней и положил ладонь на руку Нансы, держащую пистолет. Он помог ей прицелиться в верхний правый угол деревянной панели и надавил на палец Нансы, лежащий на спусковом крючке. Раздался треск досок, точно такой же, как в тот раз, когда из пистолета выстрелил Кенрон.

— Можно не считать, четыре доски пробито, — воскликнул Кенрон и потрепал девушку за плечи. — Отлично вышло!

— Спасибо за помощь, но мы все делаем неправильно, — сказала Нанса. — Это оружие использует магию из сильнейшего источника. Ты был рядом, и этот пистолет использовал твою магию, а не мою, хоть я и была к нему ближе. Поэтому мы получили точно такой же результат, как при первом выстреле.

Кенрон отошел в сторону и сложил руки на груди.

— Прости, что помешал. Действуй.

Нанса какое-то время целилась в деревянные панели, но выстрела так и не произошло. Она села на корточки и обхватила колени руками. Широко раскрытыми глазами она смотрела прямо перед собой. Кенрон тут же подошел, сел рядом и обнял ее.

— Как можно бояться, когда у тебя в руках такое грозное оружие? — прошептал он.

— Что, если я не могу использовать природную магию? — спросила Нанса тихим дрожащим голосом. — Какое будущее ждет меня в Дайгоне? Что со мной будет через пять лет, через десять? Здесь ты либо охотник, либо никто.

— Я не знаю, что случится со мной через пару часов, — сказал Кенрон. — Чем больше мы знаем о настоящем, тем меньше нас будет расстраивать будущее. Если не хочешь — не стреляй. Но другого такого шанса может не быть. Я верну пистолет отцу, как только встречу его.

Нанса поднялась и нацелила пистолет на деревянные панели. Кенрон отошел от нее подальше. Она зажмурила глаза и надавила на спуск. В дальнем конце коридора раздался звук удара, словно камнем попали в деревянную доску, затем нечто стальное запрыгало по каменному полу. Первая доска не была пробита.

— Никакая я не ведьма, вот мы это и выяснили, — сказала Нанса. — Теперь нет смысла мечтать, что я буду сидеть в лачуге с ведьмовскими амулетами и раскладывать вокруг себя внутренности животных с остатками магии. Придется заняться чем-то другим, только и

всего.

Она вернула пистолет Кенрону.

— Прости, не знал, что так выйдет, — сказал он.

Нанса отмахнулась, мол, большое дело, стоило переживать. Кенрон хотел как-то подбодрить подругу, но не мог подобрать слов. На улице темнело, а родители все еще не вернулись. Если он собирался явиться к ведьме, настало время выдвигаться.

— Присмотри за Лаубером, — сказал он Нансе, та молча кивнула.

Выбежав на улицу, Кенрон остановил первую попавшуюся повозку и вскоре добрался до восточных ворот Керфена, прошел мимо кобольдов охранников и отправился по дороге к Оружейному Дому. На подходе к зданию он ощутил знакомый приятный запах и остановился. Это был запах духов, который он почувствовал на последнем письме от Лисидии к его родителям.

Кенрон огляделся: на поле перед Оружейным Домом никого не было. Где-то на этом огромном пустыре могла лежать вещь, которую обронила зеннатская ведьма, и это могло как-то помочь в переговорах с ней. Кенрон взглянул себе под ноги. В этот момент кто-то появился у него за спиной, Кенрон понял это по тени, которая добавилась к его собственной, и легкому шелесту травы.

Прежде чем Кенрон успел обернуться, человек, стоящий позади него, обнял его. Спиной сквозь тонкую ткань рубахи Кенрон ощутил прикосновение чего-то мягкого и округлого, после чего рука в белом рукаве легла ему на грудь.

— Мам? — спросил Кенрон и тут же почувствовал, что запах духов зеннатской ведьмы стал гораздо сильнее.

Он увидел лицо незнакомой женщины, на вид ей было не больше двадцати лет, длинные бежевые волосы свисали ей почти до пояса. Кенрон попытался вырваться — безуспешно, его тело ослабло и не слушалось.

— Не меня ли ты ищешь с этой штуковиной в штанах? — спросила незнакомка звонким чуть игривым голосом.

Она провела рукой по его боку, Кенрон почувствовал, как пистолет за поясом сзади чуть дрогнул — незнакомка коснулась его пальцами.

— Отпустите, я ищу своих родителей и зеннатскую ведьму, — сказал Кенрон, чувствуя, что из-за накатившей усталости слова даются ему с трудом

— Я как раз из Зенната, — созналась незнакомка.

— Не может быть, — прошипел Кенрон, раздосадованный своей беспомощностью, — вы только что вышли из камуфляжа.

— Что же тебя так удивило? — спросила незнакомка.

— У зеннатцев не может быть камуфляжа, иначе они сами бы охотились на животных и не просили бы дайгонцев об этом!

— Какой смысленый, — прошептала незнакомка ему на ухо. — Вот только ты не подумал о главном. Вы убиваете животных, чтобы забрать их магию и присвоить себе. То же можно проделать и с дайгонцами. Магический элемент в твоей голове, привязан к мозгу, стоит отрезать голову, и я смогу забрать твою магию себе.

Хихикнув, незнакомка провела пальцем по шее Кенрона, тот отчетливо ощутил остроту ее длинного ногтя. Хватка незнакомки ослабла, ее руки исчезли из поля зрения. Тут же Кенрон развернулся, выхватил пистолет и нацелил его в пустоту — незнакомка исчезла,

должно быть, снова скрылась в камуфляже.

Кенрон почувствовал, что по его ноге что-то ползет, он взглянул вниз и обнаружил, что его ноги оплели невесть откуда взявшиеся лозы неведомого растения. Слабость охватила все тело, Кенрон упал на траву, взгляд его помутился. Последнее, что он увидел перед тем, как потерять сознание, — рука в белом рукаве подняла с земли рельсовый пистолет, который он так и не смог использовать.

Кобольд Чафис не сомневался: этот вечер будет самым важным в его жизни, и лишь только труп, лежащий в траве неподалеку, мог все испортить.

Госпожа Лисидия, о красоте и могуществе которой он лишь слышал, лично пожаловала в оружейный дом, в котором Чафис работал уборщиком вот уже одиннадцать лет. Как правило, сколько-нибудь важные персоны, посещавшие место работы Чафиса, не то, что не видели его, но даже не подозревали о его существовании. Каждый раз при приеме гостей Чафису приказывали спрятаться в кладовке и не высовывать из нее своего длинного зеленого носа, пока важные гости не ретируются восвояси. Будучи послушным кобольдом, Чафис всегда в точности выполнял это распоряжение.

Сегодня же все произошло совсем иначе. Зайдя в оружейный дом, госпожа Лисидия немедленно приказала собрать всех кобольдов на крыше. Всех, даже уборщика Чафиса, до которого никому никогда не было дела. Она не просто пригласила его на встречу, но и заговорила с ним. При этом он не услышал ругань в свой адрес, как это обычно бывало, когда он слишком долго оттирал пятна масла с пола мастерской, напротив, госпожа Лисидия назвала его «уважаемый», а потом спросила, как его зовут.

Чафис в тот момент почувствовал нечто совершенно для себя новое. Госпожа Лисидия стала казаться ему существом гораздо более возвышенным, чем все остальные люди и кобольды. В тот момент он счел ее истинным совершенством. Чафис был убежден, что за всю свою жизнь госпожа Лисидия не приняла ни одного неверного решения и не отдала ни одного глупого приказа. И, разумеется, то, что она превратила трех коллег по работе Чафиса в монстров, было лишь для общего блага. Пусть он пока и не понимал, каким образом заведующему складом, младшему мастеру оружейных дел и повару-кашевару пошло на пользу превращение в болотного медведя, двухголовую летучую мышь и гигантского паука соответственно.

Он не знал, как называется то новое чувство, которое он испытывал. Ему хотелось выполнить любой приказ Лисидии точно и в срок, даже, если ему не перепадет ни единой монетки. Лишь бы она обратила на него внимание, посмотрела еще раз в его сторону.

С двумя другими кобольдами Чафису пришлось спуститься на первый этаж и встать рядом со входом в оружейный дом. Именно здесь он должен был выполнить возложенную на него обязанность, а конкретно — передать предмет, что он держал в руках, некоему «мальчишке», который должен был вот-вот показаться.

И тут в дело вступал труп. Какой-то человек с черными волосами, в коричневой кожаной куртке и в черных штанах лежал лицом вниз на траве метрах в двадцати от входа в оружейный дом. Чафис повернулся к трупу хвостом и взглянул на двух коллег, стоявших неподалеку. Золу предстояло поделиться с неким «мальчишкой» куском хлеба, а Гвину нужно было отдать тому же неизвестному «мальчишке» сложенную вчетверо охотничью униформу.

— Давайте сделаем все, как надо, — предложил Чафис. — От нас многого не ждут, отдадим предметы и сразу вернемся на крышу к госпоже Лисидии.

— На крышу? — воскликнул Гвин и шлепнул хвостом по земле от негодования. — Я в оружейную ни ногой, пока там бродят эти чудища.

— Ничего они нам не сделают, — заверил Чафис. — Неужели вы не хотите еще раз

повидаться с госпожой Лисидией?

— Больно надо, — процедил Зол. — Я надеюсь, она обо мне уже позабыла. Не хочу, чтобы она и меня превратила в ужас, какого свет не видывал.

— Ну и сидите здесь, я вернусь к ней один, как только отдадим предметы «мальчишке», — сказал Чафис и скосил глаза на труп позади себя. — Нужно оттащить это тело куда-нибудь, чтобы глаза не мозолило. Вдруг «мальчишка» испугается трупа и решит к нам не подходить. Подумает, что мы этого дайгонца прикончили.

Зол открыл рот и почти положил кусок хлеба себе на язык, Чафис схватил его за руку.

— Чего это ты удумал? — воскликнул он.

— Я всегда ем, когда нервничаю, — признался Зол, ему потребовалось немало усилий, чтобы опустить руку с куском хлеба. — Кто его оттащит? Только не я, у меня спина больная.

— Будем тянуть жребий, — сказал Чафис. — Ворон, ласточка, орел, на счет три.

Кобольды сжали кулаки: Чафис выкинул два пальца, Зол — один, а Гвин расщедрился всеми четырьмя.

— Вот и отлично, — сказал Чафис. — Если это поможет нам поскорее выполнить наставление госпожи Лисидии, я с радостью разберусь с этим телом.

Чафис храбрился, ему вовсе не хотелось подходить к телу неизвестного человека, но жребий выпал не в его пользу. На секунду он задумался, стоило ли оставить предмет, который он должен был передать «мальчишке», у своих коллег по работе. Он взглянул на «меч», который на самом деле был рельсовым пистолетом, и решил все же держать оружие при себе для надежности.

Чафис подошел к телу, ступая босыми когтистыми лапами по непросохшей после дождя траве. Он ухватился за край куртки мертвеца и потянул. Тело не сдвинулось с места, не то, чтобы человек казался тяжелым — его ноги были обмотаны каким-то растением. Должно быть, бедняга не заметил лозовую поросль, запнулся и расшибся насмерть. Чего еще ждать от людей с их тонкими хлипкими ногами, не в пример кобольдским мощным лапам.

В этот момент «труп» ожил. Человек открыл глаза и, рывком оттолкнувшись от земли, сел. От неожиданности рука Чафиса дрогнула, и он выронил предмет, о котором почти забыл. Рельсовый пистолет упал между человеком и кобольдом. Оба некоторое время смотрели друг другу в глаза, затем на лежащий на земле пистолет. Оба потянулись к оружию одновременно. Не успел Чафис моргнуть, как увидел наставленное на него дуло.

— Ну вот, опять, — вырвалось у него.

Кенрон поднялся, держа кобольда на мушке, последнее, что он помнил перед тем, как потерять сознание, — Лисидия забрала его рельсовый пистолет. Тогда никаких кобольдов вокруг оружейного дома не было. Должно быть, Лисидия подослала своих подручных, вот только что она им приказала, размышлял Кенрон, неужели они собирались его прикончить вместо нее.

— Где она? — бросил Кенрон. — Где Лисидия?

Чафис смотрел на него совершенно непонимающим взглядом, по крайней мере, так можно было решить по его широко раскрытым глазам, приоткрытому рту и расширенным ноздрям.

— На крыше оружейного дома, где же ей еще быть? — сказал кобольд, разводя руками. — Мы сможем пойти к ней, когда выполним ее поручение. Вот только я не уверен, что она тебя примет.

— Ты получил пистолет от нее? — спросил Кенрон, не спуская со лба кобольда оружие, о котором шла речь.

— Она лично мне его вручила, — не без гордости произнес Чафис. — Честь лично послужить госпоже Лисидии выпадает кобольду вроде меня в лучшем случае раз в жизни. А теперь будь добр, верни мне эту штуковину.

Кенрон резко отшатнулся — разумеется, эти кобольды были не на его стороне.

— Я так и думал, что ты ее подручный, — бросил Кенрон. — Не подходи близко.

Чафис поднял палец и прищурил глаза, ему в голову пришла замечательная идея, которая разом решала несколько его проблем.

— Не ты ли тот «мальчишка», которому мы должны передать дары? — спросил он. — В таком случае, можешь оставить пистолет, то есть меч себе.

— Мне нет дела до вашего поручения, — сказал Кенрон, чуть погодя, он все же опустил пистолет, не чувствуя угрозы, исходящей от кобольда. — Ты видел моих родителей? Высокого мужчину с рыжими волосами и ручищами, что твои ляхи...

— Я сегодня не видел ни одного дайгонца, кроме тебя, — заверил Чафис. — Господин «мальчишка», будь послушным актером, пройди к тем двум кобольдам у входа. Возьми то, что они тебе передадут, — он добавил шепотом. — Я только что видел, как госпожа Лисидия превратила троих кобольдов в... то, чем кобольды раньше не были. Нам еще повезло с ролями.

Кенрон не понял и слова из того, что ему сказал кобольд. Очевидно было только то, что его родители отправились на встречу с Лисидией к этому месту рано утром, сейчас же был поздний вечер, если еще не ночь. Сама Лисидия все еще была где-то неподалеку. В оружейном доме работали исключительно кобольды — слуги Зенната. Если где и стоило искать важную зеннатскую шишку, то именно там. Может, она и в самом деле ждет его на крыше, как и сказал повстречавшийся ему кобольд.

— Говоришь, она на крыше, я это проверю, — сказал Кенрон. — А ты не вздумай путаться под ногами, пока я до нее не доберусь.

Он подошел к двум кобольдам, стоявшим у входа, было непохоже, что они пытались как-то его задержать. И все же, у них явно было к нему какое-то дело.

— Как попасть на крышу? — спросил Кенрон.

Реакция кобольдов на, казалось бы, простой вопрос, заставила Кенрона отшатнуться и крепче сжать рукоять пистолета. Все трое — включая того, которого Кенрон встретил первым, — вытянули вперед руки.

— Поешь перед сражением, не биться же тебе с драконом на пустой желудок, — произнес один из кобольдов.

В руках он держал круглый серый предмет, который в царившей полутьме поначалу показался Кенрону обычным камнем.

— Это хлеб? — спросил он. — Почему вы мне его даете?

— Лисидия сотворила его из черепицы и сказала отдать мальчишке, — отчеканил кобольд.

Пожалуй, ей и такое под силу, решил Кенрон, сумела же она вырастить лозы у меня под ногами, да так, что я этого не заметил. Вот только почему ведьма вдруг стала заботиться о полноте его желудка, ответ на этот вопрос нашелся быстро.

— Что, если он превратится в черепицу после того, как я его съем? — спросил Кенрон. — Оставьте себе.

Другой кобольд, что стоял рядом, протянул Кенрону сложенную вчетверо охотничью униформу. Ткань костюма была невероятно прочной, редкое лесное животное могло прокусить ее или разорвать когтями. Она была куда крепче куртки, в которую был одет Кенрон. Однако по размерам сложенной вчетверо одежды можно было легко определить, что это униформа взрослого охотника, на Кенроне она бы болталась мешком.

Кенрон отодвинул кобольдов с прохода и вошел в здание оружейного дома. Он сразу же ощутил холод каменных стен и гнетущую атмосферу пустых полутемных тренировочных залов. Кобольды так и остались стоять снаружи с протянутыми вперед руками.

Зол поднес хлеб к носу, и его ноздри принялись расширяться и сужаться в такт дыханию. Чафис невольно придвинулся к нему и тоже принялся нюхать еду, сотворенную волшебницей. Хлеб пах приятно, словно был только что выпечен. Обычно Чафис не терпел изделия из муки, его любимым блюдом было сырое мясо и сырые же яйца. Хлеб, скорее всего, вызвал бы у него несварение желудка, но ему хотелось откусить хоть немного, ведь сама Лисидия его приготовила.

— Он и вправду может превратиться в черепицу в желудке? — поинтересовался Зол.

— Чем ему не угодила кольчуга, которую я принес? — спросил Гвин.

— Почему он ушел, не взяв ваши дары? — поддержал общее непонимание Чафис. — Так не годится, Лисидия велела отдать ему все три предмета. Немедленно отправляйтесь за ним и скажите, чтобы забирал то, что ему полагается.

— Не указывай мне, мойщик туалетов, — отрезал Гвин.

— Там же медведь, никуда я не пойду! Хлеб я и сам могу съесть, не велика задача, — сказал Зол.

— Вы что, хотите подвести госпожу Лисидию? — изумился Чафис.

— Я вообще хочу, чтобы она обо мне забыла, — сказал Зол. — Так я не превращусь в одно из этих страшилищ.

— Какие же вы трусы! — процедил Чафис.

— Тебе легко говорить, твой предмет он забрал, — заметил Гвин. — Я останусь здесь и точка.

— Выкинем и скажем, что отдали, — предложил Зол. — А мальчишка их потерял. Свалим вину на него.

Гвин похлопал Зола по плечу: отличная, мол, идея.

У Чафиса сжались кулаки. Ему физически больно было слышать, что кобольды, которым Лисидия доверила важную миссию, решили так глупо ее обмануть. Ему хотелось ударить Зола по щеке, чтобы тот, наконец, перестал нюхать хлеб и немедленно отправлялся за мальчишкой и заставил его принять дар Лисидии. Вот только Чафис не был ни сильным, ни смелым, и уважением у других кобольдов он не пользовался. Он ткнул в лоб пальцем, пытаясь хоть что-то придумать.

Внутри восточного оружейного дома находились комнаты выдачи и приема экипировки и тренировочные залы. Точного их расположения Кенрон не знал, его интересовала лишь лестница, ведущая на второй этаж. Пустые обширные залы скрывала полутьма — свет давали лишь несколько магических кристаллов, висящих под потолком.

Метрах в ста впереди, у противоположной стены здания, Кенрон заметил движение. Странная приземистая тень пересекла проход и тут же исчезла. Существо не походило на человека, разве что этому человеку вздумалось встать на четвереньки и ползать по полу в таком виде. Кенрон закрыл глаза, задержал дыхание и скрылся в камуфляже. Сейчас он понимал, что стоило сделать это еще у входа в здание, не позволив кобольдам прислужникам Лисидии проследить за его действиями. Кобольды вполне могли напасть на него со спины. Хотя вряд ли у них вышло бы подкрасться к нему незамеченными, слишком уж громко цокают по каменному полу их длинные когти.

Кенрон был полностью сосредоточен на существе, что показалось впереди, там, где должна была находиться лестница на второй этаж. Он чуть не пропустил небольшой предмет, лежащий на полу прямо на его пути. Из каменного пола рос гриб.

Растения нередко появлялись в весьма неожиданных местах — пробивали дорогу через булыжники и валуны, грибы так и вовсе росли на деревьях, телах насекомых и даже животных. Появление гриба посреди коридора казалось Кенрону неестественным, но не потому, что он не верил в то, что гриб мог пробиться через пол, выложенный каменными плитами, а потому, что оружейный дом не был заброшен. Еще несколько часов назад по этим плитам ходили охотники и кобольды, они растоптали бы гриб в считанные минуты. За появлением этого растения явно кто-то стоял. Возможно, гриб оставили тут для Кенрона, как некий знак.

Присев, Кенрон потянулся к грибу — гриб отпрыгнул в сторону. Кенрон отдернул руку и потерял ее, словно гриб успел цапнуть его за палец.

— Ведьмины происки, — буркнул он.

Кенрон нацелил пистолет на гриб и выстрелил. Пуля оставила в полу выбоину и несколько раз звякнула в глубинах каменного коридора. Гриб исчез, но появился другой на этот раз в руке Кенрона, в эту минуту он держал гриб вместо пистолета. Ему захотелось немедленно отшвырнуть «гриб», но он вовремя остановился. Твердая металлическая рукоять все еще ощущалась в руке.

«Нет здесь ни каких грибов и быть не может, — подумал он. — Меня попросту дурят».

Кенрон не знал, как именно ведьме удалось вызвать у него галлюцинации, — слишком уж много у нее было возможностей — пока он валялся без сознания. Она могла наложить на него заклятье или заставить выпить что-то отравленное. В любом случае, он ничего не мог с этим поделать, по крайней мере, пока он не добрался до виновницы его недуга. Оставалось лишь идти вперед, не обращая внимания на странные видения.

Тем временем грибы продолжали наступление. Надпись над окнами выдачи и приема оружия гласила: «С нашим оружием любой монстр нипочем». Фразу дополняло изображение двух скрещенных мечей. По крайней мере, так было раньше, этим вечером Кенрон впервые увидел рисунок двух длинных скрещенных грибов.

Он зажмурился, потряс головой и чуть было ненароком не развеял камуфляж. Перед

ним предстал целый ряд разномастных грибов, которые полностью заменили собой надпись.

Грибы бегали по полу, натываясь друг на друга, деревянные чурки, на которых охотники отработывали удары, превратились в грибы высотой в полтора человеческих роста. Кенрон прибавил шаг, уже не обращая внимания на мельтешение под ногами. Он прошел весь первый этаж и подошел к просторной комнате без двери. В стене напротив него был арочный проем, за которым виднелись каменные ступени винтовой лестницы, ведущей на второй этаж.

Вся комната была усеяна большими и маленькими грибами, стены и даже потолок покрывали грибные поросли.

Кенрону хотелось немедленно подняться на второй этаж, найти путь на третий и, наконец, на крышу, где по словам кобольда, его ожидала ведьма. Теперь ей предстояло не только рассказать Кенрону, где его родители, и что она с ними сделана, но и снять с него странное заклятье, заставляющее его видеть грибы, куда бы он не взглянул.

Кенрон остановился.

То, что произошло всего час назад, не давало ему покоя. Тогда он думал, что легко попадет в кабинет отца, что перед ним стоит простая задача, при этом ему не удалось справиться в одиночку. Охотники редко ходили в лес в одиночку. То, чего не заметит один, заметит другой, там, где слаб один, силен другой. Сейчас Кенрон был один, и некому было его прикрыть.

Лучшее, что он мог сделать, — представить, как бы поступили его друзья, будь они здесь. Ирман бы побежал вперед напрямик на крышу к колдунье. Камуфляж скрыл бы его ото всех опасностей, вот только магия дайгонцев защищает их лишь какое-то время, было бы неприятно явиться к ведьме и оказаться у нее, как на ладони. Нужно было спешить.

С другой стороны, Нанса наверняка бы предложила задержаться. Она бы и вовсе не зашла в оружейный дом, не поняв, с чем имеет дело. Кобольдов у входа можно было подробно расспросить, пригрозить им, если нужно, сейчас не до деликатности.

Думать, как Нанса может только Нанса, рассуждал Кенрон, гадать, что могло бы прийти ей в голову, бесполезно. Наверное, она бы подобрала с пола какой-то кусок мусора и придумала, как его можно использовать для решения проблемы, которая стояла на пути.

Кенрон присел и попытался взять один из грибов, что были разбросаны по полу, — в этот раз у него получилось. От неожиданности он чуть не выронил свою находку. Ножка была шероховатой и мягкой, шляпка — липкой и холодной. В этот раз гриб был настоящим. Кенрон почувствовал, как начала кружиться голова, ему было сложно пересилить желание двинуться вперед, подняться по лестнице на второй этаж и начать поиски Лисидии.

Гриб был настоящим, что еще тут может быть из того, чего здесь быть не должно, размышлял Кенрон. Он решил не сходить с места, пока не поймет, что происходит. О грибах он знал немного, разве что история Кселли Кобе, которая потеряла сознание, надышавшись грибными спорами, частенько всплывала в памяти из-за того, насколько невероятной она казалась. Кенрон оторвал кусок рубахи и прижал к лицу, если грибные споры вызывали его видения, дышать здешним воздухом нужно было с большой осторожностью.

Почему Лисидия вернула ему оружие, задумался Кенрон, может, хотела его испытать. Показать, что он не справится даже с пистолетом. Но галлюцинации не мешали ему подняться на второй этаж, и пистолет против них был бесполезен. Что же должно было его задержать, не мог взять в толк Кенрон. Он осмотрел ножку гриба, пытаясь понять, где именно тот рос. Грязи или кусочков земли не было, лишь приглядевшись, Кенрону удалось

найти волос необычного зелено-бурого цвета.

Кенрон наставил пистолет на проход, ведущий к лестнице, он все еще видел перед собой лишь грибы, растущие на полу, на стенах и даже на потолке, но уже знал: в этой комнате он не один.

Гриб, который он нашел, рос не в земле, а на живом существе с зелено-бурой шерстью. В лесу нередко встречались болотные барибалы — медведи с грибами на спине. Споры их грибов вызывали галлюцинации у мелких животных, после чего те теряли бдительность, и медведь беспрепятственно пожирал их. Только в большой концентрации ядовитый воздух, источаемый медведем, действовал на людей. В закрытом же помещении спор могло накопиться немало.

Стиснув зубы, Кенрон нацелил пистолет на грибы, растущие у входа на второй этаж, и надавил на спусковой крючок. Тут же на стену брызнула кровь, раздался дикий разъяренный рев, сотрясший всю комнату.

Прямо перед ним стоял крупный хищник, болотный барибал, но Кенрон не мог его разглядеть. Споры вызывали у него галлюцинации и заставляли видеть грибы там, где их не было. На спине болотного барибала грибы росли самые настоящие. Глядя на них, Кенрон невольно концентрировался на шляпках и ножках так сильно, что не мог разглядеть самого медведя.

«Проклятые споры, — подумал Кенрон. — Еще немного, и я потеряю рассудок, нужно прорываться или бежать на улицу»

— Дракону все дозволено, — раздался громкий голос, похожий на рык. — Он величественен и прекрасен, я не дам тебе навредить дракону. Попробуй одолей меня, сын фермера.

Ведьма и вправду решила сыграть с ним. Она вернула ему оружие и выставила лесных монстров защищать проходы на крышу. Теперь говорила с ним через своего слугу с безопасного расстояния. Ей есть, что ему рассказать, в этом у Кенрона уже не было сомнений. Она скрывает от него что-то настолько важное, что готова раскрыть секрет только, если он сможет добраться до нее этим вечером. И этот секрет наверняка объяснит исчезновение его родителей.

Кенрон нацелил пистолет в проход, ведущий к лестнице на второй этаж. Он все еще был в камуфляже, это означало, что существо, стоявшее перед ним, не могло его разглядеть, вот только и Кенрон не видел своего противника из-за галлюцинаций, которые вызывали споры.

Ему бы хотелось видеть медведя, чтобы прикончить его быстро и без мучений, но сейчас такой возможности не было. Он не отступил из-за страха за свою жизнь, не отступит и из-за угрызений совести за то, что не смог подарить лесному монстру быструю и легкую смерть.

Кенрон нажал на спусковой крючок четырежды. Стена по краям прохода окрасилась кровью.

Огромная раскрытая пасть возникла перед лицом Кенрона. Длинные белые зубы, горячее дыхание и когтистые лапы, раскинутые в стороны, стали всем его миром.

Кенрон вскинул пистолет и выстрелил, метя в голову, — пуля врезалась в щеку медведя, сорвала клочок плоти и меха, выбила глаз, по касательной врезалась в череп и отскочила к потолку.

Рыча, медведь повалил Кенрона на каменный пол и вцепился зубами в плечо. Длинные клыки пробили куртку, рубаху и завязли в плоти. Тут же медведь рванул на себя, пытаясь

выдрать плечо с мясом и костями. Ему бы удалось это сделать, не будь он ранен pistolетными пулями секунду назад. В черепе зияла дыра, был виден мозг, который чуть подрагивал каждый раз, когда медведь пытался вырвать плечо Кенрона.

Мощная когтистая лапа прижимала руку, держащую pistolет, к полу, но запястье Кенрона еще двигалось. Этого хватило, чтобы подбросить pistolет в воздух. Кенрон поймал pistolет левой рукой, нацелил в оставшийся глаз медведя и выстрелил. Пуля прошла череп насквозь, обдав Кенрона белой слизью.

Будь это обычный лесной зверь, он не пережил бы и половину полученных ран. Но медведь был порождением магии ведьмы. Ослепленный, он отступил. Кенрон тут же поднялся на ноги, укушенное плечо жгло болью при каждом движении, эта рана создавала гораздо более серьезную проблему, чем непослушная правая рука. Сейчас Кенрону требовалось гораздо больше времени, чтобы уйти в камуфляж.

Раны на голове медведя стали затягиваться, глаза появились на месте черных дыр, оставленных выстрелами из pistolета. Через мгновение медведь снова исчез, он слился в сознании Кенрона со множеством грибов, «растущих» по всей комнате.

В этот раз у медведя было явное преимущество: Кенрон уже не мог скрыться в камуфляже, и напасть на него было плевым делом. Следующая их стычка будет проверкой точности и реакции, понимал Кенрон, медведь бросится на него и станет видимым лишь в самый последний момент. Именно тогда нужно будет выстрелить ему точно в пасть и пробить мозг. Кенрон не был уверен, что справится лишь одной здоровой левой рукой. Он поднял pistolет на уровень глаз, целясь в россыпь грибов на стене.

Позади раздался шум шагов. Двуногое существо с когтистыми лапами — возможно, еще один диковинный монстр, прислужник ведьмы — приближалось со стороны входа в здание.

Кенрон на мгновение обернулся — в полутьме каменного коридора он увидел кобольда, того самого, что подкрался к нему с pistolетом, когда Кенрон был без сознания. Кобольд прижимал к груди какой-то черный предмет.

— Чафис! — раздался рык медведя.

Тяжелые лапы ударили в пол. Медведь появился, он стоял на задних лапах, своей громадой возвышаясь над Кенроном, лапы были растопырены, пасть раскрыта. Медведь рухнул на кобольда, без труда повалив его на пол, зубы сомкнулись на шее, когти впились в плечи. В этот момент Кенрон выстрелил. Он бы не среагировал вовремя, напади медведь на него, а вот кобольд стал отличной приманкой, выиграв необходимые полсекунды.

Медведь замер, глаза его смотрели вперед, не моргая; небольшое отверстие в голове походило на еще один глаз, капли крови текли из него, словно слезы, окрашивая бурую шерсть в красное.

— Господин Петри, отпустите меня, мне больно, — пропищал кобольд. — Мы ведь с вами заодно, помните?

Кобольд попытался освободиться от хватки медведя, но сил ему явно не доставало.

Кенрону пришлось потратить на медведя половину pistolетных пуль. Все тело болело, правая рука почти не слушалась. Он с трудом справился с одним прислужником ведьмы, следующего же одолеть будет куда проще. Он наставил pistolет на кобольда, который был полностью поглощен тем, что пытался высвободиться из хватки мертвого барибала.

Еще никогда Кенрону не было так сложно понять, находится перед ним друг или враг, еще никогда от его решения не зависело так много.

Болотный барibal был мертв, его массивная туша лежала на каменном полу, все еще источая споры из отвратительного вида порослей грибов на спине. Своим последним в этой жизни броском медведю удалось схватить свою добычу, но не удалось убить. Пусть даже он и пытался. Мощные лапы обхватили кобольда по имени Чафис, острые зубы сомкнулись на зеленой чешуйчатой коже горла, но так и не смогли нанести серьезного вреда. Чафис замер, смотря в потолок, он словно бы намеренно подставил горло медведь, инстинктивно выбирая быструю смерть взамен медленной и мучительной.

В этот раз кобольду повезло, он остался жив, почти невредим и лишь напуган почти до беспамятства. Однако, новая проблема настигла Чафиса еще до того, как он успел разобраться со старой.

Кенрон приставил дуло пистолета ко лбу кобольда. Ему не хотелось убивать разумное существо без веской причины, но будь у него эта причина, отпускать врага было бы непозволительным малодушием.

Кобольд, увязавшийся за ним, был без сомнения прислужником ведьмы Лисидии. Всего несколькими минутами ранее этот кобольд держал в руках рельсовый пистолет и стоял рядом с Кенроном, когда тот был без сознания. Только хорошая реакция Кенрона и некомпетентность кобольда позволили юноше забрать оружие и обратить ситуацию в свою пользу.

После чего кобольд последовал за ним в пустующий оружейный дом и подоспел как раз в тот момент, когда Кенрон ждал нападения с другой стороны. Как бы ни были слабы кобольды, с подходящим оружием убить охотника ударом в спину не составило бы для них труда.

Кенрон поднял с пола оторванный ранее кусок рубахи и прижал к лицу. После смерти медведя грибных спор в воздухе, казалось, стало только больше. Времени на размышления о том, убить кобольда или оставить в живых было совсем немного.

— Ты выстрелил в господина Петри, и теперь он мертв, — воскликнул кобольд, после чего он заметил дуло пистолета, смотрящее ему промеж глаз. — Не направляй на меня эту штуку, она, знаешь ли, весьма опасная.

Сказав это, кобольд закашлялся.

Кенрон понял, что ему следует сделать. Он решил, что убьет кобольда, как только обнаружит нож, который тот собирался пустить в дело.

Не спуская пистолета с головы своего возможного противника, Кенрон обошел вокруг мёртвого медведя — ножа на полу не было. Недалеко от кобольда на полу лежала черная ткань, сложенная в несколько раз, между слоями виднелся контур какого-то предмета. Кенрон присел, чтобы заглянуть внутрь, ясно осознавая, что именно в этот момент кобольд может наброситься на него. Внутри черного свертка лежал кусок серого хлеба и ничего похожего на оружие. Руки кобольда были пусты, на поясе висел лишь небольшой ключ.

— Те, кто не желают мне навредить, могут не беспокоиться, — сказал Кенрон и опустил пистолет.

Все это время кобольд пытался разжать лапы медведя, и освободить шею из капкана

длинных острых зубов. Даже после смерти лесной хищник оказался сильнее своей последней жертвы.

— Не поможете мне выбраться, господин «мальчишка»? — пробормотал кобольд и снова закашлялся. — Что-то не так со здешним воздухом.

— Сперва скажи, зачем вы держите здесь болотного медведя? — процедил Кенрон, боль в правом плече постоянно напоминала ему, что слуги Лисидии готовы наброситься на него при первой же возможности.

— Он вовсе не медведь, он был кобольдом, пока госпожа Лисидия не превратила его.

— И часто она это делает? — спросил Кенрон, он почувствовал, что у него уже нет сил, чтобы удивляться. — Впрочем, неважно.

Кенрон засунул пистолет за пояс и протиснул обе руки в пасть медведя, острые зубы, покрытые горячей слюной были отвратительны наощупь. Пасть была словно каменной, и все же Кенрону удалось немного раздвинуть ее. Затем обеими руками он отодвинул одну из лап, на что ушли почти все силы. Кобольд упал на пол и принялся тяжело дышать.

— Лучше тебе убраться на улицу, пока из-за этих спор у тебя в голове грибы не выросли, — сказал Кенрон.

— Такое бывает? — удивился кобольд.

— Почему нет? — сказал Кенрон, пожимая плечами. — На медведях же грибы растут, чем кобольды хуже?

Он решил, что запугал кобольда достаточно, чтобы тот, не медля ни секунды, выбежал из оружейного дома, после чего даже не смел бы подумать о том, чтобы вернуться в это зараженное место.

Арочный проем в стене вел к узким спиральным ступеням. Кенрон прошел мимо туши поверженного медведя, искоса поглядывая на нее, и направился вверх по каменной лестнице. С каждым шагом вокруг становилось все темнее, зато воздух делался чище и свежее, Кенрон отбросил кусок материи, которым закрывал лицо, освободив руку — вскоре это могло пригодиться. Ступени закончились, он шагнул на ровный каменный пол, лестница довела его только до второго этажа.

В огромном зале было темно, лишь звезды на ночном небе тускло светили через маленькие окна у самого потолка.

На ощупь Кенрон пошел вдоль стены и тут же услышал хруст стекла под ногами. Ему пришлось сесть на корточки, чтобы разглядеть разбитую вдребезги масляную лампу. Блестящая жидкость растеклась по каменному полу, напоминая в темноте кровь, что сочится из раны раненого зверя.

На этом этаже было существо, которое уничтожило все, что излучало свет, предположил Кенрон. В таком случае и его противник, подосланный Лисидией, не мог бы разглядеть ничего дальше своего носа. Неважно, насколько хорошо зрение зверя в темноте, если света нет вовсе, то и увидеть никто ничего не сможет. Кто бы ни находился на этом этаже, он лишил зрения не только Кенрона, но и самого себя.

На лестнице позади раздался стук когтей по каменным ступеням.

Кенрон не мог поверить — у кобольда хватило наглости снова его преследовать. Может, зря он лез руками в пасть медведя, стоило бросить этого прислужника Лисидии в ловушку, в которую он сам и угодил.

Немного поразмыслив, Кенрон решил, что ему стоит скрыться в камуфляже и

подождать, пока кобольд не уйдет, после чего можно было без помех продолжить свой путь. Но куда же он пойдет в этом темном лабиринте, ведь он не знает в какой стороне лестница на третий этаж. Возможно, стоило расспросить об этом его надоедливого преследователя. Кенрон подошел к арочному проему, из которого сам недавно вышел, кобольд, не сбавляя шага, врзался в него и приглушенно вскрикнул.

— Заберите полагающиеся вам предметы, — пролепетал кобольд дрожащим голосом. — Или вы расстроите госпожу Лисидию.

— Возьми меня за руку, — потребовал Кенрон.

— Тут действительно страшновато без света.

— Вовсе нет, — сказал Кенрон. — Я скрою нас обоих камуфляжем, если здесь кто-то есть, он не увидит и не услышит нас. Можешь говорить в полный голос, но кричать не нужно, это помешает моей концентрации.

Кенрон крепко ухватился за руку кобольда, затем придвинулся к нему так близко, что их носы почти соприкоснулись. Только на таком расстоянии возможно было хоть что-то разглядеть.

— Послушай, приятель, — сказал Кенрон.

— Чафис, — представился кобольд.

— Да, конечно. Можешь оставить эти... дары ведьмы себе.

— Правда? — воскликнул Чафис. — Мне можно их забрать?

— Конечно, мне только нужна твоя помощь кое с чем, — сказал Кенрон. — Видишь ли, я все не могу припомнить, где тут лестница на третий этаж. Из головы вылетело.

— У противоположной стены, — тут же откликнулся Чафис. — Сначала прямо, потом поверни направо у стеллажей, у складов поверни налево, не сворачивай в ткацкой мастерской, хотя, там стоит знак, и после этого иди...

— Почему вы не сделали лестницу, которая ведет с первого этажа на крышу? — спросил Кенрон, теряя терпение. — Зачем громоздить этот лабиринт?

— Против вас дайгонцев, — охотно пояснил Чафис. — Многие зеннатские здания устроены так, чтобы подъем занимал как можно больше времени. Если дайговец в камуфляже захочет подняться на верхний этаж, больше шансов, что на него кто-то натолкнется, и его обнаружат. Правда в оружейном доме наверху нет ничего ценного.

— Еще как есть, — заверил Кенрон. — Там сидит ведьма, которая что-то сделала с моими родителями.

— Я бы и сам не отказался сегодня встретиться с госпожой Лисидией, — мечтательно проговорил Чафис. — Она была добра ко мне, когда раздавала роли для своего представления. Вот она обрадуется, узнав, что ее поручение выполнено!

— Похоже, нам обоим хочется попасть на крышу, — заметил Кенрон. — Не хочешь проводить меня? Ты здесь знаешь каждый закоулок, мы вдвоем доберемся до крыши в два счета.

— Я только хочу отыграть свою роль, как мне было приказано, — затараторил Чафис. — Разбойник отдает мальчишке меч, пекарь хлеб, а кузнец кольцо. Мальчишка должен забрать предметы. Вот и все, что нам приказала госпожа Лисидия.

— Значит, ты разбойник, — заключил Кенрон, — и что же ты должен делать после того, как отдашь меч мальчишке?

— Я не знаю, — сказал Чафис, пожимая плечами, — госпожа Лисидия мне так и не объяснила.

Кенрон задумался, не похоже было, что он мог бы убедить кобольда отправиться с ним и нарушить тем самым приказ ведьмы. Однако, по словам Чафиса, он не получал подробных инструкций о том, чем ему следовало заниматься после того, как он отдаст «мальчишке» предмет. А это открывало простор для различных трактований.

— Может, разбойник хочет помочь мальчишке... попасть на крышу? — сказал Кенрон и сразу же пожалел, что не вложил в голос больше твердости, фраза вышла крайне неубедительной.

— Не думаю, что разбойнику стоит это делать, — пробормотал Чафис и принялся потирать подбородок, все глубже погружаясь в размышления.

— Что за историю мы тут разыгрываем? — спросил Кенрон. — Ты слышал ее раньше?

— Я только знаю, что это какая-то сказка.

— В Дайгоне ходит одна известная история, — сказал Кенрон, он закусил губу, собираясь с мыслями. — Дай вспомнить. Вот, как дело было, однажды на крыше одного из домов Керфена завелось вредоносное животное. Это была игольчатая жабовидная ящерица. Крупный зверь весь в колючках с длинными руками и ногами. Эта ящерица принялась выбираться с крыши по ночам, залезать в дома и воровать разные ценные предметы. Люди обозлились и решили прогнать ее из города, вот только устроилась ящерица на крыше дома известного охотника, его знали, как жадного и грубого человека. Охотник никого в свое жилище пускать не собирался. Однажды ящерица украла у мальчишки, что жил в городе, одну важную вещицу. Амулет из редких камней, который ему выдал старейшина клана за успехи в охоте. Потерять этот предмет считалось страшным позором. Мальчишка отправился к дому охотника и попросил пустить его на крышу, чтобы забрать амулет у ящерицы. Охотник лишь рассмеялся и закрыл перед ним дверь. Этот разговор подслушал разбойник, он предложил мальчишке вломиться в дом охотника без спросу, подняться на крышу и забрать себе все, что наворовала ящерица. Нехотя мальчишка согласился. Разбойнику даже удалось получить помощь от пекаря и кузнеца, которых тоже обворовала ящерица. Ночью вдвоем разбойник и мальчишка вошли в дом...

— Какая интересная история, — изумился Чафис, — уверен, именно такую и стала бы рассказывать госпожа Лисидия. Что же было дальше?

— Разбойник провел мальчишку на самый верх, — сказал Кенрон, — по пути они встретили несколько существ, которых держал у себя жадный охотник.

— Так и быть, я помогу тебе подняться на крышу, господин “мальчишка” — заверил Чафис.

— Кенрон.

— Да, конечно.

Кенрон все еще держал Чафиса за руку, чтобы скрыть их обоих камуфляжем. Стоило отойти от стен, как тьма стала совершенно непроглядной. Пару раз под ногами хрустели осколки разбитого стекла, носком ботинка Кенрон задел лампу, та с грохотом поскакала по полу, этот звук камуфляж не скрывал. Кенрон пробурчал ругательства, — если здесь кто-то был, он только что узнал об их присутствии.

— Кто разбил здесь все лампы? — спросил Кенрон.

— Должно быть, это был Золис, он весьма уважаемый кобольд в оружейном доме, — сказал кобольд. — Работает младшим мастером оружейных дел, он может починить меч, копье и даже арбалет. Как думаешь, Кенрон, он меня узнает?

— В этой тьме он тебя даже не увидит, — бросил Кенрон.

— А, если бы тут было светло, смог бы он узнать меня? Ведь мы трижды ходили с ним на рыбалку.

— Так почему он должен тебя забыть? — спросил Кенрон.

— Госпожа Лисидия превратила его в огромную двухголовую летучую мышь, — сказал Чафис. — Должно быть, он бродит где-то здесь между столов, как мы с тобой.

Кенрон сильнее сжал руку кобольда.

Они шли между столов, на которых днем мастера кобольды чинили оружие и сшивали разорванную на охоте укрепленную одежду. Дайгонцев не допускали на второй и третий этажи оружейных домов. Кенрону было интересно узнать, как именно кобольды занимаются ремонтом снаряжения, как чинят охотничий костюм, нити которого так сложно было разорвать. Сейчас же, оказавшись на втором этаже, все ухищрения зеннатских мастеров все так же оставались для него загадкой. Темнота в центре зала была беспросветной. Кенрон врезался бедром в край крышки верстака, несколько инструментов упали и с грохотом запрыгали по полу.

— Проклятье, вот бы хоть что-нибудь разглядеть, — пробурчал Кенрон.

— Аккуратней со столами оружейных работников, — сказал Чафис. — Ты не слышал, как они ругаются, когда кто-то трогает их инструменты.

— Ты уже забыл, как тебя чуть не сожрал медведь? — спросил Кенрон. — Ругающиеся кобольды — наша меньшая проблема.

Впереди раздался шум, звук походил на мерное цоканье языка, вскоре щелчки стали затихать, пока вовсе не пропали. Света все еще было слишком мало, чтобы что-то разглядеть дальше, чем в полуметре от себя. Кенрон нацелил пистолет, туда, откуда раздался звук. Некоторое время он размышлял, стоит ли пустить пулю, в итоге все же передумал. Медведь напал именно после его выстрелов, должно быть, боль от ран подсказала ему направление, где стоял Кенрон, скрытый камуфляжем. Оружие, которое Лисидия не побоялась ему вернуть, как оказалось, имело и недостатки. Стрелять вслепую следовало только при крайней необходимости.

Несколько раз они сворачивали, проходили мимо стеллажей, поднимающихся к самому потолку, мимо столов разных форм и размеров, массивных механизмов во тьме напоминающих крупных лесных тварей, замерших в разных, порой диковинных позах.

— Долго еще до лестницы? — спросил Кенрон.

— Она впереди метров через тридцать, — прошептал Чафис.

Они выбрались в широкий проход, тянущийся вдоль одной из стен. Через небольшие окна проходил лишь тусклый звездный свет.

Кенрон услышал хлопанье крыльев, поднялся ветер, спустя мгновение Чафиса вырвало у него из рук. Камуфляж тут же развеялся.

Волной воздуха Кенрона сбило на пол, тут же он вскинул пистолет и направил его к потолку. Шум крыльев раздавался над его головой, оттуда же доносились жалобные крики кобольда.

— Золис, это я, отпусти! — вопил Чафис.

Кенрон вскочил, дважды шагнул вперед, подпрыгнул и ухватился за чешуйчатую щиколотку кобольда. Дернул вниз, вложив всю силу, что у него оставалась, и весь свой вес. Чафис вырвался из хватки невидимого во тьме существа и вместе с Кенроном они рухнули на

каменный пол. Не обращая внимания на боль в боку и плече, Кенрон поднял пистолет к потолку и выстрелил несколько раз. Раздался оглушительный визг, эхом заполнивший весь этаж. Сильный порыв ветра ударил Кенрона в грудь, после чего все стихло.

Тяжело дыша, Кенрон поднялся на ноги, он был уверен, что попал в зверя, но серьёзна ли была рана, сказать не мог. Стрелял он даже, не столько по звуку, сколько слушая свою интуицию. Чафис поднялся, кряхтя и хватаясь за бок.

— Ты же сказал, что дайгонская магия нас скроет, — принялся причитать кобольд. — Говорил, нас не видно и не слышно.

Кенрон прижал палец к губам и зашипел — что бы кобольд там ни говорил, сейчас они были не в камуфляже. В этот момент даже малейший звук выдавал их местоположение противнику.

Крыло, покрытое светло-серой шерстью оказалось перед лицом Кенрона, длинные когти расцарапали его ноги, грудь и плечи, в миг разорвав городскую одежду. На одно мгновение летучую мышь стало видно — каждая из двух ее голов была чуть меньше человеческой, глаза — черные бусины, длинные белые клыки беспорядочно торчали во все стороны. Тут же летучая мышь без следа скрылась во тьме.

Силуэт Чафиса, только что с трудом различимый, исчез. Метрах в десяти от Кенрона раздался грохот, перевернулся один из верстаков оружейных ремонтников, стальные инструменты с лязгом, заполнившим весь этаж, посыпались на пол.

Чафис отчаянно закричал где-то далеко в центре темного зала. В этот момент Кенрон понял — пока летучая мышь пытается прикончить кобольда, он может беспрепятственно добраться до лестницы на третий этаж и тогда до места, где его ждала Лисидия, будет рукой подать. Разумеется, в таком случае Чафис терял всякую надежду на то, что он сможет пережить эту ночь.

Бежать в почти крошечной темноте было страшно, и все же Кенрон побежал. Он быстро добрался до поваленного на бок верстака и перепрыгнул его, на полу в окружении разнообразных инструментов лежал Чафис. Кенрон схватил первое, что попало под руку — увесистый молоток и швырнул его в ту сторону, где по его разумению должна была находиться лестница на третий этаж. Грохот стали о камень раздался через две мучительно долгие секунды. Если у летучей мыши сохранились остатки разума, она непременно бросится проверить, не подобрался ли кто к выходу, который ей велено было стеречь.

Положив ладонь на плечо Чафиса, Кенрон скрыл их обоих камуфляжем. Он уже не мог использовать дайгонскую магию в бою, раны по всему его телу болели так сильно, что уход в камуфляж занимал секунд тридцать. Ни один серьёзный противник не даст ему столько времени.

— Ты жив, приятель? — спросил Кенрон.

Он с удивлением для себя понял, что называет Чафиса «приятелем» вовсе не в шутку. Они впервые встретились не более получаса назад, но этот кобольд уже несколько раз принял на себя атаки зверей, которые предназначались Кенрону, это чего-то да стоило.

Чафис зашевелился и поднялся на четвереньки.

— Отлично, двигаем отсюда, мышь скоро вернется, — сказал Кенрон. — Эй, тебе сильно досталось?

— Не знаю, — проговорил кобольд. — Я могу не чувствовать боль, если захочу. Это очень полезно. Можно умереть, ни о чем не беспокоясь.

— Тебя всего-то через стол перебросило, — попытался приободрить его Кенрон. — Эта тварь умеет летать, отойдем к тем стеллажам до самого потолка. Там можно перевести дух.

Кобольд кивнул, Кенрон положил его руку себе на плечи и помог подняться. Это движение напомнило: люди пока не научились отключать болевые рецепторы. Все тело Кенрона болело от ран, порезов и ушибов, радовало лишь то, что ни одна рана не была глубокой.

Оказалось, Чафис даже после всего с ним произошедшего все еще мог ориентироваться в темных залах оружейного дома. Он направлял Кенрона, указывая путь свободной рукой. Вскоре они добрались до рядов высоких стеллажей, на полках которых лежали разнообразные столярные и швейные материалы. Зайдя в узкий проем, Кенрон усадил Чафиса и опустился на пол рядом с ним, все еще держа его за руку, чтобы камуфляж защищал их обоих.

— Ты обещал, что нас не услышат! — проговорил Чафис, в голосе его чувствовалось лишь разочарование

Кобольд тут же зажал рот рукой и выпучил глаза, он принялся вертеть головой, пытаясь высмотреть в темноте неуловимого доселе противника.

— Нас не могли услышать, мы были в камуфляже, — заверил Кенрон. — Твой двухголовый приятель охраняет прямой длинный коридор, ведущий к лестнице на третий этаж. Это упрощает ему задачу, он точно знает, где мы должны появиться.

— Как же он меня схватил, если нас не слышно и не видно? — прошептал Чафис все еще беспокойно дергая головой.

— Твой приятель — летучая мышь, — прошептал Кенрон, кажется, тревога Чафиса

переходила и на него. — Он не слышит нас, он слышит сам себя, отражение своего голоса, которое мы не улавливаем. Эхо. Но не думаю, что он получает четкую картину. То, что не движется — препятствие, то, что движется — добыча.

— Вот уж не думал, что дайгонскую магию так легко обмануть, — пробурчал Чафис. — Ведь не только летучие мыши слышат свое эхо. Выходит, вас могут видеть многие виды животных.

— Вовсе нет, — сказал Кенрон. — Я ни разу не слышал, чтобы лесное животное смогло обнаружить дайгонца в камуфляже. Должно быть, Лисидия помогает летучей мыши отыскать нас. В любом случае, мы не попадем на третий этаж, пока не расправимся с твоим приятелем.

— Раз того хочет госпожа Лисидия, я помогу тебе, мальчишка Кенрон, — сказал Чафис. — Вот только, разве ты не стрелял в нее из пистолета? Почему мышь еще жива?

— Не так-то просто попасть в нее в темноте, — сказал Кенрон. — Пока она нас видит, а мы не знаем, где она, нам не победить. Нужно раздобыть оружие ближнего боя и соорудить какой-нибудь факел.

— Меч подойдет? — спросил Чафис. — Мы в мастерской, можно поискать что-нибудь на столах мастеров починки.

— Нам не нужен сломанный меч, — сказал Кенрон. — Где хранится исправное оружие?

— В кладовой здесь неподалеку, там же масло для ламп, найдется и огниво — сказал Чафис. — Вот только ее запирают на замок.

— У тебя же есть ключ? — уточнил Кенрон.

— Да, но... — замялся Чафис.

— Мышь нас обнаружит, тут ничего не поделать, — сказал Кенрон. — По крайней мере, на это у нее уйдет время. Будем действовать быстро и сможем от нее избавиться. Готов?

Кенрон поднялся и помог встать кобольду. Чафис заметно хромал на левую ногу, он заваливался вперед при каждом шаге и, казалось, вот-вот упадет и все же ему удавалось восстанавливать равновесие. Они вышли из убежища между высокими стеллажами, которое можно было считать относительно безопасным, и побрели через темный лабиринт из столов, ящиков и гор различного хлама.

Должно быть, они плутали по темному залу минут десять, пока, наконец, не добрались до стены с массивной стальной дверью. Висящий замок был столь огромен, что, привязав его к палке, им можно было орудовать, как боевым молотом.

— Давай ключ, — сказал Кенрон и протянул руку.

— Ты уверен? — спросил Чафис.

— Что значит, уверен ли я? — изумился Кенрон. — Я понимаю, что мы берем без спроса, но ведь меч нам нужен для дела. Разбойник ты или нет, в конце концов?

Чафис пожал плечами, свободной рукой он снял ключ, что висел у него на поясе, и протянул Кенрону.

— Удачи тебе с этим замком, — сказал кобольд.

Кенрону пришлось потрудиться, чтобы отыскать в темноте замочную скважину, он засунул ключ внутрь запирающего механизма и, повернув в одну сторону, затем, в другую, обнаружил, что ключ не подходит. Повозившись еще немного, он выдернул ключ и развернулся к Чафису, чтобы взглянуть ему в глаза. Кобольд смотрел на Кенрона с искренним удивлением.

— Нет, этим ключом замок не отпереть, — сказал Чафис. — Ты же не думал, что простому уборщику дозволено открывать двери склада с оружием?

— Где же нам искать ключ от этого замка? — процедил Кенрон.

— У главного смотрителя и старшего мастера оружейных дел, разумеется, — разъяснил Чафис, пожимая плечами. — Один из них сейчас на крыше...

— Второй же прямо сейчас пытается нас убить, — закончил Кенрон. — Великолепно.

Он подошел к ближайшему верстаку кобольда ремесленника, увлекая Чафиса за собой. Несколько рукоятей мечей, шило, долото и молоток — вот все, что обнаружил Кенрон. Кобольд не чинил сломанное оружие, а лишь разбирал его. Разумеется, для перековки лезвия требовались плавильная печь и наковальня — устройства столь тяжелые, что разместить их на втором этаже здания не было никакой возможности. Кенрон понял, что обойди он даже все столы ремесленников, не найдет на них ни единого годного меча. Сломанный же меч он обнаружил быстро.

В дальнем углу крышки верстака лежала рукоять меча, от которой мастер починки еще не успел отсоединить сломанное лезвие. Кенрон засунул пистолет за пояс, взял находку и поднял вверх, пытаясь в тусклом звездном свете оценить, насколько лезвие пришло в негодность. Меч был вдвое короче, чем ему полагалось, на оставшейся части лезвия хватало зазубрин, хотя, судя по блеску кромки, острота еще сохранилась.

Кенрон потащил Чафиса обратно к двери склада с оружием.

— Ты нашел меч, отлично, — воскликнул кобольд.

— Сейчас это не оружие, а в лучшем случае инструмент, — бросил по пути Кенрон. — Знаешь, половина пользы от замка в том, что он выглядит надежным настолько, что вскрыть его даже не пытаются. Иногда стоит приложить немного усилий...

Кенрон вставил лезвие между массивной дужкой и корпусом. Сами по себе детали запирающего механизма выглядели весьма прочными, сломать их мечом даже в идеальном состоянии было невозможно. Насколько прочен механизм внутри корпуса, размышлял Кенрон, это зависело от искусности и добросовестности зеннатских мастеров. На поверку замок мог оказаться, как хлипким, так и надежным, как скала.

Звук хлопающих крыльев раздался в тот момент, когда Кенрон потянул за рукоять меча. Чафис тут же схватил его и принялся трясти.

— Он уже здесь, господин Золис идет за нами! — завопил кобольд. — Он знает, где мы!

Замок приподнялся, что-то внутри него заскрежетало, Кенрон почувствовал, как дужка мало-помалу выходит из увесистого корпуса. В этот момент острые когти врезались в его плечи. Летучая мышь ударила Кенрона с такой силой, что меч в его руке тут же переломился, замок ударился о дверь, возвращаясь в исходное положение.

Кубарем Кенрон откатился к стене и врезался в нее спиной.

Краем глаза он успел заметить, как ноги кобольда оторвались от земли, еще мгновение и Чафис скрылся во тьме под потолком. Кенрон попытался встать, но лишь понял, что тело его не слушается, хлопки крыльев тем временем, раздавались все дальше и дальше.

— Лови, Чафис!

Кенрон швырнул рукоять меча с обломком лезвия во тьму. Это, скорее, был жест отчаяния и бессилия, он и не надеялся, что кобольд сумеет поймать брошенный наугад предмет, а, если и схватит его, обломок лезвия был слишком коротким, чтобы причинить монстру серьезный вред.

Визг, от которого у Кенрона перехватило дыхание, заполнил все уголки темного зала.

Нечто когтистое рухнуло на пол, послышался звук быстрых шагов, вскоре Чафис выбежал из крошечной тьмы, в его руке была рукоять меча с лезвием, покрытым серной слизью.

— Сюда! — воскликнул кобольд и тут же бросился бежать дальше, на ходу он бросил. — За мной! Я знаю, что делать!

Кенрон поднялся и побрел в темноте, стараясь не наткнуться на верстак, стул или устройство кобольдов ремонтников. Ему удалось восстановить дыхание и побежать трусцой. К счастью, Чафис больше не кричал, чтобы следовать за ним хватало стука его когтей о каменный пол. Должно быть, они пробежали половину этажа до того, как Кенрон уперся руками в стену и по инерции приложился о нее грудью.

Чафис стоял рядом с серой деревянной дверью без отличительных знаков.

— Все в порядке, в этот раз у меня подходящий ключ, — заверил он.

Чафис засунул ключ в замочную скважину, повернул, раздался щелчок, дверь открылась. Кенрон не знал точно, когда кобольд успел заполучить ключ обратно, но был рад, что у его приятеля оказалась хоть капля предусмотрительности. Чафис юркнул в открывшийся проем, за ним последовал и Кенрон. Дверь захлопнулась, замок щелкнул еще раз.

Из небольшого окна высоко под потолком струился мягкий свет звездного неба. Они оказались в тесной комнате, в одном углу которой стояли выстроенные в ряд швабры и ведра, в другом громоздилась приличных размеров бочка. Внутри Кенрон обнаружил серый порошок с едким запахом.

— Как же я испугался, когда Золис схватил меня! — воскликнул Чафис. — Он поднял меня в воздух и понес куда-то в темноту. Но я поймал рукоять, которую ты мне кинул, и ткнул его в прямо в лапу, тут он меня и выпустил.

— Это не склад оружия, — сказал Кенрон. — Тут даже нет ремесленных инструментов, что мы тут забыли?

Чафис сел на пол, прислонившись спиной к стене, он вытянул лапы и растопырил когтистые пальцы, после чего заложил руки за голову и закрыл глаза. Кенрон заметил, что все тело кобольда было покрыто ранами, царапинами и синяками, серый камзол и штаны были изорваны, один из рукавов, пропитан кровью — к слову, красной, как у людей — и почти оторвался. Если бы Кенрон был ранен столько же раз, то вряд ли смог бы стоять, не то что бегать.

— Обычно тут я пережидаю, когда к нам приходят важные кобольды с проверкой, — сказал Чафис. — Можно посидеть и подумать, как нам прошмыгнуть мимо Золиса.

Кенрон взял одну из швабр, что стояли у стены, наступил на рейку, которую при использовании обматывали тряпкой, и выдернул длинную деревянную рукоять. Он забрал обломок меча у Чафиса, сел рядом и принялся затачивать конец палки, методично снимая деревянную стружку.

— Хорошо она нас потрепала, — сказал Кенрон. — Знаешь, я соврал, нет никакой сказки про мальчишку и разбойника.

Чафис раскрыл рот, кажется, он хотел что-то сказать, но затем лишь устало опустил голову.

— Так ты обманул меня? — спросил он.

— Я думал, ты на стороне зеннатской ведьмы, — сказал Кенрон.

— Я готов сделать для госпожи Лисидии что угодно, — проговорил Чафис, разглядывая свои ноги.

— Да, верно, — сказал Кенрон, он осмотрел острие деревянного кола сделанного из

ручки швабры, пожал плечами и снова принялся снимать стружку. — Сейчас не лучшее время, но я хочу извиниться. Из-за меня тебя ранили, когда это закончится, я придумаю, как тебе отплатить.

— Я думал, что смогу вернуться к госпоже Лисидии на крышу и сказать, что выполнил ее задание, — пробормотал Чафис. — Думал, она меня заметит, но какой в этом толк? Люди и кобольды не живут вместе, наверно, люди считают кобольдов противными существами.

— Нас чуть не сожрала огромная летучая мышь, а ты думаешь, о том, как к тебе относятся люди? — спросил Кенрон, не отвлекаясь от работы. — Да какая разница, как они к тебе относятся?

— Я ведь увязался за тобой только, чтобы понравиться ей, — продолжил Чафис. — О чем я только думал. Неважно, что я делаю, она никогда не обратит на меня внимание. Должно быть, человеку противно даже касаться кобольда.

Какое-то время деревянная стружка падала на пол в полной тишине.

— Знаешь, я даже целовался с кобольдом, — сказал Кенрон.

— Быть не может! — воскликнул Чафис.

— Всего несколько дней назад на крыше рынка, что посреди города, — сказал Кенрон.

— И что ты почувствовал?

— Ничего, — сказал Кенрон. — Мне не было противно, как ты говоришь. Знаешь, даже немного приятно.

— Значит, у меня все же есть шанс, пусть и небольшой, — медленно проговорил Чафис, он явно о чем-то думал, взвешивал равные по важности варианты.

— Я не знаю, что на уме у Лисидии, и, тем более, не знаю, хорошая ли это идея — пытаться ей понравиться, — сказал Кенрон, разглядывая, достаточно ли острым в этот раз вышло его оружие. — Но, если хочешь, чтобы на тебя обратили внимание, нужно сделать что-то полезное и выдающееся.

Кенрон бросил заостренную рукоять швабры на пол — толку от нее было чуть, она лишь помогла ему немного отвлечься. Летучая мышь появлялась из темноты, наносила удар и исчезала так быстро, что он не успевал навести на нее пистолет. Деревяшка лишь даст ему ложную надежду, что у него есть преимущество.

— Я хочу знать... ты собираешься навредить Лисидии? — спросил Чафис после долгого молчания. — Скажи честно, без обмана.

— Родители ушли на встречу с ней рано утром и не вернулись, — сказал Кенрон. — Раньше эти встречи проходили так быстро, что я о них даже не знал. Лисидия все еще здесь, думаю и родители тоже должны быть где-то недалеко. Я должен узнать у нее, как она связана с их пропажей. Только что она превратила нескольких кобольдов в монстров, непохоже, чтобы она сильно заботилась о тех, кто ее окружает. Если придется, я заставлю ее ответить мне.

— Ты собрался выстрелить в нее из этой штуки? — проговорил Чафис, указывая на рельсовый пистолет, который Кенрон держал за поясом.

В этот момент снаружи раздался скрежет. Что-то твердое и острое скребло по стене, звук приближался к двери кладовой. Кенрон вскочил на ноги, выхватил пистолет и прижался к каменной кладке.

— Нас ведь не было слышно, — сказал Чафис, прикрывая рот рукой.

— Эта мышь хорошо тебя знает, — шепотом ответил Кенрон. — Ищет там, где ты постоянно прячешься.

На мгновение скрежет снаружи стих. В камуфляже уже не было никакого толку, если летучая мышь догадалась, что они затаились в кладовке, она отыщет их, несмотря на дайгонскую магию.

Дверь с хрустом пробил длинный острый коготь, петли и доски затрещали. Существо снаружи было непомерно сильным для летающего зверя. Хруст и треск усиливались с каждой секундой, дверь выдирали, словно гнилой зуб.

Кенрон зачерпнул из бочки белого порошка, сколько влезло в горсть, затем выстрелил сквозь доски несколько раз. В это мгновение дверь разорвало на куски и швырнуло вглубь зала, где она исчезла во тьме. Выскользнув наружу, Кенрон швырнул порошок в то место, где должна была стоять сотворенная магией тварь. На мгновение ему показалось, что мышь исчезла и тут же он все понял. Голова, покрытая серой шерстью словно бы вылезла из каменной стены и вцепилась в руку, держащую пистолет. Вторая голова с раскрытой пастью метнулась к шее Кенрона, длинные острые зубы сомкнулись на рукояти сломанного меча, которой Кенрон успел защититься в последний момент. Тварь сбила его с ног, и оба они повалились на каменный пол.

Чафис поднялся на ноги и подобрал с пола заостренный кол. Первым его желанием было немедленно выбежать прочь из оружейного дома — его обманом заставили идти против воли госпожи Лисидии. Не ему полагалось сражаться с сотворенными ей ужасными существами. Он крепче сжал оружие обеими руками, нет, его никто не звал в эту историю, значит, он пригласит себя сам. Он выскочил из кладовой и тут же наткнулся на Кенрона, сцепившегося в схватке с огромным серым монстром с двумя головами.

Подняв вверх заостренную рукоять швабры, Чафис чуть помедлил, а затем со всей силы вонзил ее в бок того, кого недавно мог назвать своим другом.

Кенрон лежал на полу, он смотрел в потолок и видел только тьму. Все звуки пропали, не было слышно ни цоканья когтей кобольда по каменному полу, ни хлопанья крыльев огромной летучей мыши. Его чувства свелись лишь к ощущениям боли во всем теле. Легкая кожаная куртка, в которой он пришел, не смогла его хоть сколько-то защитить.

Плечо ныло при малейшем движении после укуса болотного барибала, запястье все еще чувствовало острые длинные зубы одной из голов летучей мыши. К этому добавилась боль в спине от удара о стену и какая-то новая боль в животе. Кенрон не помнил, чтобы кто-то из монстров умудрился ранить его в живот, такая травма была бы крайне несвоевременной. Руки можно было наскоро перевязать лоскутами, оторванными от рубахи, но что делать со внутренним кровотечением он понятия не имел.

Левой рукой, которая за вечер почти не получила повреждений, Кенрон ощупал живот, слегка надавил — действительно, болит. Он нажал сильнее, раздалось урчание.

— Как же есть хочется, — пробормотал Кенрон.

К нему подошел Чафис и протянул четырехпалую руку. Кенрон помотал головой, ему хотелось полежать на полу еще хоть немного, дыхание лишь только что восстановилось. К тому же, на каменной кладке ему было вполне удобно, не полноценный отдых, но хоть что-то.

Кенрон повернул голову, прямо напротив себя он увидел серую морду летучей мыши — черные блестящие глаза смотрели на него не отрываясь, из клыкастого рта медленно текла слюна, образуя небольшую лужицу. Кенрон тут же вскочил на ноги, боль во всем теле вовсе не исчезла, но сейчас было не до нее. Мышь так и осталась лежать на полу, ее тело было насквозь пробито деревянным колом, обе клыкастые морды застыли, изображая некое подобие ярости.

Несколько секунд Кенрону потребовалось, чтобы сориентироваться — он запомнил, что в левой стене от входа на второй этаж было шесть окон, а в правой восемь. Сейчас эти чуть заметные издали точки слабого света помогли ему понять, в какую сторону следует идти, чтобы добраться до лестницы на третий этаж. Остаться рядом с трупом поверженной летучей мыши у Кенрона не было никакого желания.

Он шел медленно, стараясь не налететь на верстак и не запнуться о разбросанные после сражения по полу инструменты. Чафис тут же последовал за ним, цокая когтями по каменному полу.

— Я слышал, как захрустели ее ребра, — сказал Кенрон. — Вы кобольды даже опаснее, чем я думал, если сумеете подобраться со спины.

— Поначалу я и вовсе хотел сбежать, — признался Чафис.

— Это было бы весьма мудро с твоей стороны, — сказал Кенрон. — Я рад, что ты помог, но мне пока нечем тебе отплатить. Ты рискуешь просто находясь здесь, а ведь от этих сражений тебе нет никакой выгоды.

— Ошибаешься, — сказал Чафис. — Дважды. Будем считать, что ты мне заплатил. Ведь ты разрешил мне оставить себе дары госпожи Лисидии. Правда, я выронил их, когда на меня напал Зофис, но ничего, найду по запаху ароматного хлеба.

Фраза заставила Кенрона усмехнуться.

— Раньше я считал, что униформа охотника нужна, чтобы спастись от ран, — сказал

он, — а не чтобы платить за раны.

У Кенрона снова заурчало в животе.

— Ты обещал отдать хлеб мне! — воскликнул Чафис.

— Не собираюсь я есть то, что когда-то было куском крыши, — сказал Кенрон, прекрасно понимая, что не знает он о необычайном происхождении куска хлеба, уже уплетал бы его за обе щеки.

— Мне есть выгода с этих сражений и большая, — сказал Чафис. — Спокойнее стало, когда Зофис умер.

— Он был той еще занозой... — сказал Кенрон.

— Он был моим другом, — отрезал Чафис. — Госпожа Лисидия превратила его в зверя, но теперь это ничего не значит. И ты не должен говорить про нее плохого!

Кенрон не знал, чем именно его высказывания о Лисидии могут навредить ей, в конце концов он был лишь одним из многих молодых охотников Дайгона. Ко словам его отца могли прислушаться, а сам он еще не заслужил никакого доверия соотечественников.

Тем временем, Чафис продолжил.

— Теперь мы никогда не узнаем, хотела она превратить Зофиса обратно в кобольда или нет, потому, что я убил его, — кобольд чуть помедлил и добавил. — То же самое с Петри, которого ты убил на первом этаже. Не пристрели ты его, может, он и стал бы снова нормальным.

— Значит, теперь я — негодяй, — заключил Кенрон.

— Верно, и я тоже, — охотно согласился Чафис. — Надеюсь, сейчас имя госпожи Лисидии очищено. Хотя, нет, остался еще повар-кашевар Милур. Он ждет нас на третьем этаже. Убьем его и больше никто не скажет, что госпожа превращает кобольдов в страшных тварей ради своего развлечения, и навсегда оставляет их в таком виде.

Положение окон под потолком, словно бы с неохотой пропускающих слабый свет ночного неба, подсказывало, что коридор, ведущий к выходу на третий этаж был уже близко.

— Я понял, чего ты добиваешься, но у меня для тебя плохие новости, — сказал Кенрон. — Мы с тобой больше никого не убьем.

— Даже Милура? — удивился Чафис.

— Тебе бы успокоится, — сказал Кенрон. — Ты весь в ранах, тебе нужно в город, в лечебницу.

— На третьем этаже есть лазарет, — сказал Чафис. — Сейчас там никого, но нам нужно спросить разрешения прежде, чем там что-то трогать.

— В любом случае, дальше я иду один, — сказал Кенрон.

— Разве я не помог тебе уже два раза? — напомнил Чафис. — Ведь только со мной ты одолел Петри и Зофиса.

— Пусть так, но я не могу вести на охоту того, кого не могу защитить, — сказал Кенрон. — Забирай свои дары и отправляйся в город. Там тебе обработают все ссадины.

— Если ты не хочешь вести меня в бой, пусть я буду главным, — предложил Чафис. — Если со мной что-то случится, сам буду виноват.

— Не глупи, — отмахнулся Кенрон, — дело не в том, кто главный, а в том, кто сможет пережить этот бой.

— Скажи, сколько пуль у тебя осталось?

Кенрон подошел к одному из окон, вытащил магазин и принялся доставать пули одну за другой. Все оставшиеся боеприпасы легко поместились на его ладонь.

— Девять, — сказал он.

— Если возьмешь меня с собой, расскажу, где можно раздобыть еще десяток, — пообещал Чафис.

Кенрон покачал головой, подобное заявление звучало крайне неправдоподобно. Кобольд хотел поучаствовать в следующей охоте или, скорее, в битве, он пробовал разные способы убеждения. и вот дело дошло до лжи. Пожалуй, решил Кенрон, он это заслужил, ведь сам начал с того, что обманом затащил кобольда на второй этаж.

— Это редкое оружие, мало у кого из дайгонцев есть такое, — сказал Кенрон.

— Однажды в зал с для стрельбы из лука пришел охотник, — сказал Чафис. — Он был огромного роста с волосами цвета моркови. У него было такое-же оружие, он превратил несколько мишеней в щепки, затем ушел, не сказав ни слова.

— Это мог быть мой отец, — догадался Кенрон. — Или кто-то на него похожий.

— Один из моих приятелей подобрал пули и оставил их себе на память, — сказал Чафис. — Он хранит их под матрасом в спальнной комнате. Ты ведь можешь снова их использовать?

— Если они сохранили изначальную форму и все еще помещаются в магазин, — сказал Кенрон.

— Я отведу тебя к месту, где они спрятаны, — сказал кобольд изображая нечто похожее на ухмылку. — Только возьми меня с собой.

Обдумывая предложение, Кенрон подошел к арке за которой находилась каменная лестница, ведущая на третий этаж.

— Хорошая попытка, Чафис, — сказал Кенрон. — Но ты останешься здесь.

Он закрыл глаза, задержал дыхание и некоторое время пытался не замечать боль от ран. Вскоре Кенрон смог скрыть себя камуфляжем, использование магии отдалось головокружением, это означало, что, скорее всего, в ближайшее время он не сможет больше использовать дайгонское колдовство. Минут десять, камуфляж еще будет скрывать его, после чего полагаться останется только на свои рефлексy и инстинкты.

Чафис вытянул руку и попытался схватить Кенрона, тот легко увернулся, оставив кобольда ни с чем.

Каждый следующий шаг по каменной лестнице давался все легче — непроглядная темнота отступала. Кто бы ни ждал на третьем этаже, он предпочел оставить масляные лампы на стенах горящими. Скорее всего, темнота не давала зверю никаких преимуществ или же напротив свет позволял прислужнику Лисидии получить перевес в грядущем сражении.

— Спальная комната номер четыре, — крикнул Чафис откуда-то снизу. — Вторая кровать слева, ищи там.

Кенрон кивнул, эта победа нужна была им обоим, независимо от того, кто шел в бой, а кто остался позади.

Первое, что бросалось в глаза на третьем этаже — паутина, она была повсюду, толстые словно канаты белые нити тянулись от пола к потолку, от одной стены к противоположной. Длинный просторный холл был словно покрыт снегом сверху донизу. Однако, путь не был перекрыт полностью, кое-где нити можно было обойти, пригнувшись, прижавшись к стене или попросту... В конце концов, какой толк от ловушки, если никто в нее не заходит?

Множество коридоров отходили от главного холла в разные стороны. Где-то в одном из

них, наверняка, располагались спальные комнаты с заветными пулями под матрасом. А в другом ответвлении должен был находиться лазарет, так необходимый кобольду.

Кенрон так и не спросил у Чафиса, где лестница на крышу, впрочем, он уже догадался, что путь ему предстоит неблизкий. Судя по логике, которой руководствовались зеннатские архитекторы, лестница должна была находиться у противоположной стены здания.

Приглядевшись, Кенрону удалось разглядеть высокий белый столб в самом конце холла. Должно быть, это и была лестница на третий этаж, вся предусмотрительно залепленная паутиной. Для того, чтобы ее расчистить, нужно было какое-то время. Это означало, что от вредоносного существа на этом этаже следовало избавиться в первую очередь. Затем можно было поискать пули или отправиться напрямиком к Лисидии.

Паука нигде не было видно.

Кенрон принялся пробираться по залепленному паутиной коридору. Он шел медленно, ныряя под белыми жгутами, кое-где пришлось проползать на брюхе. К счастью, нити паутины были натянуты далеко друг от друга. Взрослому, пожалуй, было бы сложно их не задеть, у Кенрона же не касаться паутины выходило без особого труда.

Пройдя холл до середины, он увидел движение впереди. Кенрон поднял пистолет и заметил, что после нескольких укусов правая рука уже не могла держать оружие твердо. Мушка ходила ходуном, нужно было стрелять с близкого расстояния, желательно и вовсе в упор.

Паук был огромным. Его лапы походили на черные тощие руки, каким-то образом зацепившиеся за потолок. Повернувшись массивным черным брюхом к Кенрону, он висел под потолком без малейшего движения. Стрельба по брюху вряд ли убила бы его мгновенно, зато могла выдать положение стрелявшего — метить стоило исключительно в голову.

Кенрон все еще был в камуфляже, но этого преимущества он мог лишиться в любой момент. Он был вовсе не так вынослив, как отец, который мог оставаться незримым для противников часами. Волнение и раны постоянно подтачивали концентрацию. Стоило дайгонцу запаниковать, и камуфляж развеивался сам собой. Время, что у него было, Кенрон решил потратить на то, чтобы подобраться к пауку снизу и выстрелить, метя точно в голову.

— Я ненавижу, — прошептал паук.

Кенрон вздрогнул, этого только не хватало, еще одно создание, в котором сохранилась искра предыдущего разума.

— Ненавижу, — повторил паук шипящим голосом, лишь отдаленно напоминающим человеческий. — Как же я ненавижу...

Голова все еще не была в поле зрения, можно было попытаться выстрелить в брюхо, вот только пользы от этого могло не быть вовсе. Насекомые и пауки имели все те же основные органы, что и звери, располагались эти органы вытянутыми по всему телу. Можно было трижды выстрелить в брюхо, трижды попасть в длинное, словно водосточная труба, сердце и не остановить его работу. А, скорее всего, стрелявший лишь наделает дыр в пищевode паука и каких-то детородных органах.

Кенрон подошел еще ближе, в этот момент брюхо паука задрожало и выплеснуло наружу целую струю серой паутины. Кенрон метнулся в сторону и тут же врезался плечом в стену. Ему удалось увернуться от большей части вязкой жижи, и все же левую руку и часть груди залило так, что они приклеились сразу к нескольким натянутым позади него липким нитям.

Кенрон задержал дыхание, чтобы успокоиться, и замер. Да, в него попали, но ему

удалось сохранить камуфляж. Даже после своей удачной атаки паук не должен был подозревать о его присутствии.

Длинные черные лапы задвигались, лязгая по потолку. Паук перевернулся, и спрыгнул, устроившись на нитях своей паутины. После чего он пополз к Кенрону. Голова гигантского восьмилапого существа была «вдавлена» в тело, на ней было множество черных глаз и короткие лапки, чтобы заталкивать еду в рот.

Существо остановилось неподалеку, Кенрон нацелил пистолет, метя в голову

Паук отшатнулся назад, словно ожидая атаки, и тут же метнулся вперед, длинной острой лапой он ударил в левое плечо Кенрона, точно в место, куда ранее легла его паутина.

Кенрон выстрелил, пуля разрубила одну из нитей паутины и отскочила от стены — паук резко подался назад, он ударил снова и снова, пробив куртку почти у локтя, ранив Кенрона в предплечье. Левая рука Кенрона была скованна паутиной, но вовсе не бесполезна, когда паук попытался ударить в четвертый раз, Кенрон схватил его за лапу, шипы больно врезались в ладонь, зато паук перестал дергаться.

Камуфляж тут же развеялся.

Кенрон нацелил пистолет в голову паука, прямо в россыпь черных глаз. Он нажал на спуск, в этот же момент паук защитил голову, подставив под выстрел лапу, которую держал Кенрон. Сочленение разлетелось, обдав Кенрона хитиновыми осколками. Лапа отделилась от паука и повисла в руке. Кенрон тут же бросил ее на пол. Паук попятился, словно понимая — сейчас ему будет худо. Кенрон выстрелил, уже не пытаясь попасть точно в голову. Он стрелял снова и снова. Прوماхи чередовались с попаданиями, одна пуля сорвала со спины паука толстую хитиновую пластину, другая врезалась в брюхо, желтая жижа выплеснулась фонтаном. Паук все пятился, пытаясь скрыться за нитями паутины. Еще несколько желтых фонтанов вырвались из его брюха, заляпав внутренностями стены и потолок, три глаза из восьми превратились в черную воду, осевшую на паутине, одну из оставшихся семи лап вывернуло в обратную сторону. Пистолет издал сухой щелчок — пули закончились. В этот же момент паук окончательно скрылся в глубине холла за бесчисленными белыми нитями.

Кенрон потянул левую руку, которую паук ухитрился прилепить сразу к двум толстым жгутам паутины. Раны тут же отозвались болью, клейкая масса отпускала неохотно, она вытягивалась, утончалась и постепенно становилась все тверже. Кенрон уперся ногой в стену и напряг мышцы всего тела, чтобы освободиться, он тянул руку на себя, пока, наконец, не вырвался из липких пут.

В этот момент длинная черная лапа ударила точно по запястью правой руки, боль от удара прошла все тело, пистолет вылетел из руки и упал на пол. Шипы вонзились в плечи Кенрона, и его потянуло вверх. Над собой он увидел гигантского паука, все раны монстра зажили, глаза восстановились, лишь по отсутствию одной из лап было ясно, что это тот же паук, на которого Кенрон только что израсходовал все оставшиеся пули.

— Как же я ненавижу пауков, — раздался сверху омерзительный шипящий голос.

Сейчас не было никакого смысла сражаться, решил Кенрон, мало того, что он лишился боеприпасов и самого оружия, камуфляж ему сегодня больше применить не удастся.

Одним быстрым движением Кенрон расстегнул все пуговицы на куртке и выскользнул из нее. Он приземлился на корточки и тут же бросился бежать так быстро, как позволяла перекрывающая холл паутина. Вскоре он добрался до каменной арки и лестницы, ведущей вниз.

Спускаясь, Кенрон увидел мерцание пламени. На втором этаже было уже не так темно,

как раньше. Чафис сидел на полу, скрестив ноги, на его коленях лежала сложенная в несколько раз униформа охотника и нетронутый кусок серого хлеба поверх нее. Вокруг себя кобольд расставил четыре факела, выполненных из швабр и намотанных на них тряпок, видимо, вдобавок пропитанных маслом, что вытекло из разбитых ламп. Это зрелище напомнило Кенрону рассказы о суеверных охотниках, устраивающих самые разные причудливые ритуалы, чтобы в лесу им сопутствовала удача.

— Тебе удалось убить Милура? — спросил Чафис. — Имя госпожи можно считать очищенным?

— Увы, но я проиграл, — сказал Кенрон. — Паук меня одолел, пришлось сбежать. Признаю свое полное поражение.

Пламя четырех самодельных факелов освещало пространство рядом с арочным проемом, ведущим к лестнице. Кенрон разглядывал Чафиса и видел упрек в его кобольдских глазах. Тем не менее, решение отступить в эту минуту казалось Кенрону единственно верным.

— Ты не боялся медведя и мыши, а паука испугался? — спросил Чафис.

Тени от дрожащего пламени плясали на вытянутой зеленой физиономии кобольда, придавая ему мистический вид. Сейчас он мог бы вполне сойти за иноземного мудреца, который взялся оценивать каждый шаг Кенрона с высоты нескольких сотен прожитых лет. Такие кобольды и вправду жили в Дайгоне, и двоих из них — Арвин и Венни — Кенрон встречал не так давно. Возможно, он и выслушал бы их совет, вот только сейчас перед ним сидел вовсе не мудрец, а уборщик помещений, не понимающий в охоте совершенно ничего.

— Ты явно никогда не пытался убить зверя сильнее себя, — сказал Кенрон. — Если ты бежишь только, когда тебе страшно, ты бежишь слишком поздно. Хороший охотник никогда не боится, это непрофессионально, так говорил мой отец.

— Что это там зашевелилось? — спросил Чафис и указал на арочный проход, ведущий к лестнице.

Кенрон тут же отпрыгнул от входа и вскинул сжатые в кулаки руки, готовясь отражать нападение.

— Вот он наш бесстрашный охотник, — усмехнулся Чафис.

— Хорошо, мне немного страшно, — признался Кенрон. — Но я стараюсь принимать решения, рассуждая логически. Там всюду паутина, и у паука явное преимущество. Сейчас у меня нет никакого оружия. Не выйдет и незаметно пройти мимо него.

— Есть отличный план, — сказал Чафис. — Мы пойдем туда вдвоем, один из нас станет отвлекать Милура, а другой проберется в спальню и достанет пули для пистолета. Пауку нужно охранять лестницу на крышу. В трех местах одновременно он быть не может.

— Я успел заметить, что медведь и летучая мышь восстанавливались после ранения, но только один раз, — сказал Кенрон. — Я ранил паука, он излечился, возможно, следующая атака его добьёт.

Кенрон принялся расхаживать взад и вперёд, он обдумывал предложение кобольда какое-то время. Охота с разного рода примачами часто применялась в дайгонских лесах. Способ был верным, он позволял контролировать животное так, что оно об этом даже не подозревало. Минус у этого метода был только один — опасность для самой приманки быть съеденной.

— Нет, Чафис, это слишком рискованно, — сказал Кенрон. — Я видел, на что способен паук, он может быстро двигаться там, где развешана паутина. Он легко догонит любого из нас. Без подходящего оружия я туда не вернусь.

— Значит, ты больше не ищешь встречи с госпожой Лисидией? — спросил Чафис.

— Я попаду к ней другим способом, — заверил Кенрон. — Вылезу в окно и заберусь по стене на крышу. Тогда мы с ней и поговорим.

— А как же Милур? — спросил Чафис.

Кенрон никогда не считал, что животное должно быть убито только потому, что оно опасно для человека. Лес был пристанищем для тысяч видов зверей, многие из которых

могли разделаться с человеком без камуфляжа за считанные секунды. И все же эти животные удивительным образом получали выгоду от соседства друг с другом.

— Вернее всего, его выпустят в лес, когда в нем не будет надобности, — сказал Кенрон.

— Тогда многие будут плохо думать о госпоже Лисидии, — сказал Чафис. — Может, даже попытаются навредить ей, прямо, как ты.

— Ей это пойдет на пользу, — сказал Кенрон, он не хотел спорить с кобальдом о зеннатской ведьме хотя бы потому, что у него не было на это сил. Он решил подобрать слова более мягкие, чем те, что крутились в голове. — Ей бы не помешало... подумать о своем поведении.

Кенрон взял один из факелов, которые Чафис расставил вокруг себя, и отправился изучать ближайший ряд верстаков. Ему нужно было найти подходящий инструмент для подъема по отвесной стене. Кенрон был уверен, что при должной подготовке ему удастся свести риски к минимуму. Он уже находил рукоять со сломанным лезвием, стоило раздобыть еще две, и покорение внешней стены можно было начинать.

Гореть самодельным факелам оставалось недолго. Чафис решил задержаться на втором этаже лишь для того, чтобы увидеть, как Милур будет повержен. Он был последним из тех, кого госпожа Лисидия изволила превратить в монстров. Кенрон подвел его, сбегав от сражения. Более того, Чафис предложил отличный план, как можно было исправить ситуацию, но мальчишка и слушать его не захотел.

Про дайгонцев говорили, что они лучшие охотники, но этот конкретный оказался боязливым и недалевидным. Чафис решил, что сможет доказать дайгонцу свою правоту. Милуру никогда не было дело до Чафиса, они ни разу не говорили друг с другом. Хотя, Чафиса иногда и подмывало признаться повару в том, как ужасна на вкус его стряпня. А раз так, то и преследовать Чафиса Милур не должен, ведь его главная задача — не дать дайгонскому мальчишке добраться до лестницы.

Чафис поднялся, он положил свернутую униформу и кусок хлеба на верстак, отодвинул их подальше от края, чтоб не свалились, и отправился к каменным ступеням.

Паутины в холле оказалось больше, чем он предполагал. Тем не менее, раз Кенрону удалось пробраться через сеть толстых белых нитей, то и у него выйдет. В конце концов, они были почти одного роста. Разве, что за хвостом стоило следить — не хватало во что-то вляпаться.

Чафис пролез между несколькими нитями паутины и добрался до середины холла. Впереди на полу лежал длинный черный предмет, напоминающий переломленную пополам швабру. Паучья нога, сообразил Чафис, а рядом с ней валялся брошенный Кенроном пистолет. Недолго думая, кобальд добрался до пистолета и положил его в карман пиджака. Милур наверняка охранял лестницу на третий этаж, соваться туда не следовало.

Чафис свернул в коридор, ведущий к спальным комнатам. В одной из них под матрасом, на котором спал его приятель, должны были лежать пули. Если, конечно, их не выкинули при очередной уборке. Чафис сам не мог воспользоваться пистолетом — он уже проверил это на крыше — значит, ему нужно было вернуться к мальчишке на второй этаж и снабдить его оружием. После чего смелости у дайгонца должно было прибавиться.

Паутины в коридоре, ведущем прочь от главного холла, было гораздо меньше. Чафис готов был броситься бежать к спальне, когда увидел, что его тень ведет себя странно. По роду деятельности он часто разглядывал то, что было у него под ногами, когда

мыл пол, старательно елозя по нему шваброй. В этот раз тень была более округлой, чем обычно. Судя по черному силуэту, из его головы, плеча и левой ноги принялись расти длинные острые шипы.

Первое, что усвоил Кенрон из уроков отца, когда тот учил его охоте — успех любого дела кроется в подготовке. Для подъема по стене нужен был надежный инструмент. Верстак за верстаком, ряд за рядом, Кенрон обошел половину зала второго этажа, освещая себе путь факелом. Ему удалось найти одну рукоять меча с прочным обломком лезвия и несколько таких, которые разлетелись на мелкие куски, стоило ему ударить ими о стальной угол стола.

Сверху раздался крик, чем-то напоминающий жалобный мышинный писк. Такой крик Кенрон уже слышал сегодня не единожды. Чафис умудрился угодить в беду, и почему этот кобольд не может усидеть на месте? Кенрон швырнул рукоять меча на крышку ближайшего стола — подъем по стене отменялся. Он бросился бежать к арочному выходу на третий этаж, каменная лестница исчезла из-под ног чуть только успев появиться.

Уже знакомым путем, Кенрон пробрался мимо туго натянутых липких веревок. Он подошел к месту, где недавно встретил паука. На полу лежали обрывки кожаной куртки, похоже, его противник сделал все, чтобы Кенрон не смог использовать один и тот же трюк дважды.

Сдавленный крик раздался из небольшого коридора слева. В руке Кенрона все еще был самодельный факел, который он попросту забыл выбросить по дороге. Горящим концом он коснулся паутины. Раздалось резкое шипение, тем не менее, нить не загорелась и даже не порвалась, огонь держала хорошо. Одного факела ему будет недостаточно, понимал Кенрон. Он присел и подобрал с пола омерзительную черную шипастую лапу. Держать ее в руках было больно, вот только никакого другого оружия все равно не было.

В коридоре, откуда донесся крик, паутины было гораздо меньше, тем не менее, Кенрон не собирался бежать по нему. Напротив, он стал двигаться медленно и главное — тихо. Треск пламени факела и блики огня на стенах могли его выдать, но с этим ничего нельзя было поделать.

В коридоре никого не было, но Кенрон уже не сомневался — Чафис встретил паука и не смог от него убежать. Пол был залит кровью, красная полоса тянулась вперед на несколько метров и сворачивала за угол. Пройдя чуть дальше Кенрон услышал противное чавканье, он добрался до края стены и заглянул за него.

Паук стоял на полу посреди коридора, в этом закутке было всего две нити паутины, на которых массивное существо никак не могло удержаться. Милур, как его называл Чафис, был повернут задней частью к Кенрону и чем-то отвлечен. Противное чавканье слышалось все отчетливее, на полу под ним медленно разливалась лужа крови.

Кенрон бросился к пауку так быстро, как мог. Факел был легким и не годился для битвы. Тем не менее, Кенрон всадил горящую палку в брюхо паука. Ударом удалось пробить хитиновый покров, но палка тут же застряла, пламя начало расходиться по паучьему брюху. Милур никак на это не отреагировал, поглощение добычи полностью занимало его.

Тут же Кенрон ухватился обеими руками за оторванную ранее лапу. Шипы тут же впились в кожу ладоней. Он вонзил хитиновую конечность в горящее брюхо и прошил его насквозь. Визг, наполненный болью и яростью разлетелся по коридору. Паук бросился вперед. Он перепрыгнул через свою добычу, махом преодолел метров пять и горячей спиной врезался в стену в конце коридора.

Чафис лежал на полу, смотря вверх бессмысленным взглядом. Примерно так, как лежал сам Кенрон, пытаясь восстановить силы после сражения с летучей мышью. Были в этой ситуации и большие отличия. Кобольд не мог подняться, даже, если бы захотел — его руки, ноги, тело и даже хвост были прилеплены к каменной кладке серой липкой массой. Чафис был серьёзно ранен, хоть это и не бросалось в глаза — в его животе зияла дыра. Кровь текла тонкой струйкой по боку, образуя лужу на полу.

Кенрон подбежал к Чафису и сел на корточки рядом с ним. Он старался не смотреть на жуткую рану по большей части оттого, что не мог ничего с ней сделать. Он отогнал паука, но не убил, значит, времени у них было не так много. Чафис повернул голову и взглянул на Кенрона, глаза его расширились, словно бы от удивления.

— О, это ты, — сказал он тихим дрожащим голосом. — А где Милур?

— За него не волнуйся, — ответил Кенрон. — Скоро вернется. А вот нам не мешало бы убраться.

Чафис попытался поднять прилепленную к полу руку, сдвинуть ее не вышло даже на сантиметр. Липкая масса почти везде касалась его зеленой кожи и лишь в нескольких небольших местах цеплялась за его одежду. «Сбросить шкуру», как это было проделано ранее, сейчас бы не вышло. Кенрон не представлял, как ему освободить кобольда не потратив на это много сил и времени.

— Я достал пистолет, — сказал Чафис.

— Так что с него толку без пуль? — процедил Кенрон, он стиснул кулаки, ясно ощущая свою беспомощность.

Паук лежал на спине в дальнем конце коридора, огонь полностью потух, оставив после себя лишь ожоги на брюхе и копоть на стенах. Какое-то время тварь, созданная магией, казалась мертвой, иллюзия длилась недолго — семь длинных черных лап зашевелились, пытаясь поймать что-то в воздухе. Опершись о стену, паук перевернулся, его черные глаза уставились на обидчика и незаконченную трапезу. В этот момент Кенрон понял, что путь для побега ему пока не отрезали и возненавидел себя за эти мысли.

Ухватившись за лапу, торчащую из брюха, паук принялся вытаскивать ее из своего тела. Процесс не был безболезненным — существо то и дело вздрагивало, видимо, ощущая, как шипы царапают внутренности. Вскоре лапа была извлечена, и вся в желтой слизи упала на каменный пол. Этого пауку показалось мало, чтобы обезопасить себя. Он поднял лапу, засунул ее конец в рот и принялся пожирать, на пол посыпались хитиновые обломки. Единственное оружие, которым пауку удалось нанести ощутимый урон, постепенно исчезало.

— Если у тебя есть какие-то идеи, я слушаю, — сказал Кенрон.

— Похоже, ему понравились мои внутренности, — сказал Чафис. — Когда он поползет ко мне, ты можешь зайти в спальную комнату. У тебя будет какое-то время, чтобы найти пули и зарядить пистолет.

В коридоре, где они находились, почти не было паутины, к тому же, сотворенное магией чудовище было ранено, и ведьма не торопилась его лечить. Паук должен был растерять большую часть своей прыти, размышлял Кенрон, чтобы прикончить его сейчас много пуль не требовалось.

— Убьешь его и имя госпожи не будет запятнано, — сказал Чафис.

— Плевал я на твою госпожу, — бросил Кенрон. — Этот план никуда не годится. Я не собираюсь оставлять тебя ему на съедение. Один выстрел, Чафис, вспомни, может, ты подобрал пулю с пола или хотя бы что-то похожее по размерам.

— У меня есть пуля, — сказал Чафис.

— И ты молчал?! — воскликнул Кенрон.

Тем временем, хруст лапы, пожираемой пауком, раздавался все громче и раздражал все больше.

— Но ее нужно достать, — сказал Чафис, слова давались ему с трудом, он смог подавить боль в теле, но слабость явно брала свое. — Хотя, сейчас вытащить ее будет не так уж и сложно. На крыше, когда госпожа Лисидия вручила мне пистолет, я случайно проглотил одну пулю. Она должна быть в моем желудке.

Кенрон взглянул на лицо Чафиса, пытаясь понять, шутит он или нет. Время для выдумок было самым неподходящим. Чафис в ответ взглянул на него мол, чего ждешь, действуй.

— Ты просишь меня залезть в твой желудок и поискать там пулю? — спросил Кенрон.

Кобольд взглянул на него и медленно произнес:

— Тебе противно лезть в чужие внутренности?

— Это может тебя прикончить! — воскликнул Кенрон.

— Теперь ты понял, вся вина ложится на того, кто убил, — сказал Чафис. — Я хотел прикончить Милура, чтобы никто не держал зла на госпожу Лисидию. Если боишься замарать свое имя, оставь меня. Милур скоро вернется, похоже, вкус ему понравился.

Хруст хитиновой конечности прекратился. На мгновение Кенрон испытал облегчение — в его уши словно перестали вдавливать два острых гвоздя, вместе с этим он понял, что сейчас ему придется иметь дело с большей проблемой. Обезопасив себя, паук непременно нападет.

— Ты такой дуболом, Чафис, — сказал Кенрон. — Не дёргайся, не разговаривай, знаешь, что, даже не дыши.

Кенрон поднес руку к ране в животе Чафиса, до этого он старался не смотреть на нее, зная, что ничего не сможет с ней поделать. Сейчас же ему приходилось пристально глядеть на нее, чтобы не навредить кобольду слишком сильно. Рана была глубокой и длинной с разорванными краями. Внутри виднелись поблескивающие кишки и округлые внутренние органы, названия которых Кенрон не знал.

Чуть помедлив, он засунул руку внутрь. Кисть не пролезала достаточно глубоко, чтобы дотянуться до дна желудка. Разрыв нужно было расширить. Нехотя, Кенрон надавил на живот Чафиса, чувствуя, как хрустит и расходится плоть, покрытая чешуйчатой кожей. Он продвинул руку глубже, пальцы коснулись вязкой жидкости, затем уперлись во что-то мягкое. Должно быть, это была стенка желудка. Кенрон поводит кистью в разные стороны, и вскоре нащупал мелкий твердый предмет. Зажал его между средним и указательными пальцами, и осторожно вытащил руку. Это и вправду оказалась пуля, она была вся покрыта желтоватым желудочным соком.

Кенрон вытер пулю о рубаху, достал магазин из пистолета, закрепил снаряд на пружине и вернул магазин в рукоять. Он нацелил ствол на паука, но выстрела не последовало — обе его ладони были изранены. Даже сжимая пистолет двумя руками он не мог унять дрожь, мушка поднималась и опускалась, ходила влево и вправо.

Семь длинных черных лап резво семенили по каменной кладке. Паук полз к ним, больше ничто не могло его отвлечь. Преодолев половину коридора, он бежал все быстрее, ведомый голодом и желанием расправиться со своим обидчиком.

Чафис заметил дрожание рук Кенрона, держащих пистолет.

— Значит, все напрасно? — спросил кобольд.

Вместо ответа Кенрон придвинулся к одной из нитей паутины, соединяющей пол и потолок. Он коснулся стволом пистолета липкого каната, отчего дрожание оружия тут же

прекратилось. Кенрон прицелился, чуть отведя рукоять в сторону, и выстрелил. Голова паука в одно мгновение превратилась в веер серой жижи. Тело рухнуло на брюхо, по инерции проехало по полу с метр, врезалось в одну из натянутых нитей и замерло. Из крупного отверстия, на месте которого недавно была голова, на пол потекла густая черная масса.

Кенрон крепко сжимал рукоять пистолета, прилепленного к паутине, он чувствовал, как улыбка расплывается по лицу, и как что-то мешает ему насладиться успехом. Далеко еще до победы, понимал он, Чафис тяжело ранен, а Лисидия все еще игралась с ними. Пока он не наставит на нее оружие, и не пригрозит ей, его беды будут лишь множиться.

— Где лазарет? — спросил Кенрон.

Чафис смотрел на него, не в силах что-либо сказать. Рука кобальда поднялась и опустилась в лужу его собственной крови. Палец нарисовал на полу широкую красную черту, к этой линии добавились несколько ответвлений, затем Чафис поставил на конце одного из них жирную точку.

— Ясно, — сказал Кенрон, — Сейчас вернусь.

Кенрон отправился в главный холл, пробрался мимо нитей паутины, свернул в один из коридоров и подошел к двери, на которой был изображен зеленый лист округлой формы. Растение называлось акмена подгорная, его лечебные свойства издавна были известны дайгонцам. Дверь оказалась незапертой. Внутри помещения белый стол, множество шкафов и стеллажей хорошо освещались сразу четырьмя масляными лампами.

Подбежав к ближайшему шкафу, Кенрон распахнул дверцы и принялся изучать содержимое. Среди множества банок и коробок он пытался найти ту, на которой будет название того самого растения, что красовалось на входной двери. К другим зеннатским лекарствам у Кенрона доверия не было. Не найдя ничего полезного, он раскрыл соседний шкаф, затем распахнул дверцы тумбочки. Вскоре он нашел ящик, забитый бинтами, а чуть позже ему попался на глаза медицинский нож. Банки с раствором акмены были выстроены в ряд в серванте, что стоял у дальней стены.

Собрав добычу, Кенрон отправился к Чафису. Он не позволял себе сорваться на бег — не хватало запнуться о нить вездесущей паутины и уронить все медикаменты на пол. Кобальд все еще дышал, он судорожно хватал воздух, раскрывая и закрывая рот. Первым делом Кенрон попытался разрезать паутину, которой ноги и руки кобальда были прилеплены к полу. Вышло это далеко не сразу, медицинский нож застревал в липкой массе, но все же резал ее, пусть и нехотя. Освободив кобальда, Кенрон оттащил его чуть в сторону, растянул изорванный камзол, залил в рану лечебный раствор и принялся перебинтовывать. Вскоре все туловище Чафиса было замотано белой тканью, которая тут же начала впитывать в себя кровь. После этого Кенрон выплеснул остатки жидкости на свои ладони и наскоро перебинтовал их. Проколотая шипами в нескольких местах кожа почти сразу потеряла чувствительность, боль исчезла, хоть раны никуда не делись.

У Кенрона не было иллюзий, что его помощь могла спасти Чафиса от смерти. В лучшем случае кровотечение удалось уменьшить и предотвратить заражение внутренностей. Если все кобальды, которые работали в оружейном доме, были сейчас на крыше, там же был и тот, кто заведовал местным лазаретом. Вопросы, куда стоило сейчас направиться не возникало.

Пистолет все еще висел, приклеенный стволом к паутине, его дуло указывало в потолок, словно обозначая следующую цель. Кенрон отлепил оружие и счистил остатки паутины медицинским ножом.

— Четвертая спальная комната, да? — спросил он.

Чафис нашел в себе силы, чуть заметно кивнуть.

Искомая комната оказалась совсем рядом. Отсчитав нужную кровать, Кенрон засунул руку под матрас, несколько тревожных секунд он не мог нащупать ничего, кроме пыльных досок. В нетерпении он скинул матрас на пол и лишь тогда обнаружил с десятков черных стальных «горошин», ютящихся в самом углу. Пистолет он заряжал на ходу.

На этом этаже у него оставалось одно последнее дело. Борясь с омерзением, Кенрон ухватил поверженного паука за лапу, оттащил его в спальную комнату, которую только что обыскивал, и закрыл дверь. Если тварь вздумает каким-то образом снова ожить, ей будет не так-то просто выбраться наружу.

Проходя мимо кобольда, Кенрон улыбнулся, хотя причин для этого у него было совсем немного.

— Тебе повезло, ваш лекарь всего в десяти метрах отсюда, — сказал он. — Приведу его в два счета.

— Пообещай, что не будешь пытаться навредить госпоже Лисидии, — прошептал Чафис.

— Обещаю — сделаю все, чтобы тебе помочь, — сказал Кенрон.

Лестница, ведущая на крышу, в самом деле оказалась в конце холла, паутины на ней было даже больше, чем Кенрон мог себе представить. Он соскоблил что смог медицинским ножом, пока тот по самую рукоять не завяз в серой массе. Впрочем, стальные перекладки уже были расчищены достаточно, чтобы их можно было безопасно касаться.

Вместо люка в крыше зияла огромная дыра. Кенрон выбрался на черепичную кладку, держа пистолет наготове. Он ощущал ночной холод всем телом, ветер легко находил путь сквозь изодранную рубашу.

Целая орава кобольдов в несколько рядов сидела на крыше, прямо, как говорил Чафис. Большинство из них уже разглядывало Кенрона. Никто из них не пытался встать и подойти к нему, за что тот был им безмерно благодарен. Так или иначе — каждый из них был прислужником ведьмы Лисидии, и мог в любой момент превратиться в медведя, летучую мышь, паука или во что похуже.

Сама Лисидия, восседала на кобольде, словно на скамье позади своих многочисленных соратников. Ведьма поднялась со своего импровизированного трона, ее длинные бежевые волосы колыхались на ветру. Ни одного дайгонца, кроме самого Кенрона на крыше не было.

— Верни мне родителей! — выкрикнул он.

Лисидия ответила. Поначалу Кенрон подумал, что она обращается к нему, вскоре он понял, что она говорит не то с кобольдами, не то сама с собой. Речь Лисидии не имела никакого смысла. Она говорила про “парня”, “дракона” и ржавый меч. Очевидно, она все еще рассказывала какую-то неведомую историю, считая, что это занятие имеет сейчас первостепенную важность. Кенрона это разозлило больше, чем все те твари, с которыми он сражался.

Он нацелил на нее пистолет, в этот раз перебинтованные руки не дрожали.

— Где они, говори! — потребовал Кенрон, он не опускал пистолет, но это, кажется, ведьму вовсе не пугало.

Ответом стала еще одна порция истории, казалось, не имеющий отношения к происходящему.

— Ты похитила их! — крикнул Кенрон. — Где они?

— Возвращайся в свой город и убей тех завистливых горожан, которые отправили тебя ко мне, — сказала Лисидия, ее голос был низким, она явно играла какую-то роль. — Как только разбойник, кузнец и пекарь умрут, я прощу твою дерзость и найду твоих родителей, где бы они ни были.

В этот раз она обращалась к Кенрону. Он не знал начала и середины сказки, которую рассказывала Лисидия, но отчетливо понял ее конец. Ведьма хотела, чтобы он убил трех кобольдов, которых встретил по пути на крышу. Если он выполнит ее приказ, она скажет ему, где родители, таково было ее требование. Чафис и так уже был при смерти, двух кобольдов на первом этаже Кенрон видел впервые. Ни один из них сейчас не мог оказать ему сопротивления. Стоило подыграть Лисидии, и его родители вернутся домой.

Кенрон понял — если сейчас он откажется выполнить ее приказ, вряд ли Лисидия позволит кобольду лекарю обработать раны Чафиса. У нее были совершенно другие планы на то, как должна была закончиться эта история.

— Хватит этой бессмыслицы! — крикнул Кенрон.

После чего он выстрелил трижды. Ведьма не то, что не пошатнулась, она даже не удивилась произошедшему. Казалось, именно такого поворота событий она и добивалась. Через мгновение грудь Кенрона взорвалась болью, его отбросило на холодную черепицу.

Тучи ползли по ночному небу, медленно поглощая одну звезду за другой.

Дайгонцы не обременяли себя большим количеством правил и законов. Более того, в каждом из пяти городов страны устои могли отличаться. То, что считалось допустимым в одном городе, осуждалось в другом. Было лишь одно негласное правило, которое чтили во всей стране — если один дайговец использует камуфляж, чтобы скрыться от другого, это считалось началом вражды, проявлением агрессии.

Часто человек, которого обманывали с помощью камуфляжа, считал, что против него использовали оружие, словно бы наставили на него меч или копье. Он мог потребовать извинений и объяснения такому враждебному поведению.

В тот вечер Дарлид Амелот использовал камуфляж не против лесных тварей, а для того, чтобы обмануть зеннатскую ведьму Лисидию, ее кобольдов, а также своего сына Кенрона. Он не считал, что должен был оправдываться перед зеннатцами за свое поведение, а вот сын вполне мог начать задавать вопросы. И как хороший отец, Дарлид должен был рассказать, почему он скрыл от него свое присутствие. Он не считал свое решение использовать камуфляж в оружейном доме ошибкой, пока не считал. В конце концов его сын был еще жив.

Усилим воли, Дарлид развеял маскировку, по толпе кобольдов тут же прошел удивленный вздох. Лисидия, сидевшая на одном из кобольдов, что стоял на четвереньках, вопросительно подняла бровь, хотя и это могло Дарлиду только показаться. Она наверняка ждала его появления и, если он смог ее чем-то удивить, то лишь тем, что не появился раньше.

— Пусть и с опозданием, наша встреча состоялась, — сказала Лисидия. — Я уж думала вы меня тут не найдете.

— Хотел бы я не иметь с тобой никаких дел, зеннтака, — бросил Дарлид.

Он подошел к лежащему на черепице Кенрону и сел рядом на корточки. Рубаха парня была пропитана кровью. Дарлид расстегнул ее, три округлые раны выплескивали кровь с каждым ударом сердца. Пули не вошли глубоко, одна из них раздробила ребро напротив правого лёгкого, две застряли, пройдя грудную клетку с левой стороны, в ране под сердцем кровотечение было особенно сильным. Кенрон смотрел вверх, казалось, он был без сознания, но вскоре он смог перевести взгляд с медленно плывущих туч в небе на своего отца.

— Ты в порядке? — спросил Кенрон. — Она с тобой ничего не сделала?

Из угла его рта потекла струйка крови, недобрый знак. Дарлид достал из кармана марлевый тампон, снял с пояса небольшую склянку, откупорил ее и смочил марлю содержимым. В воздухе повис травяной запах акмены подгорной, одним тампоном удалось закрыть сразу две раны с левой стороны.

— Раз уж ты решился разграбить их лазарет, мог бы и захватить что-то про запас, — сказал Дарлид, стараясь не вкладывать в голос никаких эмоций, лишь небольшой совет сыну, не более того.

В этот момент глаза Кенрона округлились. Взгляд его сделался совершенно непонимающим.

— Откуда ты знаешь, что я был в их лазарете? — прошептал он. — Ты догадался... или ты видел?

Дарлид взял руку Кенрона и положил на смоченный лекарственным раствором тампон.

— Держи крепче, — сказал он. — Не отпускай, даже, если станет трудно дышать.

— Ты был там все это время? — прошептал Кенрон. — Ты следил за мной и не показался? Почему? Почему не остановил меня?

— Сейчас не время об этом беспокоиться, малыш, — сказал Дарлид. — Дайгонская медицина с такими ранами не справится. Я должен заставить ее вылечить тебя.

Дарлид поднялся и отправился к сидящим на крыше кобольдам и их предводительнице зеннатской ведьме. Он оставил сына в одиночестве бороться со смертельной раной. Возможно, в этот самый момент Кенрон начинал ненавидеть своего отца все больше с каждой секундой.

Лисидия все так же сидела на одном из кобольдов, используя беднягу, наподобие стула, улыбка на ее лице становилась все шире.

— Ты меня заинтриговал, Дарлид, — сказала она и обратилась к кобольдам, сидящим напротив. — Давайте же взглянем, как этот дайгонец будет меня заставлять.

Некоторые из кобольдов энергично закивали, впрочем, их энтузиазм испарился, как только они услышали хруст черепицы под ногами приближающегося к ним Дарлида. Силы в этом дайгонце было столько, что он мог выкинуть кобольда с крыши, держа его за шкуру одной рукой.

— Ты развлеклась, получила удовольствие, теперь вылечи его, — сказал Дарлид.

— Увы, слишком поздно, — ответила Лисидия. — Сказка закончилась, чудес сегодня больше не будет.

— Он сделал то, что ты хотела, сыграл в твоей дурацкой постановке, — сказал Дарлид.

— Я вовсе не просила в меня стрелять, — сказала Лисидия. — Напротив, он нарушил мой приказ. Ведь у тебя есть еще один сын. Воспитывай его так, чтобы они знали, кому стоит подчиняться. И я позабочусь о том, чтобы с ними все было в порядке.

Дарлид сжал кулаки так сильно, что ногти врезались в ладони. Он знал, что волшебница может быть весьма упрямой, они спорили и раньше, обычно по поводу деталей их давнишней сделки. Дарлид не помнил, чтобы Лисидия хоть раз уступила ему в этих спорах. Сейчас же речь шла не о денежной сумме, мести или времени встречи. В этот раз ставка была куда выше. Для спасения жизни сына он должен был идти до конца, обещать, требовать, угрожать, в этой борьбе не было слишком подлого приема. Вот только никакие подлости не приходили в голову Дарлиду, он привык действовать прямо и честно, обман потребовал бы от него притворства, на которое он был почти не способен.

— Кобольдов убивай сколько хочешь, но ты не можешь ранить дайгонца, — бросил Дарлид. — Никто не давал тебе такого права.

— Разве? — удивилась Лисидия. — Ваш сын появился только благодаря моей магии. А значит, он моя собственность. Я могу делать с ним, что пожелаю, и мне все равно, что ваши законы говорят об этом.

Дарлид догадывался, после какого события Лисидия решила, что Кенрон стал ее личной собственностью. Она и раньше высказывала нечто подобное, вот только тон ее был скорее шутливым. Ни он, ни Алина не обращали на эти высказывания особого внимания. Считали их безобидной причудой или же розыгрышем, странной попыткой колдуньи сблизиться с ними. Сейчас же было ясно — она и в самом деле все это время считала Кенрона лишь своей вещью, которую могла забрать в любой момент. Сейчас уже не было времени с ней спорить. Пятнадцать лет было на то, чтобы решить этот вопрос, и все это время они с Алиной лишь

слушали странные доводы Лисидии, надеясь, что дальше слов дело не пойдет.

Что-то стальное звякнуло под ногами Дарлида. Он присел и подобрал рельсовый пистолет, черный окрас которого делал его почти незаметным в эту безлунную ночь. Рукоять удобно легла в ладонь. Дарлид прошел мимо рядов сидящих на крыше кобольдов, которые теперь не спускали с него взгляда.

— Ты ведь не собираешься сплунить, как твой сын, напав на меня? — спросила Лисидия.

Дарлид взглянул на оружие, он провел немало времени, тренируясь, стреляя по мишеням и доскам, до этого пистолет не подводил его ни разу. Всего одно попадание в тело могло привести к мгновенной смерти. К счастью, Кенрон был ранен не из этого оружия. Лисидия отбросила пули какой-то неведомой магией, судя по всему, ее способность была скорее защитной, чем атакующей.

— Сражение с тобой не такая уж плохая идея, — сказал Дарлид. — Если я смогу выведать хоть один твой трюк, моя смерть не будет напрасной.

— Но кто расскажет о том, что ты увидел? — спросила Лисидия, — Твой полумертвый сын?

Стиснув зубы, Дарлид остановился в трех метрах от Лисидии. Он поднял пистолет на уровень глаз, взглянул через прицел, метя чуть в сторону от волшебницы. По рядам кобольдов прошелся вздох. Дарлид вытащил магазин, одну за другой извлек все оставшиеся пули, сжал их в кулаке и вышвырнул в сторону, так, чтобы они улетели за край крыши. Он собрал пистолет и бросил его под ноги Лисидии.

— Не нравится наш подарок? — спросила она. — Ты его заслужил, пользуйся.

— Если я не могу спрятать его от детей, он мне не нужен, — процедил Дарлид.

Лисидия взглянула на пистолет, тот дрогнул и подлетел в воздух. Она протянула руку, оружие легло ей на ладонь, словно дрессированная птица, знающая своего хозяина. Она просунула палец в дужку и принялась вертеть оружие в руке, кажется, процесс доставлял ей немалое удовольствие.

— Как тебе только пришло в голову все это устроить? — бросил Дарлид. — Перебила своих же кобольдов, в здание теперь не зайти.

— Неужели тебе никогда ничего не хотелось сделать просто так или от скуки? — спросила Лисидия, разглядывая вертящийся на пальце пистолет. — Хотелось, но ты не можешь из-за правил, которым решил следовать. Жалкая у тебя жизнь, Дарлид. Жалкая и короткая. А теперь не трать мое время, отдавай деньги и разойдёмся.

— Я не буду платить, пока мой сын при смерти, — отрезал Дарлид.

— Другими словами, — сказала Лисидия, — ты грозишь мне, что не будешь больше охотиться на огненных ящеров? Их железы — ценный товар, но ты — не единственный в Дайгоне, кто их добывает. Должна признать: ты и твоя жена пока прекрасно справлялись, но мы в Зеннате понимаем, договор с вами не будет вечным. Рано или поздно вы, либо станете слишком старыми, чтобы ходить в лес, либо ящеры однажды вами закусят. С этим ничего не поделать. Мы надеемся, кто-то придет на ваше место и продолжит добычу, хотя бы те же Мивили. Стоит нам поднять закупочную цену, как охотники валом повалят истреблять рептилий, не считаясь с потерями.

— Меня волнует только здоровье сына, — сказал Дарлид. — Если он умрет, я не буду иметь дел с Зеннатом.

— Раз наша сделка отменяется, мне здесь больше делать нечего, — сказала Лисидия,

пожимая плечами, она взглянула на кобольдов и нацелила на них пистолет, чтобы привлечь их внимание. — Если кто-то из вас поможет мальчишке без моего разрешения, вся ваша шайка будет доживать дни в лесу в виде огромных болотных слизней. — она вновь взглянула на дайгонца и улыбнулась. — Ты отказался от сделки, Дарлид, значит, твоя смерть будет весьма скорой и болезненной.

Лисидия поднялась со своего импровизированного трона, подошла к краю крыши и послала Дарлиду воздушный поцелуй.

Рядом с люком на крыше появился еще один человек — женщина в длинном платье, слишком легком для холода ночной поры. Ее длинные каштановые волосы беспощадно трепал ветер.

Лисидия взглянула на нее чуть склонив голову, она все так же стояла на краю крыши, готовая покинуть место, где у нее не было более никаких интересов.

— Я почти забыла, что вас двое, — сказала она. — Кто из вас в семье главный? Может, я все это время распиналась перед лакеем?

— Пойдите, госпожа Лисидия, — воскликнула Алина. — Мой муж сегодня расстроен, ведь мы ждали вас так долго. Он не понимает, что говорит. Деньги у меня.

Она подняла руку, сжимающую небольшой серый мешок, внутри звякнули монеты.

— Подождите секунду, сейчас я вам их передам, — сказала Алина. — Вы ведь принесли, что обещали?

Лисидия извлекла из небольшого подсумка на поясе две миниатюрные склянки с синей жидкостью и показала их, зажав между пальцами.

Алина подбежала к Кенрону, тот лежал, прижимая к груди красный от крови марлевый компресс. Дарлид стоял посреди крыши в легкой растерянности, он переводил взгляд с Лисидии на Алину, не понимая, как вернуть ситуацию под свой контроль.

— Что с ним случилось? — спросила Алина.

На мгновение глаза Дарлида расширились, рот приоткрылся, задавая немой вопрос, тут же мужчина взял себя в руки, взгляд его сделался серьезным и целеустремленным. Быстрым шагом он направился к лежащему на черепице Кенрону.

— Его ранили в грудь тремя пулями из пистолета, — сказал Дарлид на ходу. — Я пытался убедить ее помочь, но она и слушать не хочет.

— Зажми его рану, я поговорю с ней, — сказала Алина.

Дарлид сел на корточки и положил свою массивную руку поверх руки Кенрона, которая уже стала бледной и чуть заметно дрожала. Убедившись, что сын теперь не один, Алина прошла мимо ватаги сидящих кобольдов напрямик к Лисидии и положила мешок с деньгами у ее ног.

— Я не хочу отменять наш договор, — сказала Алина. — Но прошу, вылечи Кенрона.

Лисидия легонько пнула мешок носком ботинка, тот тихо звякнул в ответ. Она кинула Алине две склянки с синей жидкостью, та поймала их и спрятала в кармане платья.

— Твой муж и вправду многое испробовал, — сказала Лисидия. — Разве что на коленях не просил.

Алина внимательно взглянула на Лисидию, пытаясь понять, шутит она или нет. Проблема была только в том, что зеннатская ведьма, большую часть времени выглядела либо невероятно скучающей, либо радовалась, когда кто-то сказал ей нечто, чего она не ожидала услышать. Было непохоже, что мольбы на коленях могли изменить ее нежелание помочь Кенрону. Скорее всего, это была очередная попытка заставить окружающих пресмыкаться перед ней.

Повернувшись к Дарлиду, Алина встретилась с ним взглядом.

— Я слышала от кобольдов внизу, что здесь разыгрывалась какая-то сказка, — сказала она. — Ты понял, в чем суть?

Дарлид тут же указал взглядом на рану Кенрона, которую зажимал рукой, мол, не забывай, что сейчас важнее всего. Алина настойчиво ждала ответа, и он догадался, что ее вопрос имеет прямое отношение к выживанию их сына. Хотя и не смог взять в толк, какое именно.

— Я уловил только последнюю фразу, — сказал Дарлид. — Она хочет, чтобы мы и дальше приносили ей деньги, несмотря на то, что случится с Кенроном.

— Значит, тебе все же важна наша сделка, — сказала Алина. — Сложно нам будет приносить деньги убийце сына.

Лисидия покачала пальцем и снисходительно улыбнулась.

— Без моей магии у вас не было бы никакого сына, — сказала она. — Я только что напомнила об этом твоему мужу.

— Я не прошу его вылечить бесплатно, — сказала Алина. — Давай заключим пари, если я выиграю, ты поможешь ему, если проиграю, мы будем платить тебе вдвое больше, чем платим сейчас.

Лисидия по-мальчишески присвистнула и взглянула куда-то в ночное небо, видимо, прикидывая, о какой сумме речь. И о том, как тяжело Амелотам будет раздобыть такое количество денег. Она подошла к кобольду, лежащему ничком на черепице, засунула носок туфли под его брюхо и чуть приподняла. Кобольд тут же понял команду и встал на четвереньки, Лисидия устроилась на нем, как на табурете.

— Вам с мужем придется поселиться в лесу и охотиться каждый день до конца ваших дней, — заключила она. — Не каждый на такое решится по своей воле.

— Ты за нас переживаешь? — спросила Алина.

— Думаю, сможет ли лес породить достаточно существ, чтобы вы смогли сдержать подобное обещание, — сказала Лисидия. — Пожалуй, если вы отойдете достаточно далеко от города, найдете места, где лесные твари не переведутся, даже, если убивать их днем и ночью. — Она закрыла глаза и глубоко вдохнула, словно наслаждаясь обрисованной картиной, после чего кивнула. — Я соглашусь если условия нашего спора меня развлекут.

— По пути сюда, я заметила кобольдский лазарет, — сказала Алина, — значит ли это, что один из этих кобольдов — магический лекарь?

Лисидия молча принялась крутить на пальце пистолет. Она не спешила опровергать или подтверждать догадку Алины. Обе они молча смотрели друг на друга какое-то время.

— Есть среди них такой умелец, — первой нарушила тишину Лисидия, она словно бы считала подтверждение догадки Алины маленькой, но уступкой. — Большинство жидкостей в его теле обладают лечащим свойством, в слюне эта магия сильнее всего.

— Я берусь найти его в этой толпе с первой попытки, — сказала Алина.

Пистолет замер в руке Лисидии. Около двух десятков кобольдов, сидящих на крыше принялись переглядываться и в полголоса обсуждать происходящее.

— С этого момента, если кто-то из вас ящериц скажет хоть слово, мигом превратитесь в огромных белых личинок, — пообещала Лисидия. — В тех, что лучше всего идут к красному вину.

Кобольды тут же не только затихли, но и замерли, разглядывая друг друга. В их взглядах было и любопытство, и удивление, и даже возмущение... И лишь страх читался сильнее всего.

— Если ошибешься, никаких обид, — сказала Лисидия. — Вы с мужем отправитесь в лес и проживете там до конца своих дней, выплачивая долг Зеннату.

— Никаких обид, — пообещала Алина.

— Хорошо, — сказала Лисидия. — Укажи на кобольда, и я велю ему обработать раны твоего сына. Даст ли это что-нибудь, будет зависеть от твоего выбора. Никто не должен тебе помогать, сделай это своими силами.

Алина направилась к сидящим на крыше кобольдам, не спеша она прошла между их рядами, пытаясь почувствовать запах медицинских препаратов. Она разглядывала их руки, пытаясь найти ремесленников с огрубевшими пальцами. Большинство кобольдов оказались на крыше в серых робах или голые по пояс. Ни один из них не носил ничего похожего на белый халат с символом листа акмены, в каком ходили кобольды, работающие в городском лазарете.

Лекарствами пахло от пяти работников оружейного дома, пальцы одного из них были грубыми, все в давно заживших порезах и ссадинах, его можно было исключить. Вот только все эти изыскания были лишь догадками. Магический лекарь вполне мог не пахнуть акменой хотя бы потому, что от него не требовалось медицинских познаний, его работа была куда проще — видишь рану, облизывай и не задавай вопросов.

Из небольшого кармана на поясе Алина достала кольцо с белым кристаллом. Именно таким приспособлением охотники обследовали добытые туши зверей, чтобы проверить, остались в них заклинания, которые можно было продать.

— Ты взяла это кольцо на встречу со мной? — удивилась Лисидия. — Хотела узнать, в какой части моего тела спрятано больше всего магии? Во всех. Во мне нет и грамма бесполезной плоти.

— Должно быть, во всем Зеннате нет того, кто бы тебе не завидовал, — сказала Алина, не сводя взгляда с кольца.

— Иногда я сама себе завидую, — усмехнулась Лисидия.

Алина принялась обходить ряды кобольдов вновь. Медленно продвигаясь, она подносила белый кристалл к вытянутым клыкастым лицам. Одного за другим она обследовала всех работников оружейного дома, остановившись чуть дольше у тех, кого заметила заранее. В ночной полутьме вспышку белого цвета пропустить было невозможно. Поэтому Алина замерла в растерянности, когда кристалл не отреагировал даже после того, как она поднесла его к последнему кобольду в последнем ряду.

И все же был на крыше еще один кобольд, которого Алина еще не изучила. Он прятался в тени своей хозяйки в данном случае буквально. Подойдя к Лисидии, Алина присела на корточки и поднесла кольцо к кобольду, стоящему на четвереньках. Белый кристалл тут же ослепительно засиял, жалея привыкшие ко тьме глаза. Алина зажала кольцо в кулаке, скрыв белое сияние.

— Магия кобольдов далеко не всесильна, — сказала Лисидия. — Промедлишь с выбором, и спасать будет некого. Приказать ему излечить твоего сына?

Алина поднялась и расправила складки на платье.

— Ты не слишком расстроилась, когда я нашла лекаря, — сказала она.

— Это было забавно, ты меня повеселила, — сказала Лисидия. — Готова закончить спор?

— Нет, это не он, — отрезала Алина. — Откуда ты узнала, что у меня в руке кольцо и почему оно не может найти лечащую магию?

Лисидия рассмеялась, она поднялась и неторопливо отошла в сторону от кобольда, тот

тут же повалился на черепицу. Сияние кристалла исчезло, кольцо реагировало вовсе не на кобольда, а на зеннатскую ведьму. Лишь развитая интуиция предостерегла Алину от неверного выбора.

— Хорошо, давай еще поиграем, — сказала Лисидия. — Я знала, что у тебя в кармане кольцо еще, когда ты предложила мне сделку. Я могу видеть сквозь твердые предметы, если мне того захочется. И порой у мужчин эта новость вызывает забавную реакцию, — она усмехнулась, после чего продолжила более серьезным тоном. — Кристалл настроен так, чтобы не реагировать на камуфляж, иначе бы он светился все время в ваших руках. Так же он не чувствует лечащую магию кобольдов. На случай, если вдруг дайгонцам вздумается похищать наших редких магических слуг. Видишь ли, мы многое предусмотрели.

Кобольды разглядывали Алину кто с явным раздражением, а кто с мольбой во взгляде. Для многих из них молчание было невыносимым. Они явно желали, чтобы нависшая над ними угроза поскорее исчезла. В конце концов, чем суровее была кара за нарушение безмолвия, тем сильнее хотелось рассказать другим о своих страхах.

— Тебе остается ткнуть пальцем, — сказала Лисидия, — шанс угадать один к двадцати.

Времени не осталось, нужно кого-то выбрать, понимала Алина. Трюк с кольцом, на который она так рассчитывала, не сработал. У нее остались лишь догадки и ни одной серьезной указки на то, кто из кобольдов умел колдовать. Впрочем, догадки — это не пустой звук, когда их набирается достаточно.

— Ты выбирала актеров из этой толпы, — сказала Алина. — В твоей сказке каждый из них мог погибнуть.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Лисидия, перестав играть с пистолетом. — Мне казалось, ты только что поднялась на крышу.

— Разумеется, ты не стала бы отправлять на смерть ценного кобольда с лечащей магией, — продолжила Алина.

— Ты и вправду можешь исключить шестерых актеров, трое из которых уже мертвы. Но что это тебе дает? — спросила Лисидия, заинтригованная ходом мысли своей соперницы. — Шансы все те же, один к двадцати.

— Я знаю, кто из них лекарь, — сказала Алина.

Она подошла к одному кобольду в центре группы и положила руку ему на плечо. От него не пахло акменой, из одежды на нем были лишь серые шорты и бесформенная шапка из тонкой ткани.

— Выбираю этого. Проси его излечить моего сына, — сказала Алина.

В этот момент лицо Лисидии перестало выражать какие-либо эмоции, ее игривое оживление полностью исчезло.

— Я хочу знать, почему ты выбрала его, — сказала она.

— Это не было частью уговора, — ответила Алина. — Но так и быть, прикажи ему излечить Кенрона и все узнаешь.

— Я прикажу ему попытаться, — сказала Лисидия.

Она махнула рукой, на что кобольд ответил кивком. Он поднялся, неторопливо размял затекшие ноги, поправил свою нелепую шапку и отправился к лежащему на крыше Кенрону и Дарлиду, склонившемуся над ним.

Лисидия пристально взглянула на Алину и крутанула пальцами, почти повторив тот жест, которым отправила кобольда выполнять приказ.

— Если бы кольцо сработало, как я надеялась, мне бы и гадать не пришлось, — сказала

Алина. — Мы уже выяснили, что кобольд с магией не мог быть актером в твоей игре, ведь каждого из них ты собиралась убить. Когда ты спросила, кто хочет стать актером для постановки, один из кобольдов поднял руку. Однако, ты не стала его использовать, сказав, что тебе нравятся его глаза или что-то в этом роде. Разумеется, глаза тут ни при чем, он и есть драгоценный для тебя лекарь.

Лисидия рассмеялась.

— Ты убедила меня, что недавно поднялась на крышу, хотя была тут с самого начала, — заключила она. — Твой муж на мгновение удивился, когда ты спросила у него, о чем была моя сказка. Еще бы, ведь, он знал, что ты лично была здесь и все слышала. В тот момент я должна была вас раскусить.

— Никаких обид, я полагаю, — сказала Алина.

— Вы и вправду меня повеселили, — сказала Лисидия. — Вот только, почему ни один из вас не попытался остановить мое представление? Могли бы и вовсе избавить сына от ран?

— Это уже дело семьи Амелотов, — ответила Алина.

Боль почти исчезла, Кенрон чувствовал лишь холод в груди и сильный запах акмены, он словно бы лежал где-то в лесу, окруженный луговой травой со всех сторон. Ночь становилась все темнее, какой-то человек нависал над ним, кажется, иногда он что-то говорил. Рядом с человеком появился кобольд. Не понимая до конца, что делает, он схватил кобольда за руку.

— Помоги Чафису, — прошептал Кенрон, почти не слыша своих слов. — Помоги ему тоже! Он там внизу!

Белый свет окружал Кенрона со всех сторон. На мгновение он растерялся, не понимая, где находится и как сюда попал. Впрочем, смятение его длилось недолго. Перед собой он видел белый потолок, значит, его перенесли с крыши, где он потерял сознание, в городской лазарет. По крайней мере, на лазарет оружейного дома это место не походило.

Вокруг кровати, на которой он лежал, были натянуты синие ситцевые занавески, что мешало разглядеть комнату целиком. Сквозь одну из них пробивался дневной свет.

Кенрон приподнял одеяло и ощупал грудь, она была перемотана бинтами. Кожа под повязками чесалась, зато дышать стало легче. Он пытался вспомнить, как попал сюда, но так и не смог.

Вскоре снаружи раздался цокот когтей по каменным плитам, хлопнула дверь, за занавесками показался силуэт. Раздвинув ткань, к нему зашел кобольд в белом халате со знаком акмены на груди.

— К вам посетители, — сказал кобольд. — Не желаете привести себя в порядок?

Он достал из кармана халата расчёску и ловко покрутил в пальцах.

— Не до этого, — ответил Кенрон, голос его был слабым и непослушным. — Ты не видел Чафиса? Кобольда из оружейного дома с раной в животе?

— Мы помогаем всем, кого доставляют в керфенский лазарет, — заверил кобольд в белом халате.

Секунд пятнадцать он пристально смотрел на Кенрона, затем спрятал расчёску в карман и скрылся за занавесками.

Кенрон опустил голову на подушку, пытаясь понять, сколько прошло времени. Ночь сменилась днем, это было ясно, но сколько прошло суток? Ведь он мог проваляться тут и целую неделю. Вскоре в палату вошли несколько человек. Занавески раздвинулись и Кенрон увидел Дарлида и Алину, оба они были одеты в белые халаты, отчего походили на работников лазарета. Пусть его родители не были настоящими лекарями, их знаниям анатомии различных животных вполне можно было позавидовать. Дарлид поставил два стула у кровати и пригласил жену сесть первой.

— Вы в порядке? — спросил Кенрон.

— Надеюсь, ты не сильно разочарован, — сказала Алина.

Неужели в его голосе сквозила обида, удивился Кенрон. Было неприятно осознавать, что он, судя по всему, напрасно рисковал жизнью. Он ведь с самого начала знал, что родители могли задержаться по многим причинам. То, что их похитили было худшим развитием событий, но не единственным. Он отправился к оружейному дому, чтобы проверить, все ли с ними хорошо, а вместо этого зеннатская ведьма сделала его частью своего вечернего развлечения.

— За мной увязался один кобольд... его ранили, — сказал Кенрон, он принялся разглядывать тонкое одеяло, которым были накрыты его ноги. — Что с ним?

— Так он за тобой увязался? — спросила Алина и взглянула на Дарлида, тот лишь молча поднял брови, мол, быстро же их сын заводит друзей. — Он и сейчас в одной с тобой комнате.

Алина отодвинула полог. По соседству стояла еще одна кровать, так же окруженная занавесками. Кенрон увидел силуэт кобольда, лежащего на кровати.

— Он был ранен сильнее меня, — прошептал Кенрон, его сердце забилося чаще, стоило ему узнать, что Чафиса не оставили без помощи на третьем этаже оружейного дома. — Он не должен быть здесь. Ему нужно серьезное лечение.

— Я бы не назвал твои раны легкими, — сказал Дарлид. — В любом случае, зеннатские лекари сделали все, что смогли и оставили его здесь. Он либо поправится за следующие сутки, либо нет.

— Тогда мы не должны ему мешать, — прошептал Кенрон, быстро переводя взгляд с отца на мать в поисках поддержки.

— Твой приятель без сознания уже несколько часов, — сказал Дарлид. — Если очнется, это пойдет ему только на пользу.

Кенрон смотрел в сторону кровати Чафиса, хотя и не мог разглядеть его через два ряда занавесок. Он не понимал, почему так волнуется за судьбу кобольда, которого встретил меньше суток назад. В любом случае, он ничего не смыслил в зеннатской медицине, раз уж лекари поместили Чафиса именно в эту палату, оставалось им только довериться.

— Я хотел помочь вам, — сказал Кенрон. — А вы, оказывается, были в порядке. Зря я все это затеял.

— Если бы я знал, что ты залезешь в мой кабинет и выпотрошишь спрятанную в столе шкатулку, — сказал Дарлид, — отправил бы кобольда посыльного сказать, что мы задержимся.

Кенрон сглотнул сухой ком — на мгновение ему показалось, что отец закончит свою мысль описанием какого-то изощрённого наказания или же рассказом о том, как он зол на своего непослушного сына.

— Похоже, наша соседка натолкнула тебя на эту идею, — сказал Дарлид. — В этом вся проблема, Кенрон, ты пытаешься помочь, но совершенно не разбираешься в ситуации. Люди тобой легко управляют, стоит тебе услышать от них то, что ты хочешь услышать.

— Прости, не стоило забираться в твой кабинет, — сказал Кенрон, глядя на отца, тот скрестил руки на груди, взгляд его немного посуровел.

— Вряд ли у нас выйдет придумать лучшее наказание, чем три пули в грудь, — сказала Алина.

— Боль была жуткой, — вспомнил Кенрон. — А в добавок я не мог даже пошевелиться. Сейчас мне лучше, только все чешется. Если бы вы рассказали мне больше о ваших делах с ведьмой, мне было бы спокойнее.

— Тебе еще рано о них знать, — твердо произнес Дарлид.

— Так вышло, что я многое услышал там на крыше, — сказал Кенрон, виновато улыбнувшись. — Вот только много не понял.

— Видимо, ничего не поделать, — сказала Алина и взглянула на мужа. — Если скрывать дальше, вреда будет только больше. Еще подумает невесть что.

Дарлид кивнул.

— Я расскажу, о чем была речь, если пообещаешь меня слушаться и не задавать вопросов, — сказал Дарлид. — У меня есть всего одно наставление, но мне очень важно, чтобы с этого дня ты беспрекословно его выполнял.

— Конечно, обещаю, — сказал Кенрон.

Он был удивлен, насколько удачную ему предлагают сделку. Вместо того, чтобы наказывать за то, что он вломился в кабинет отца, что точно было поступком достойным порицания. И вместо наказания за то, что он напал на зеннатскую ведьму, его собирались

наградить, рассказав какую-то древнюю семейную тайну. Хотя, по мнению Кенрона, в оружейном доме он делал то, что должен был, исходя из знаний, которые у него тогда были. В итоге он получил полное прощение всего за одну, пусть и не названную пока услугу. Родители чуть ли не каждый день загружали его различными поручениями, выполнить еще одно для него будет плевым делом.

— Лисидия не похитила вас, но тогда почему вы так задержались? — спросил Кенрон.

Алина помотала головой и опустила взгляд.

— Не похитила, — сказал Дарлид, — ей не зачем, она уже нас контролирует, насколько это возможно.

— В этот раз ты оказался ее целью, — сказала Алина. — Она отправила нас в другую часть города, где нам пришлось ее дожидаться.

— Наверное, мы бы торчали там до самого утра, если бы кое-кто из моих знакомых мне не помог, — сказал Дарлид. — Я заранее попросил нескольких людей проследить за Лисидией. Вечером один из них рассказал, что видел ее у Оружейного дома. Туда мы с твоей матерью и направились.

— Почему вы не пошли домой, когда она не явилась на встречу утром — удивился Кенрон. — Если ей нужны ваши деньги, пусть сама зайдет и заберет их или отправит за ними кобольда.

— Я бы не хотел доверять кобольду посыльному жизнь твоей матери, — сказал Дарлид, — да и свою, пожалуй, тоже.

— Что вы у нее такого покупаете? — спросил Кенрон.

— Лекарство, — сказал Дарлид. — Вот уже много лет она продает нам с Алиной снадобье, без которого мы оба долго не протянем.

Кенрон в недоумении уставился на родителей. Он почувствовал, как все крепче сжимает тонкое больничное одеяло, ткани становилось все больше и больше в его ладонях. Наконец, он крепко сжал скомканное одеяло в последний раз и отпустил его, приказав себе успокоиться.

— Вы чем-то больны? — спросил он. — Я даже не подозревал об этом.

— Я не собирался говорить тебе об этом еще пару лет, — сказал Дарлид. — Ты все равно ничего не можешь поделать, это наша забота, не твоя.

— Все произошло на турнире охотников еще до твоего рождения, — сказала Алина. — В одном из последних раундов мы зашли глубоко в лес и встретили животное, которое никто никогда до нас не видел. Детали сейчас не важны, да и помню я их прескверно. Нас с Дарлидом отравили, мы были на грани смерти.

— Тогда вы попросили Лисидию помочь вам в обмен на турнирные очки, — догадался Кенрон. — Старуха Кобе вспоминала вчера эту историю.

— Да, это был именно тот случай, — сказал Дарлид. — Вот только зеннатская ведьма не вылечила нас полностью. Яд невозможно извлечь из наших тел до последней капли. Его можно лишь подавлять, принимая лекарство.

— Я чуть не убил Лисидию, — прошептал Кенрон, чувствуя, как надвигающийся ужас холодит грудь.

— Ты был далек от этого, поверь мне, — сказал Дарлид и похлопал сына по плечу, чтобы успокоить. — Зеннатцы не дадут нам оружия, которое способно навредить им, они не дураки.

— Кажется, я понимаю, почему никто из вас не стал правителем Дайгона, когда вы

победили в турнире, — сказал Кенрон, он все еще пытался уговорить трепещущее сердце.

— Хорошими бы мы были правителями, — усмехнулась Алина, — если Зеннату для нашей смерти нужно лишь перестать давать мне лекарство.

— У них был бы огромный рычаг давления на нас, конечно, мы не годимся в лидеры Дайгона, — сказал Дарлид. — Хотя, нам не пришлось бы охотиться. Сидели бы в роскошных палатах и заставляли всех в нашей стране вкалывать на Зеннат до седьмого пота. Что скажешь, Алина, может, в следующий раз все же пойдём в правители?

— Помечтай, дорогой, помечтай.

— Тогда на крыше Лисидия сказала, что я появился из-за ее магии, — вспомнил Кенрон. — Вот, что она имела в виду. Без ее лекарства вас бы не было в живых.

— Даже не знаю, стоит ли вспоминать эту историю, — сказал Дарлид, огромной пятерней он принялся чесать затылок.

— Видишь ли, мы с твоим отцом не были так уж дружны, когда начался тот турнир, — сказала Алина. — Мы числились в одной команде, но у нас не было планов заводить семью. Можно сказать, мы с трудом терпели друг друга.

— По крайней мере, так говорят все наши знакомые, — сказал Дарлид, разглядывая потолок. — Я лично не помню, как мы друг к другу относились до турнира.

— Лисидия провела целый ритуал в лесу, — сказала Алина. — Мы с твоим отцом потеряли большую часть воспоминаний. Тогда мы словно встретились впервые.

— И я сразу понял, что такую красотку, как твоя мать отпускать нельзя, — сказал Дарлид, довольно улыбаясь, после чего откашлялся. — В общем, Лисидия заставила нас пересмотреть некоторые наши взгляды. Но я бы не стал считать твое рождение ее личным достижением. Не думай об этом, отдыхай.

— Мне будет непросто все это переварить, — сказал Кенрон, его голова начинала кружиться, и он не был уверен, что раны имели к этому хоть какое-то отношение. — Вы покупаете лекарство у зеннатцев, а я чуть все не испортил.

— Ты еще не забыл, что пообещал отцу сделать то, что он скажет? — спросила Алина.

Кенрон помотал головой — нет, мол, не забыл. Хотя, по правде говоря, многое после вести о болезни родителей начисто вылетело из его головы. В том числе и просьба отца выполнить какое-то неназванное поручение.

— Вот, что тебе следует делать, — сказал Дарлид, он пристально взглянул на Кенрона. — Сейчас между Зеннатом и мятежными дайгонцами происходят... трения. Пока не повзрослеешь, не занимай ничью сторону. Это все, о чем я тебя прошу. Отказывайся от любых предложений. Попросят выбрать или помочь — молчи, разворачивайся и уходи. Ты не понимаешь до конца людей, а они пытаются тобой управлять.

Кенрон кивнул. В любом случае, он не хотел больше встречаться ни с Лисидией, ни с Оррином Глэром. Эти двое могли портить друг другу кровь, сколько им вздумается, строить козни и планы, собирать единомышленников и бряцать оружием. На все это Кенрон отныне будет смотреть с безопасного расстояния, прямо, как отец и велел ему.

— Тебе нужно опасаться одного человека, — продолжил Дарлид. — Он был на поле с Оррином, но в отличие от других его сторонников он не спешит покидать Керфен. Нэфис Надэм, старик с белыми волосами в черных очках, он тогда стоял позади всех, помнишь его?

У Кенрона кольнуло сердце. Так вышло, что с Нэфисом он встретился еще до беспорядков на поле за городом. И, судя, по всему, именно из-за Кенрона Нэфис вообще появился в Керфене вместо того, чтобы сидеть на берегу озера и наблюдать за излишне

агрессивными рыбинами.

— Помню, пап, — сказал Кенрон.

— Ходят слухи, он пытается купить то, что люди обычно не покупают, — сказал Дарлид. — У стражи к нему много вопросов. Возможно, он захочет встретиться с тобой после того, как ты выйдешь из лазарета. Если увидишь его, сразу же расскажи мне или стражникам. За него не волнуйся, его попросят покинуть Керфен, только и всего. Мне бы этого очень хотелось.

— Ясно, пап, — сказал Кенрон.

Как Кенрон вскоре выяснил, его отец сильно недооценил Нэфиса Надэма. Старик не собирался дожидаться, пока Кенрон полностью поправится. Несмотря на охрану, которая стояла вокруг лазарета по ночам, Нэфис Надэм скрыл себя камуфляжем и, дождавшись подходящего момента, направился ко входу в здание городской лечебницы.

Кенрон проснулся из-за того, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза и лениво повернулся в постели. Он видел перед собой только темень. Раздался щелчок, комнату озарил свет небольшой масляной лампы. Перед Кенроном стоял старик с длинными седыми волосами в черных очках с круглыми стеклами.

— Ты как, поправляешься? — хриплым голосом спросил Нэфис Надэм.

Кенрон сел на кровати и протер глаза, пытаясь убедиться, что он видит то, что видит. Нэфис действительно стоял прямо перед ним. На самом деле, в нем было сложно узнать отшельника с озера, небритого со спутанными волосами, забитыми листьями, щепками и грязью, в драном бесформенном балахоне. Оказавшись в городе, Нэфис привел себя в порядок и прикупил, пусть и скромные, но все не заношенные до дыр куртку и жакет.

— Уже ничего не болит, спасибо, — сказал Кенрон и отодвинулся от Нэфиса к краю кровати. — Это все слюна кобольда лекаря. Я слышал о ней, но на себе ощутил впервые.

Он помнил про обещание, данное отцу. Кенрон не собирался соглашаться ни на какие предложения старика, впрочем, тот и не спешил что-то просить. Отец сказал доложить о Нэфисе Надэме страже. Прямо сейчас Кенрон не мог исполнить это указание, но мог расспросить старика, узнать о его планах. Это могло помочь отыскать его после. Пусть Кенрону и не нравилась идея доносить на Нэфиса, он решил, что сделает это, раз уж пообещал отцу. В конце концов Нэфис не помешал похищению кобольда Венни, значит, ему стоило ответить за это перед стражей. В любом случае, его наказание не будет таким уж суровым.

— Пришел поздравить тебя, — сказал Нэфис, — отличная работа.

На мгновение Кенрон растерялся — с чем это его поздравляют? Ему казалось, в последнее время все, что он делал — это ошибался и усложнял ситуацию.

— Мне кажется, я лишь зря потратил время, — сказал Кенрон и подтянул колени к груди, обхватив их. — Родители не были в опасности, их не нужно было спасать.

— Ты первый, кто сразился с зеннатским колдуном, — сказал Нэфис. — Сделал именно то, что собирался проверить Оррин Глэр тогда на поле за городом. Он хотел провести разведку боем, могло погибнуть немало добрых охотников. Тебе же удалось многое выяснить, действуя в одиночку. К тому же, ты остался жив, а это, согласишься, неплохо.

— Я никому ничего не рассказывал, — сказал Кенрон.

— Ты ведь был там не один, — напомнил Нэфис. — Твой отец сделал вид, что напился в баре и выболтал все, что случилось прошлой ночью от начала до конца. Теперь мы знаем о многих способностях зеннатской ведьмы. Это бесценная информация.

— Вы же не собираетесь на нее нападать? — спросил Кенрон, глядя на Нэфиса поверх колен.

— Кто знает, что нам придется сделать, — сказал старик.

— Отец говорил, что именно он у нее покупает? — спросил Кенрон.

— Нет, об этом он умолчал, — сказал Нэфис, покачав головой. — Видимо, решил, что других это не касается. В любом случае, плохо то государство, которое ничего не знает о силе соседа. Это при том, что зеннатцы знают о нас все, что можно.

— Теперь я не чувствую себя так глупо, как раньше, — сказал Кенрон, он вытянул ноги, больше не отгораживаясь ими от Нэфиса, и вздохнул свободно.

— Я даже завидую тебе, — сознался старик. — Ты сражался с зеннатцами, хотя, еще несколько дней назад у тебя даже не было на это причин. Я выгляжу трусом по сравнению с тобой. Но дай мне время, и все изменится.

— Вы ведь были тогда с Оррином Глэром на поляне за городом, — сказал Кенрон. — Зачем вы с ним связались? Он задумал что-то недоброе.

— Боюсь, я его к этому и подтолкнул, — сказал Нэфис, губы его на мгновение плотно сжались, он глубоко вздохнул и продолжил. — Сейчас я не одобряю ни его методов, ни цели.

— Рад слышать, что вы не заодно, — сказал Кенрон.

— Он говорит, что хочет добиться для дайгонцев лучших условий, — сказал Нэфис. — Но его интересует только личная вражда с твоим отцом. Они были давними соперниками на турнирах и Оррин ни разу не смог занять первое место. Он хочет разрушить все договоренности с Зеннатом, которые появились благодаря Дарлиду. Что будет потом, Оррина не волнует.

— Вы знаете, где он? — спросил Кенрон, подавшись вперед. — Я хочу написать его сыну.

— Понятия не имею, где он сейчас. — Нэфис, пожал плечами. — Хотя, возможно, он отправит мне весточку. Мы расстались друзьями в конце концов.

— Жаль, я хотел узнать, где живет Ирман, — сказал Кенрон. — Наверно, нам не стоит сейчас разговаривать. Чафис был тяжело ранен. Ночью ему нужны покой и тишина.

— О ком это ты? — спросил Нэфис, приподняв седую бровь. — Мы здесь одни.

Кенрон поднялся с постели, почувствовав голыми ступнями холод каменного пола. Перебинтованная грудь тут же отозвалась покалыванием. Он отодвинул занавеску и подошел к соседней кровати, которая так же была окружена занавесками со всех сторон. Рывком Кенрон отодвинул полог синей ткани — койка была пуста, простыня аккуратно заправлена, подушка взбита, уголки торчали в разные стороны.

— Где он? — прошептал Кенрон.

— Я выжидал удобного момента, чтобы пробраться сюда, — сказал подошедший сзади Нэфис. — Видел, как час назад несколько кобольдов врачей выносили своего мертвого собрата.

Кенрон закусил губу и закрыл глаза. Он молча стоял какое-то время, после чего провел рукой по заправленному одеялу.

— Это тот кобольд, сражался с тварями зеннатской ведьмы вместе с тобой? — вывел его из раздумий Нэфис.

Кенрон кивнул, он был не в силах ничего ответить.

— Он первая жертва в войне Дайгона и Зенната с нашей стороны, — сказал Нэфис.

— Нет никакой войны, о чем вы говорите? — спросил Кенрон дрожащим голосом.

В это время в коридоре раздалось цоканье когтей по каменным плитам. Через мгновение дверь распахнулась, в палату ворвались четыре кобольда в униформе городской стражи. Тот из них, кто вошел первым, был заметно крупнее других, чешуйки на его вытянутом лице торчали иглами во все стороны. Вдобавок вся его физиономия была покрыта

шпрамами. Взглянув на Кенрона, стоящего между кроватями, кобольд выхватил из ножен шпагу.

По какой-то причине Кенрон ощутил гнев, он закусил губу, чтобы окончательно избавиться голос от дрожи.

— Полегче с этой штукой, — сказал он. — У меня еще старые раны не зажили.

— Я капитан второй охранной керфенской дивизии, — отчеканил крупный кобольд. — Где нарушитель?

Кенрон пожал плечами.

— Не хочу вас расстраивать, но я здесь один, — сказал он. — По крайней мере был, пока вы не ворвались.

— Именем правителя Дайгона, — заревел капитан. — Выходи из камуфляжа и сдавайся!

— Вы мне что снится? — спросил Кенрон, зевая. — Какой нарушитель?

Пока капитан охраны разглядывал комнату и жадно нюхал воздух, слово взял один из его помощников.

— По всему лазарету установлены кристаллы, реагирующие на дайгонскую магию, — сказал кобольд охранник. — Кто-то прошел по коридору в камуфляже и остановился у этой палаты.

— Нарушитель здесь! — прошипел капитан охраны, он был настолько взбешён, что не замечал, как с его длинных губ на пол капала слюна.

— Простите, кажется, это я поднял весь переполох, — сказал Кенрон. — Выходил подышать воздухом на улицу.

Капитан стражи взглянул на него, сощурился, он подошел ближе и принялся обнюхивать Кенрона.

— А что насчет окна? — спросил капитан.

— Не открывается, сами проверьте, — сказал Кенрон и небрежно махнул рукой куда-то в сторону противоположной стены.

Капитан стражи дал знак одному из подчиненных, тот вразвалку подошел к окну, взялся за ручку и потянул на себя. Окно осталось закрытым. Кобольд принялся дергать за ручку снова и снова. В конце концов раздался хруст дерева, кобольд повалился на пол, сжимая отломанную рукоять. Он с кряхтением поднялся и показал капитану результат своих усилий.

— Завтра вышлем ремонтника, — буркнул капитан, сощурился мелкие глазки. — Попрошу больше никуда не ходить ночью.

Кенрон кивнул, зевая и зажимая рот рукой. Все четверо из охранной дивизии вышли в коридор, Кенрон закрыл за ними дверь и лег на кровать, положив руки под голову. Вскоре снаружи раздался постепенно затихающий стук когтей по каменным плитам. Через мгновение в палате вновь стало тихо.

Нэфис Надэм вышел из камуфляжа. Его рука лежала на раме, не давая окну раскрыться.

— Ловко ты их спровадил, — сказал Нэфис. — Я уже не так молод, чтобы воевать с этими молодцами.

Кенрон, отрешённо глядел в потолок, закинув ногу на ногу.

— Отец говорил, что я должен доложить о вас кобольдам, — сказал он.

— Отчего же не доложил? — спросил Нэфис.

— Я уже не уверен, что Дарлид знает, что делает, — сказал Кенрон. — Но не будем об этом. Я слышал, вы хотели купить то, что дайгонцам у себя держать не следует.

— Хочешь знать, что это? — спросил Нэфис.

— Это ваше дело, — ответил Кенрон, махнув рукой. — Скажите только, что не собираетесь никому навредить.

— У дайгонцев и без меня хватает бед, — сказал Нэфис. — Не хотел мешать твоему отдыху, приятель. У меня всего один вопрос.

— Должен предупредить, я не из тех, кто много знает, — сказал Кенрон, вид серого потолка его вполне устраивал, смотреть на что-то еще ему сейчас не хотелось.

— Ты пытался выстрелить из пистолета в зеннатскую ведьму, но из этого ничего не вышло, — сказал Нэфис. — Что, если ты встретишь зверя с такой способностью, как его можно убить?

— Вот это задачка, — сказал Кенрон и закатил глаза. — Тогда на крыше я видел не так много.

— Я не жду, что ты сможешь сразу дать верный ответ, — сказал Нэфис, — с чего бы ты начал?

— Если пистолетные пули не берут эту преграду, стрелы, арбалетные болты, мечи, копья тоже будут бесполезны, — сказал Кенрон. — Все это застрянет в воздухе рядом со зверем и лишь разозлит его.

— Неприятная способность, — кивнул Нэфис.

— Лисидия говорила с моими родителями и со мной, значит, через защиту проходит звук, — рассудил Кенрон. — Она видела нас, значит, проходит свет. Если она похожа на нас с вами, ей нужно было чем-то дышать, значит и воздух может проходить.

— Атаковать звуком, светом и воздухом, — заключил Нэфис. — Непростая задача. В последнее время я пытался достать одну штуку, но не был уверен, что от нее будет прок. Пожалуй, все же будет.

— Я бы оставил такое животное в покое, — сознался Кенрон. — Обошел бы его стороной.

— Разве дайгонский охотник бежит от трудностей? — спросил Нэфис.

— Иногда он трусливо отсиживается в стороне, пока все не становится из рук вон плохо, — сказал Кенрон. — Прямо, как мой отец.

Откланявшись, Нэфис всадил кулак в стену, отчего окно немедленно распахнулось. Через мгновение Кенрон остался в палате один. Он чувствовал, как в нем закипает злость и не мог понять, что повлияло на него больше: смерть Чафиса или то, что отец легко мог ее предотвратить, но решил этого не делать.

День спустя, Кенрон отправил кобольда посыльного с посланием для Нансы. Он просил ее о встрече в одном из мест, где троица приятелей, (а ныне дуэт) проводили немало времени в теплую пору. Вместо кобольда с ответом от Нансы, явилась она сама. Платье, которое она сшила в конце весны уже заметно износилось, а замены ему, судя по всему, не стоило ждать еще как минимум пару лет. Кенрону хватало такта, чтобы не указывать на расходящиеся швы на местами протертой почти до дыр одежде Нансы. Он понимал, то небольшое, что удавалось заработать девушке, шло на более важные дела, чем починка одежды. На еду, например.

Пруд за северной стеной Керфена неохотно покрывался рябью даже при сильном ветре. В тот день лишь лягушки и редкие рыбины колыхали водную гладь с торчащими из нее камышами. Купались в керфенском пруду редко из-за вездесущих неприятных на ощупь длинных водорослей. Где-то далеко квакала жаба, стрекотали кузнечики. Огромная стрекоза пролетела перед глазами Кенрона.

Они с Нансой сидели на берегу спинами к высокой каменной стене, окружающей Керфен.

Потребовалось некоторое время, чтобы пересказать то, что произошло в оружейном доме. Всех деталей девушке знать было не обязательно. А вот об отравлении родителей, и о том, что лишь зеннатская ведьма может изготовить для них противоядие, Кенрон рассказал во всех подробностях, которые были ему известны.

— Это секрет, ты понимаешь? — спросил он.

— Зачем же ты мне его рассказываешь? — удивилась Нанса.

— Кому-то же я должен рассказать.

Нанса взглянула на него, сорвала длинную травинку и бросила в пруд.

— У меня для тебя не секрет, а так, новость, — сказала она. — Мой отец решил переехать, и я отправляюсь вместе с ним.

Кенрон уставился на нее в полном недоумении.

— Постой, — сказал он, — разве ты не хотела отправится со мной в другую страну? Я почти разобрался, как можно попасть в воздушную гавань.

— Почти разобрался? — спросила Нанса. — Может, с Ирманом ты бы и понял, как туда попасть, но одному тебе это не по силам. Мечты — это здорово, но мне нужен настоящий план. Что мне делать здесь, в Дайгоне?

Кенрон сощурился и опустил голову, он быстро сообразил, что Нанса с ее отцом и вправду жили за чертой бедности. Одежда, в которой девушка ходила с ними в лес, была попросту нелепа, хоть она и сшила ее сама. Ее городское платье не выглядело, как одежда бедняка только потому, что он и Ирман делились с ней тем, что добывали на охоте. Покинуть ту бедную лачугу у реки и вправду могло быть неплохим для них с отцом вариантом. Кенрон стиснул зубы, он решил, что, как бы ему ни хотелось, он не станет ее отговаривать. По крайней мере, не предложив лучшего решения.

— Остайся в моей семье, — предложил Кенрон. — Пусть твой отец едет один, если ему так хочется.

— Хочешь, чтобы я была нахлебницей? — фыркнула Нанса. — Бездельничала в вашем доме, пока ты и твои родители рискуете жизнями на охоте.

— Чем ты займешься на том болоте? — спросил Кенрон. — Будешь искать ценные корешки и ягоды?

— Почему нет? — сказала Нанса, отведя взгляд. — Мне точно нечем заняться в Керфене. Это город охотников и кобольдов, которые делают все за бесценок.

— Хотя бы скажи, где будешь жить, — сказал Кенрон. — Отправлю к тебе посыльного.

— Кобольды не ходят в лес, — напомнила Нанса. — Раз в три месяца мы с отцом будем приходить в город и продавать, что удалось добыть.

— В Керфен?

— В Озриуд.

Кенрон охнул. Город, в который собралась отправиться Нанса считался беднейшим из пять городов Дайгона. Жилье в нем стоило и вправду недорого, но поговаривали, что воры и прочие лиходеи встречаются там на каждом углу.

— Когда ты уезжаешь? — спросил он.

— Через неделю. Ты найдешь себе других друзей в Керфене, — заверила Нанса.

— Если мог найти, ты бы о них знала, — сказал Кенрон. — Охоте обучают с десяти лет, многие проводят почти все время в лесу. В город возвращаются только, чтобы отдохнуть, а затем опять идут с родителями в лес.

— Ты не так уж много охотился в последнее время, — ехидно усмехнулась Нанса.

— Я быстро нахожу зверя, поэтому у меня больше свободного времени, — сказал Кенрон и смущенно почесал затылок, многое, что он мог рассказать о своих успехах на охоте звучало, как хвастовство. — Ирману отец сказал приглядывать за мной или типа того, поэтому мы все время вместе.

— Ну, а я и вовсе не охочусь, — сказала Нанса и отправила камешек в воду щелчком указательного пальца. — У меня полно свободного времени.

— Ты охотилась вместе с нами, — напомнил Кенрон. — И мы делили все заработанное поровну.

— Без вас я и улитку не поймаю, — улыбнулась Нанса без тени радости.

Врать Кенрону не хотелось, его подруга и вправду вряд ли смогла бы вынести из леса хоть сколько-то ценную добычу. Поэтому он предпочел сменить тему.

— Еще есть время для одного совместного дела, не так ли? — сказал Кенрон. — Я позвал тебя не просто так, нужна твоя помощь.

— У меня только два вопроса, — сказала Нанса, пристально взглянув Кенрону в глаза. — А прибыль с этого дела будет? И насколько оно безумно?

— Деньги я тебе обещаю, — заверил Кенрон. — После этой истории с Зеннатской ведьмой мне люди прохода не дают. Расспрашивают на каждом углу. Кто-то даже поздравляет, будто я сделал что-то хорошее. Я стал слишком приметным, не гожусь для того, что нужно провернуть.

— Вот тут ты обратился по адресу, — сказала Нанса. — До меня нет дела ровным счетом никому.

Кенрон предпочел не обращать внимания на эту ремарку.

— Я отправлюсь в лес на несколько дней, — сказал он. — Буду охотиться. Половина от заработанного твоя. Это не треть от двух крыс, поверь мне.

— Верю, — сказала Нанса. — А что я буду делать в это время?

— Самое важное. — В глазах Кенрона загорелся энтузиазм. — Следить за кобольдом врачомателем.

— Я тебя правильно расслышала? — спросила Нанса. — За лекарем?

— Другие кобольды меня не интересуют, — сказал Кенрон, добавив твердости в голос. — Я хочу узнать, правда ли, что только Лисидия может дать моим родителям противоядие.

Нанса задумалась, затем кивнула. Идея ей понравилась, по крайней мере, часть с проверкой важных знаний о лекарстве, которое принимали Дарлид и Алина Амелоты. А вот над всем остальным можно было еще поработать.

— Думаешь, твои родители за пятнадцать лет сами не пробовали это выяснить? — спросила она.

— Зная отца, он вполне мог все это время сидеть на заднице и ничего не делать, — процедил Кенрон.

— Ты это серьезно? — изумилась Нанса. — Как можно говорить так о Дарлиде?

— Что думаю, то и говорю, — отмахнулся Кенрон. — Забудь, сейчас не до этого. Даже, если родители пытались, мы тоже попытаемся.

— Срок у нас всего одна неделя до того, как отец заберет меня на болота, — напомнила Нанса.

— Просто попытайся что-нибудь узнать, — сказал Кенрон. — Попробуй устроиться на работу в лазарет.

Нанса вопросительно подняла бровь, чуть погодя она кивнула — да, в роли работницы лазарета шансов что-то узнать у нее будет больше.

— Кобольды платят людям только за добычу из леса, — сказала она.

Кенрон вытащил из кармана горсть монет и протянул девушке. Та взяла их и сжала в кулаке, не пересчитывая.

— Все, что у меня сейчас есть, — сказал он. — Скажи, что готова поработать за еду какое-то время.

— Я не смогу забраться в какой-то важный кабинет и начать рыться в их бумагах, — сказала Нанса. — Меня тут же поймают.

— Не нужно искать сами сведения, — пояснил Кенрон, — постарайся за пять дней узнать, где могут они хранить свои секреты. Рыться в бумагах я буду сам.

— Сделаю это ради твоего отца, — сказала Нанса. — Тебе с ним невероятно повезло.

— Я так не думаю, — ответил Кенрон и опустил голову. — Ты его плохо знаешь.

Он вспомнил недавний разговор с Дарлидом, от чего по телу пробежала мелкая неприятная дрожь.

Это произошло в последний день пребывания Кенрона в лазарете. Раны на груди давно не болели. Хотя, он ждал, когда срастутся поврежденные ребра, а кости, по словам кобольда лекаря, не болят даже в сломанном состоянии.

Дарлид пришел во второй половине дня, когда солнце основательно прогрело палату, и стало душно, несмотря на распахнутое окно. Кенрон поднялся на локтях, затем, вспомнив, что лекарь запретил делать ему именно это, сел на кровати.

— Хорошо, что ты пришел один, есть разговор, — сказал Кенрон, пропустив какое-либо приветствие.

— Я слышал, что твой приятель кобольд погиб, — сказал Дарлид так же пропустив, вполне уместные сейчас пожелания здоровья. — Очень жаль.

— Нет, вовсе тебе не жаль, — процедил Кенрон. — Было бы жаль, ты легко мог все это

остановить. Ведь ты был в оружейном доме рядом со мной все это время. Ты мог появиться в любую минуту и сказать, что с тобой все в порядке. Мог бы отругать меня за то, что я взял пистолет. Почему ты этого не сделал? Почему ты просто смотрел?

Дарлид сел на кровать, где раньше лежал Чафис. Кенрон стиснул зубы и закрипел ими, ему пришлось глубоко вдохнуть, чтобы успокоиться.

— Это непростой вопрос, — сказал Дарлид. — Помнишь, как я предложил тебе самому решить, пойдешь ты с Оррином Глэром на штурм резиденции или нет?

— Еще бы не помнить, — кивнул Кенрон.

— Это была ошибка с моей стороны, — сказал Дарлид. — Ведь ты понятия тогда не имел, что будет, если решишься напасть на зеннатцев. Чтобы принимать такие решения, тебе нужно многое знать. Сейчас ты знаешь больше. Мы все знаем больше. Если бы мы тогда пошли на штурм, скорее всего, погибли бы все до одного. А Оррин Глэр, наверняка наблюдал бы за этим со стороны.

— Так чем ты лучше? — спросил Кенрон. — Ты только и делаешь, что наблюдаешь. Когда я узнал, что на Венни собираются напасть, я сказал тебе об этом первым же делом.

— Ты поступил верно, — сказал Дарлид, глядя Кенрону в глаза, давая понять — в его словах нет никакой иронии.

— Нет, — отрезал Кенрон. — Ведь ты ничего так и не сделал. Ты дал Оррину похитить Венни. Только не говори, что не смог бы этому помешать.

— Смог бы, — сознался Дарлид. — Венни похитили прямо у меня на глазах. Но это не проблема нашей семьи, это проблема семьи Глэров. Если бы ты не сунулся на то поле, вся эта заварушка нас бы не коснулась.

— Я разобрался с проблемой, и никто не пострадал, — напомнил Кенрон.

— Тебе невероятно повезло, что мои союзники появились вовремя, — сказал Дарлид. — И это везение — худшее, что могло произойти. Теперь ты думаешь, что можешь легко решить любую проблему, уболтав противника или пригрозив оружием. Люди не дикие звери, Кенрон. Их не понять за день или два. Нужно следить за своими противниками и собирать информацию, порой годами и десятилетиями.

— Вот, как ты стал лучшим охотником, — сказал Кенрон и всадил кулак в подушку, выбив несколько перьев. — Отсиживаешься в кустах и ждешь, пока враг ошибется или покажет слабость.

— Может и так. Что в этом плохого?

— А что мама, неужели, она с этим согласилась? — спросил Кенрон.

— Она была против оба раза, — сказал Дарлид. — Хотела помешать Оррину похитить Венни и хотела помешать тебе встретить Лисидию. Оба раза я настоял, чтобы все шло своим чередом.

— И как я могу доверять тебе после этого? — прошептал Кенрон.

— Ты уже дважды забирался в мой кабинет, хотя, я не давал тебе на это разрешения, — напомнил Дарлид. — И ты говоришь о доверии?

— Из-за того, что я сделал, не пострадал ни один человек или кобольд, — сказал Кенрон. — Ты же только и делал, что смотрел, как другим грозит смерть. Тебе это нравится, отец? Я знал одного старика, которого забавляло такое зрелище. Но он изменился.

— Выздоровливай, мы ждем тебя дома, — сказал Дарлид нарочито спокойным голосом. — Никаких наказаний не будет. Но тебе придется сидеть в своей комнате, пока мы не убедимся, что Оррин Глэр, и его приятель Нэфис Надэм покинули город навсегда. А

лучше вовсе оставайся тут. Пусть раны и заживут, немного покоя не помешает.

— С чего мне бояться Нэфиса, он должно быть, вдвое честнее тебя, — бросил Кенрон. — По крайней мере тогда на поле за городом он не прятался и не ждал удобного случая.

Дарлид поднялся и отправился к выходу. Он взялся за дверную ручку, та повернулась с резким скрипом, какого Кенрон раньше не слышал, должно быть, отец вложил немало силы в это движение.

— Как же я разберусь с проблемой, если буду сидеть дома или лежать в лазарете? — бросил Кенрон ему вслед.

— С какой проблемой? — спросил Дарлид, не оборачиваясь.

— С вашей, — сказал Кенрон.

Он вскочил с кровати, и вытащил из шкафа новую рубаху и штаны, которые не так давно принесла мать. Резкими движениями Кенрон принялся натягивать одежду, более находиться в палате лазарета у него не было ни малейшего желания.

Высота каменной стены, что окружала Керфен, достигала пятнадцати метров. Сооружение, по мнению Кенрона, было на удивление бесполезным. Никаких организованных вражеских сил из леса напасть не могло, там их попросту не было. Крупные и по-настоящему свирепые твари также не подходили к городу. Судя по всему, они вовсе не могли понять, что неподалеку находилось поселение охотников, словно какая-то неведомая сила разворачивала опасных существ и направляла их обратно вглубь леса.

Ходили слухи, что так дайгонцев защищала их врожденная способность — камуфляж. Мало того, что она позволяла им становиться незримыми, так еще и город, населенный дайгонцами делался «невидимым» для разного рода опасных существ с большими магическими силами. К слову, для многих из этих созданий стена из камня все равно не стала бы серьезной преградой.

Со стены открывался отличный вид, а кобольды пускали на вершину охранного сооружения всех желающих.

«Попробовали бы не пустить, — усмехнулся про себя Кенрон».

— Что в этом забавного? — спросила Нанса. — Нас тут запросто продует, знаешь ли.

Лес вокруг Дайгона напоминал зеленый ковер, под который натолкали камней разных форм и размеров. Ковер, неуловимым образом шевелился, словно деревья вдалеке медленно менялись друг с другом местами. Может, так оно и было.

Ветер, свободно гулявший над городом, трепал ее короткие волосы. Кажется, они были длиннее пять дней назад, когда Кенрон видел ее в последний раз. Он же о своих волосах давно не вспоминал, и они отросли до самых лопаток.

— Как прошла охота? — спросила Нанса.

— Пытался поймать псовую свинью, — сказал Кенрон. — Никогда не видел животное, которое сначала убивает добычу, а потом ждет, пока та начнет разлагаться, и только потом ест. И все же, это хищник, а не падальщик.

— Разве дайгонские охотники делают не то же самое? — спросила Нанса. — Сначала убивают, потом несут тушу в другое место и даже не пытаются ее съесть.

Кенрон рассмеялся и кивнул, в сравнении определенно была доля правды.

— Обычно у взрослого охотника уходит неделя, чтобы изловить эту свинью, — продолжил он. — Оно того стоит: цена за нее немалая. Жаль, у меня было только пять дней.

Кенрон закатал рукав рубахи и показал один из результатов охоты — три крупных пореза на предплечье правой руки. Раны зарубцевались, кровь не текла уже какое-то время.

Нанса тяжело выдохнула, она словно просила карапуза, которого ей доверили, не шкродить, а тот все равно опрокинул вазу с цветами.

— Может, тебе не стоит пока браться за взрослую работу, — сказала она. — Тем более, ты только из госпиталя.

Кенрон снял с пояса мешок с золотыми монетами, подбросил в руке, ощутив приятную тяжесть добытого своими силами и протянул Нансе. Та взяла деньги, как всегда, не пересчитывая.

— Я поймал только трех. — сказал Кенрон. — Надеюсь, у тебя успехи получше.

— Я никого не поймала, но и меня не поймали. — сказала Нанса и улыбнулась, на что Кенрон вопросительно поднял бровь. — Не лучшее время для шуток?

— Почему же? Не унывать тоже важно, — сказал Кенрон.

— Меня повесили в госпитале. — продолжила Нанса. — Поначалу я мыла полы, но так мне было ничего не узнать. Я помогла расставить доктору Фаугеру склянки с лекарствами, и он сделал меня своим помощником. А старого помощника отправил мыть пол.

— Кто этот доктор Фаугер? — спросил Кенрон.

— Кобольд, который тебя лечил, тот, что с расчёской в нагрудном кармане, — напомнила Нанса.

— Я так и не понял, зачем она ему, — сказал Кенрон.

— Этого я не выяснила, но узнала кое-что другое, — сказала Нанса и хитро прищурилась, раскрывать чужие тайны доставляло ей немало удовольствия. — Наш доктор не дурак выпить с приятелями после работы. Он уходит и часто забывает закрыть кабинет.

— В котором полно разных документов о зеннатской медицине, — добавил Кенрон.

— Я даже помогала их раскладывать по ящикам, — сказала Нанса. — К слову, там ни одного замка. Стоит только дождаться, когда он уйдет, и можно хоть перевернуть его кабинет вверх дном.

— Я думал, ты привяжешься к нему после того, как он тебя повесил, и примешься меня отговаривать, — сказал Кенрон.

— Позволь напомнить, что они мне ни разу не заплатили, только дали сырой рыбы, чтобы я не околела с голоду, — сказала Нанса. — Обычно заранее нельзя понять, когда он отправится в пивную, но через два дня произойдет одно важное событие.

Вдалеке в небе над лесом Кенрон заметил одинокую черную точку. Ее можно было принять за крупную птицу, вот только на таком большом расстоянии птиц было уже не разглядеть. Зеннатский транспортный корабль медленно плыл в сторону Дайгона. Путешествуя по небу, корабли привозили разнообразные предметы на продажу и иногда партию кобольдов работников, а затем забирали добычу, что приносили охотники из леса, и снова уплывали куда-то вдаль.

— Я не слышал ни о каких важных событиях в Керфене, — сказал Кенрон, не без труда оторвав взгляд от точки в небе.

— Еще бы, ведь ни много, ни мало, любимую пивнушку доктора Фаугера собрались закрыть, — сказала Нанса. — Точнее снести, а на ее месте построить склад материалов. Доктор и два его приятеля отправятся туда напиться в последний раз. Об этом он твердил прошлые два дня и даже поменял смены так, чтобы ему ничего не мешало. Его долго не будет в кабинете, ты можешь засунуть нос хоть во все его ящики с бумагами. Надеюсь, это стоило твоих израненных рук.

— А что за друзья у доктора? — спросил Кенрон. — Ты их видела?

— Какая разница? — удивилась Нанса. — Все они уйдут в трактир и пробудут там до самого утра, вливая в себя кружки теплого пива.

Кенрон перегнулся через каменный парапет и мельком взглянул на то, что творилось у подножия стены. Там частенько прохаживались кобольды охранники в сверкающих латах, в поисках подобравшейся к Керфену мелкой лесной живности. В тот момент под стеной не было никого.

Отойдя от парапета в большей уверенности, что их не подслушают, Кенрон продолжил:

— Я подумал, раз этот лекарь — важная шишка, то и друзья его должны быть не из простых кобольдов.

— Верно, — кивнула Нанса, — одного из них ты даже спас от смерти.

Кенрон взглянул на нее с искренним удивлением.

— Вот уж не припомню, — сказал он.

— На поле за городом отряд кобольдов напал на Оррина Глэра, — сказала Нанса. — Их всех перебили его сторонники, остался лишь командир. Только он собрался сразиться с Оррином, как вмешался ты. Тогда тебя схватили, а кобольд так и остался в стороне, зато живой. Его зовут, Герфедон, он заходил в лазарет дважды за последнее время.

— Кто же третий? — спросил Кенрон.

— Куилла.

— Так у них там дама?

Нанса рассмеялась.

— Нет, этот тоже парень, — сказала она. — Огромный кобольд с шипастой шкурой, страшный на вид, он один такой на весь Керфен.

— Я и его знаю, — сказал Кенрон. — Он как-то заходил ко мне ночью.

— Прости, что? — в глазах Нансы отразилось непонимание.

— В здание лазарета проник... один интересный тип, — сказал Кенрон. — Тот кобольд громила завалился ко мне в палату, искал нарушителя. Мне с трудом удалось его спровадить.

— Что ж, ты знаешь всех троих кобольдов, которые собрались в трактир, — подытожила Нанса. — Можешь составить им компанию. Вот только вряд ли тебе нальют пива, по возрасту не подходишь.

— А это неплохая идея, так я и поступлю, — с энтузиазмом закивал Кенрон. — Отправлюсь в пивную вместе с доктором... Фаугером и его приятелями из городской стражи Герфедоном и Куиллой.

— Ты не собираешься рыться в бумагах лекаря, пока него нет? — удивилась Нанса.

— Попасть туда будет сложнее, чем в трактир, — сказал Кенрон. — Мне не поможет то, что он забывает закрыть кабинет. Все здание лазарета напичкано талисманами, которые реагируют на дайгонскую магию. Придется забираться по стене через окно. В итоге в бумагах может не быть ничего полезного.

— Ты решил подслушать их в камуфляже?

Кенрон кивнул.

— Но с чего бы им говорить о лекарстве для твоих родителей? — спросила Нанса. — Разве это тема для застольной беседы?

— Не знаю, о чем обычно говорят кобольды, когда напиваются, — сказал Кенрон. — Они вполне могут обсудить последние громкие события. Один из стражников пожалуется, что ему не хочется иметь дел с мятежными дайгонцами. Доктор ответит, что двух весьма важных дайгонцев Лисидия держит под каблуком. И пока это так, беспорядков ждать не следует.

— Ты почти ничем не рискуешь, даже, если они так и не затронут эту тему, — сказала Нанса, склонив голову набок и потирая подбородок. — Вход в пивную открыт и людям, но мало кому нравится низкие потолки и любимое кобольдами теплое кислое пиво. Но ты кое-что упускаешь.

— Например?

— Нет никаких примеров, — отмахнулась Нанса, — ты можешь что-то упустить в их разговоре. Что, если они не выложат тебе на блюдечке все, что ты хочешь знать?

— Постараюсь запомнить и пересказать тебе.

Нанса взяла его за руку.

— Ты же можешь скрыть и меня камуфляжем? — спросила она. — Так пойдём вместе, это все же не по стенам лазить.

Кенрон действительно мог скрывать другого человека камуфляжем, для этого достаточно было держать его за руку или положить ладонь на плечо. Вдвоем им пришлось бы идти медленнее, чем, если бы он был сам по себе. Однако, двое замечают больше, чем один — это основной принцип охоты, который Кенрон в последнее время и без того нарушал слишком часто.

Доктор Фаугер с нескрываемым пренебрежением разглядывал место своего предстоящего возлияния. Небольшую одноэтажную избушку из бревен, стоявшую у наружной стены города, называли трактиром или пивной, кто-то даже в шутку называл вторым домом. Фаугер же знал, что хижина никогда не предназначалась для того, чтобы принимать посетителей. Когда-то это был склад для сена, которым кормили пару лошадей, что возили первые экипажи по городу. Лошадей стало больше, и склад пришлось строить заново, в этот раз с большим размахом. На какое-то время о срубе на краю города забыли, и лишь потом кому-то в голову пришла светлая идея устроить в заброшенном здании пивную.

Как бы удручающе ни выглядело ветхое строение, Фаугер знал, что стоит ему выпить пару кружек теплого пива, и данная проблема перестанет его волновать. Как и многие другие столь же мелкие неприятности. Из-за угла появился высокий кобольд в сером жакете, Куилла шагал, неприятно насвистывая какую-то мелодию. Он подошел к Фаугеру, как всегда излишне близко, чтобы показать разницу в росте, и потрепал по плечу, хотя, они не были так уж давно знакомы.

Герфедон явился следом, он, как всегда опоздал, хотя там, где ему быть не полагалось, он оказывался первым. Как в тот раз, когда он потерял весь отряд в стычке с Оррином Глэром. Тогда у него не было приказа вступать в бой. Хоть Герфедон и отправил бойцов на бессмысленную гибель, он отделался штрафом и выговором, должность капитана ему тогда сохранили.

Трое приятелей были в сборе, а это означало, что последнюю попойку в приговорённом к сносу трактире можно было начинать.

Три прямоугольных стола, стоявшие в пивной, пустовали. Единственная масляная лампа, надежно закрепленная под потолком, освещала все небольшое помещение. Внутри пивная выглядела точно так же уныло, как и снаружи — коричневые бревна, из которых были выложены стены, никто не удосужился как-либо обработать. Кое-где из них торчали одинокие соломины, напоминая о том, что это место никогда не предназначалось для пьянства и веселья.

Трактирщик стоял за стойкой и со скучающим видом жевал рыбий хвост. Компания их трех кобольдов неспешно подошла к одному из столов, Фаугер сел на круглый стул без спинки.

— А вот это место я бы хотел занять сам, — сказал Куилла.

— Разве есть какая-то разница? — спросил Фаугер.

— Вы, доктор, слишком долго мариновались среди склянок с лекарствами, порошками и мазями, — сказал Куилла. — Очевидно же, с этого места открывается наилучший обзор на входную дверь. Настоящий военный сядет именно здесь, чтобы наблюдать за всеми, кто войдет и выйдет.

— Боюсь, сегодня посетителей больше не будет, — сказал трактирщик, лениво пожёвывая рыбий хвост. — До закрытия всего час, больше никто не придет. Если бы вы не сказали заранее о вашем визите, я бы уже закрыл дверь и пошел домой.

— Час до закрытия? — удивился Герфедон, он так пристально взглянул на трактирщика, что тот отступил на шаг. — Хочешь сказать, чтобы я выметался после двух кружек теплого?

— Что вы, — произнес трактирщик с явной неохотой. — Таких важных господ я выгонять не собираюсь. Оставайтесь, сколько захотите.

Кобольды расселись, заказали теплое пиво, сырую рыбу и сырых же яиц для закуски. Все это лакомство хранилось в подсобном помещении, куда трактирщик немедленно и отправился.

— Нелегкий выдался месяц, я ведь чуть не задержал опаснейшего преступника Оррина Глэра, — не преминул похвастать Герфедон.

— Чуть не задержал? — усмехнулся Куилла. — Да он чуть не выбил из тебя дух, судя по тому, что я слышал. Весь твой отряд полег на том поле.

— Мои воины пали не напрасно, — твердым голосом заверил Герфедон. — Нам удалось раскрыть множество сторонников Глэра. Я был готов и сам напасть на него, но вмешался мальчишка Амелотов. А потом Оррин Глэр и вовсе передумал нападать. Какая досада.

— И что бы ты сделал? — спросил Куилла, улыбаясь уголком длинного рта. — Положил бы два десятка охотников в одиночку?

— Моя сабля меня еще никогда не подводила! — отчеканил Герфедон.

Он положил руку на стальной эфес, напоминая собравшимся, что оружие все еще при нем.

— Даже сюда ее притащил, рыбу ей будешь резать? — спросил Куилла.

— А ты доктор, что думаешь, справились бы мы с бандой Глэра? — спросил Герфедон.

— Нам бы не пришлось, — сказал Фаугер, разводя руками. — Все-таки лучший охотник Дарлид Амелот и его жена на нашей стороне.

— Чем же мы их подкупили так сильно, что они не перейдут на сторону мятежных дайгонцев? — спросил Куилла с сомнением в голосе. — А, может, запугали?

В этот момент Нанса сильно сжала руку Кенрона. Решение войти в пивную до того, как там окажется компания из трех важных кобольдов в итоге оказалось верным. Кенрон и Нанса успели осмотреть помещение, скрываясь в камуфляже, трактирщик все это время стоял за стойкой и очень медленно жевал сырую рыбину, иногда пуская слюни на пол.

Когда трое кобольдов, наконец, вошли в помещение и уселись за одним из столов, Кенрон и его подруга наблюдали за ними, стоя у одной из бревенчатых стен.

— Не верю, что ты был прав, — прошептала Нанса. — Они действительно говорят с твоих родителей.

Кенрон кивнул. Он не мог наверняка знать, о чем кобольды собираются беседовать, и готов был уйти ни с чем, но, похоже, удача им все же улыбнулась.

Разговор приятелей прервал трактирщик, который выбрался из подсобного помещения с покачивающимся на руках подносом. Он подошел к посетителям и принялся расставлять на столе угощение: три больших кружки пива, тарелку с сырой рыбой и миску с куриными яйцами, варить которые никому не пришло в голову.

Доктор Фаугер пригубил теплого пенного напитка и отправил в рот яйцо, с хрустом раскусил его и проглотил вместе со скорлупой.

— Дело в том, — сказал он, — что госпожа Лисидия...

В этот момент одна из кружек с грохотом обрушилась на стол.

— Эй, доктор, а зачем ты таскаешь с собой эту гребенку? — спросил Герфедон, который отбил руку ударом кружки, но выдавать боль не собирался. — Если ты не заметил, волос у тебя нет.

Фаугер взглянул на одного своего приятеля, затем на другого, те в ответ пристально смотрели на него. Ему показалось, что разговор про расчёску им обоим гораздо интереснее, чем рассуждения про мятежных охотников и достал гребень из нагрудного кармана.

— Лучше и в самом деле поговорим об этом, — предложил он. — Госпожа Лисидия строго наказывает тех, кто выбалтывает ее секреты.

Он неторопливо покрутил гребень в когтистых пальцах. В этот момент Кенрон успел заметить на предмете в руке кобольда надпись на незнакомом языке.

— Отличный гребень, не так ли? — спросил Фаугер. — Трактирщик, принеси пива и рыбы, я расскажу эту историю.

— Похоже, сорвалось, — сказала Нанса и опустила взгляд, ей так хотелось помочь Дарлиду и его жене, хотя бы собрав информацию об их болезни. — Идем отсюда. Мы еще можем успеть обшарить кабинет Фаугера.

Кенрон взглянул на нее и, поджав губы, кивнул. Сейчас было уже ясно, что доктор Фаугер по собственной воле не расскажет ни единой тайны Лисидии, и не важно, сколько кружек теплого пива он в себя вольет.

Тем не менее, Кенрон чувствовал, что не может сдвинуться с места. Пусть разговор пойдет не о яде в телах его родителей, но кобольды все еще не знали, что их подслушивают, они вели себя вальяжно и расслабленно. Что-то тайное все же могло сорваться с их языков. Пусть даже толку от их тайн могло быть немного, Кенрону хотелось их узнать. И даже проклятый гребень не давал ему покоя.

— Если хочешь, я выведу тебя за дверь, — сказал Кенрон, — но сам останусь и послушаю.

— В лучшем случае ты услышишь пьяные бредни, — предупредила Нанса.

— Доктор получил этот гребень не в Дайгоне, — рассудил Кенрон. — Каждый из этих кобольдов был хотя бы в одной другой стране. Я хочу узнать, что творится вокруг, за непроходимым лесом. Пусть это никому не поможет, я просто хочу услышать, что они выложат.

Доктор Фаугер положил гребень в центре стола, словно напоминание о предмете их предстоящей беседы. Вскоре трактирщик принес из подсобного помещения еще один поднос с пивом. Прежде, чем сказать хоть слово, кобольды опустошили по половине массивной кружки каждый. В длинные клыкастые рты полетели сырые яйца и рыба. Громко чавкая, они роняли остатки скорлупы и мелкие рыбы кости на пол.

— Так вот, о моей истории, — сказал Куилла. — Я говорил, что меня повысили при переводе в Дайгон? Раньше я был рядовым кобольдом.

— Разве мы не про мой гребень слушаем? — изумился доктор.

— Да кому нужна эта безделушка? — рассмеялся Куилла. — Послушай, ты, лекарь, не видевший ни единой битвы. До того, как попасть в Дайгон, я восемь лет служил в Высшем Фролудском княжестве. А это место размером меньше четырех гектаров.

— Ты что-то напутал, друг, видимо, по пьяни, — сказал Фаугер, он попытался потрепать Куиллу по плечу, но отдернул руку, коснувшись колючек. — Четыре гектара это всего два моих лазарета. Не может быть в мире такой маленькой страны. Да и что там можно было делать целых восемь лет, мышей гонять?

— Я уж не говорю про название, «Высшее» да еще и «Княжество», — усмехнувшись,

сказал Грэфедон. — Постой, там поди живут какие-то недорослики, высотой с палец?

— Живут там такие же люди, как и здесь, — заверил Куилла. — Разве что исчезать не умеют и силушки у них поменьше. Теперь представь свой лазарет и поставь на него еще один, а сверху еще один и так ставь их друг на друга, пока в обморок не упадёшь.

— Так что, это Фролундское княжество один большой дом? — спросил доктор.

— Именно так оно и есть, — сказал Куилла. — Из камня и стекла, этаж на этаже, так, что сверху земли не видно.

— И сколько там этих этажей? — спросил Фаугер.

— Никто не знает, даже сами фролунды, — сказал Куилла, разводя руками, одна из которых крепко сжимала кружку. — Каждый тридцатый этаж висит в воздухе с помощью магии, так что их может быть хоть сотня, хоть тысяча, хоть миллион.

— Ну, это ты загнул, — сказал Грэфедон. — Что же ты там делал в этом домекняжестве?

— Охранял князей, что ж еще? — сказал Куилла, подивившись недогадливостью приятеля. — Все здание стоит в непроглядном тумане, только десять верхних этажей видят солнце днем и звезды ночью. Там и живут князья. А простолюдины, челядь, прозябают внизу, во тьме тумана. Питаются тем, что этот туман им подбрасывает, и платят дань тем, кто сверху.

— У каждого свое место в этом мире, — закивал доктор.

— Вот только простолюдины решили отхватить себе несколько солнечных этажей, — сказал Куилла. — Мы с отрядом должны были охранять подъем, а нижники взяли и на тресах поднялись по стенам. Окружили нас, пришлось давать бой на две стороны.

— Раз ты жив, вы победили, — догадался Грэфедон.

— Увы, мой отряд разбили, — сказал Куилла и отхлебнул из кружки, опустошив ее. — Я дрался так яростно, что меня решили не трогать, но никому из моих солдат не удалось выжить. А затем князья стали падать в туман. Долго падали, пока меня не забрал зеннатский корабль. И вот оно, новое место службы. Знаете, что, не люблю я высоту, люблю, когда все приземленно.

— У вас хотя бы была твердь под ногами, — сказал Грэфедон и принялся елозить кружкой по столу, обозначая эту самую твердь. — Я раньше служил на летающих островах. Снизу нас никто не беспокоил, под нами была разве что одна вода и то так далеко, что плеска не слышно. Остров, где стоял наш корпус, был тихим и безлюдным. Там вообще не было ничего, кроме травы.

— Кто же заплатил вам за охрану пустого клочка земли, пусть и летающего? — спросил Фаугер.

— Фермеры, ранчеры, земледельцы с соседних островов, — принялся перечислять Грэфедон. — В конце каждого сезона на острове, который мы охраняли, устраивали ярмарку. В тот раз все должно было пройти, как обычно. Большинство продавцов прилетели с других островов на своих старых потрепанных стальных посудинах. В этот момент они и напали.

— Кто мог напасть на остров, висящий в воздухе? — спросил Куилла, не доверительно приподняв зеленую бровь.

— Пираты, — сказал Грэфедон. — У них были посудины посолиднее, чем у фермеров. Похоже, украли у Зенната несколько транспортных кораблей и переделали на свой лад. Им было, чем поживиться на том острове, каждый ранчер явился с деньгами, с немалой суммой.

А у кого-то были весьма ценные товары. Нас было два десятка кобольдов с мечами и арбалетами против двух сотен пиратов, вооруженных, что твой дайгонский охотник.

— Ясное дело, вы дали деру, — догадался Фаугер. — По стандартному договору вы не должны принимать неравный бой.

— Конечно, я помню, что там в этом договоре, — отмахнулся Грэфдон. — Я тогда был за главного и приказал до последнего... отступить. А потом меня взяли в плен. Так я и оказался в Дайгоне с понижением должности.

— Так что с твоей расческой, доктор? — спросил Куилла.

— С чем?

Куилла указал на гребень посреди стола. Фаугер спохватился и стукнул себя по лбу.

В этот момент хлопнула входная дверь. Кенрон разглядывал ее какое-то время, размышляя о том, что не почувствовал сквозняка. Вскоре он снова обернулся к кобольдам, ни одного из них хлопок дверью не заинтересовал, возможно, такое и раньше случалось в ветхой избушке, уже приговоренной к сносу.

— Кажется, пиво начинает на меня действовать, — сказал Фаугер. — Перед тем, как попасть в Дайгон, я работал в городе, который назывался Обитель Детей Бурол. Это был и город, и государство одновременно. Город был окружен водой со всех сторон, он стоял почти посредине огромного моря, берегов видно не было.

— Должно быть, там было полно отличной рыбы, — мечтательно проговорил Грэфедон.

— Да, и за десять лет местная рыба мне начала приедаться, — сказал Фаугер. — К слову, Бурол это морской бог похожий на огромную белую змею с перьями. Она, а это именно она, плавает неподалеку от острова и исполняет некоторые желания тех, кто ей молится.

— Не верю, — прошептал Грэфедон, отхлебнул пива и выкрикнул: — Не верю, что рыба может надоесть за каких-то десять лет!

— Как вы можете догадаться, раз я здесь, у Детей Бурол возникли проблемы, — сказал Фаугер. — Они больше не смогли платить Зеннату за услуги. А конкретно, Бурол кто-то съел. Ее обглоданную тушу прибило к берегу города, а хуже всего, что эта туша была заражена неизвестной мне болезнью. Я боролся с симптомами и со временем смог понять, какое лекарство нужно изготовить. Я заказал ингредиенты из Зенната, но доставка их могла затянуться на месяц и больше. К тому времени большая часть жителей могла погибнуть, тут от меня уже ничего не зависело.

— Оставалось только ждать и молиться, — сказал Грэфедон, понимающе кивая.

— Последний, кому они молились, их же и погубил, — напомнил Фаугер. — Я как мог старался убедить людей, что все обойдется, и что лекарство придет вовремя. Но паника нарастала, я ничего не мог поделать. Несколько человек бросились в воду, чтобы узнать имя нового бога. Я не смог их остановить, люди были слишком напуганы. В итоге лекарство прибыло, и почти всех удалось спасти, но новый бог так и не назвал своего имени, без его чудес у города не было денег, чтобы платить Зеннату.

— Как же ты получил этот гребень? — спросил Куилла.

— Купил в местной лавке перед отъездом, — сказал Фаугер. — Вообще, это чесалка для спины с такой вот длинной палкой. Правда, палку в карман не положишь. Она сейчас в моем кабинете. Кстати, я не забыл его закрыть? С меня станется.

За окном сверкнула красная вспышка. Кенрон смог заметить ее лишь краем глаза, он тут

же обернулся и дернул Нансу за руку. Девушка проследила за его взглядом.

— Ты чего? — спросила она.

Окно трактира, было грубо вырублено в стене, ни стекла, ни ставень у него не имелось. Если они и были, их сняли, готовя здание к сносу. По сути окно было лишь узкой прямоугольной щелью, в которую могла пролезть разве что рука. Вспышек больше не было. Кенрон сощурился, как будто это могло помочь ему увидеть, что творилось по другую сторону здания.

То, что произошло дальше ничуть не заинтересовало пьяную компанию.

Бутылка, наполненная прозрачной жидкостью появилась в воздухе. Она пролетела через весь трактир от окна к двери, врезалась в доски и разбилась вдребезги. Тут же дверь, стены и потолок вокруг охватило пламя. Трактирщик выронил из рук пивную кружку и замер, таращась на вспыхнувшую стену.

Вспышка пламени озарила пивную. Огонь, словно играясь, расходился по полу, стенам и массивной двери трактира. Клубы дыма ударили в потолок, оставляя на нем черные отметины.

Никто из трех кобольдов, сидящих за столом, не заметил расплзающегося пламени. Даже Куилла, который до этого специально сел напротив двери, чтобы следить за ней, сейчас был занят изучением расчёски-чесалки для спины.

Кенрон стиснул зубы, резко выдохнул и вышел из камуфляжа, он не знал, сколько у всех них есть времени на то, чтобы выбраться из трактира живыми и невредимыми, скорее всего, немного. Рядом появилась и Нанса, держащая его за руку. А вот это кобольды уже заметили. Куилла тут же вскочил со стула, опрокинув стол набок, словно желая спрятаться за прямоугольной крышкой от незваных гостей.

— Это кто здесь?! — заревел он. — Они подслушали нас! Негодяи!

Поднялся и доктор Фаугер.

— Я его знаю, он совсем недавно был у нас в госпитале, — сказал он.

Грефедон так же вскочил, опрокинув стул. Он указал на Кенрона пальцем, но так и смог вспомнить, где его видел.

— Неважно, подслушивал или нет, у нас проблемы, — бросил Кенрон.

Куилла подошел к нему и взглянул с высоты своего аномального для кобольда роста.

— Мне все равно, чей ты сын, — сказал он, — тебе придется забыть все, что ты услышал. А теперь убирайся отсюда.

— Неплохая идея, — сказал Кенрон, — это место нравится мне все меньше.

Он взглянул на трактирщика, который застыл у дальней стены, будто это могло спасти его от огня и незваных гостей.

— Есть запасной выход? — спросил Кенрон. — Лестница на крышу, большие окна?

Трактирщик мотал головой. Он держал в руках воображаемую кружку и даже пытался ее протереть, настоящая разбилась на множество осколков, что лежали у его ног.

— Тогда придется тут задержаться, — сказал Кенрон.

В этот момент Куилла все же заметил пламя, окружившее входную дверь, он грубо развернул Фаугера и указал ему на огонь, как будто доктор мог не заметить пляшущие словно в издевке языки пламени.

— Это ты поджег дверь, мальчишка!? — в голосе Куиллы одновременно слышалась уверенность и вопрос.

— Хотелось бы мне тебя порадовать, но нет, — сказал Кенрон.

Он еще раз осмотрел помещение в поисках выхода или чего-то, чем можно было сбить пламя. Окно было слишком узким, чтобы кто-то смог в него протиснуться.

— Что же мы стоим, как пугала в поле! — криком прервал его размышления Герфедон. — Все наружу! За мной!

По какой-то неясной Кенрону причине он выхватил шпагу, а затем сломя голову бросился на горящую дверь. Пол был в огне, кобольд пробежал по нему, не обращая внимания на боль. Его ноги тут же покрылись ожогами и копотью.

Герфедон с грохотом врезался в дверь, и его тут же отбросило назад, он вылетел из пламени и повалился на пол. Дверь так и осталась запертой. Острие шпаги застряло между

толстых досок и сломалось, в руке кобольда вояки осталась лишь рукоять, которую он недавно показывал друзьям.

Неудача ничуть не убавила боевого духа Герфедона, он тут же вскочил и принялся отходить назад для нового разбега.

— Я знаю, что вы кобольды можете не чувствовать боль, — сказал Кенрон. — Но ожоги дело серьёзное.

Не обращая внимания на это предостережение, Герфедон снова ринулся вперед. Он пробежал по горящему полу, врезался в толстые дверные доски плечом и головой, и вновь его отбросило назад, словно шишку, отскочившую от каменной стены. Кобольд повалился на пол, выронив эфес шпаги.

— А это уже черепная травма, — сказала Нанса. — Дверь подперли снаружи. Кто-то продумал все заранее.

Не без труда Герфедон поднялся, ноги его были покрыты ожогами и заметно тряслись. Он сделал пару шагов назад, готовясь к новой броске на неприступную пока дверь.

— Ты же видишь, что не выходит, помереть захотел! — бросила Нанса.

— Герфедон никогда не сдаётся! — крикнул кобольд в ответ.

Стоило Герфедону ринуться вперед, как Нанса подставила ему подножку, и тот повалился на пол. Не было похоже, что при падении кобольд сильно ударился головой, но подняться он уже не смог. Несомненно, он получил сильный тепловой удар, когда дважды вбежал в пламя.

— Видимо, Герфедон не слишком умен, — сказала она. — потушим огонь, а потом уже выломаем дверь. Если ты разнесешь горящее масло по этому сараю, станет только хуже.

— Сомневаюсь, что этот тип не повел своих подчиненных против двух сотен пиратов, — презрительно фыркнул Куилла. — Да он бы отправил их напрямик в пропасть и спрыгнул бы следом.

— Мы все погибнем здесь! — завопил доктор Фаугер. — Мы сгорим заживо или задохнёмся!

Не замечая его, Куилла подошел к трактирщику.

— У тебя есть погреб, в котором ты хранишь выпивку, — сказал он. — Открывай люк, внутри можно переждать пожар.

— Там место только для одного, — пробормотал трактирщик. — Будем тянуть жребий?

— Дурак, я там спрячусь, никаких жребиев, — отрезал Куилла.

— Никому не спастись в погребе! Ты задохнешься! — завопил доктор. — Мы все задохнемся!

Нанса также подбежала к трактирщику, обогнув стойку, и схватила его за плечи.

— В самом деле, открой погреб, — бросила она.

— Нет, дайгонская девица! — закричал Куилла. — В погребе спрячусь только я и больше никто!

— Ничего не выйдет! — причитал доктор. — Мы все поджаримся, от нас останутся одни угольки на косточках.

— Выйдет, — заверил Куилла. — У меня выйдет. Когда на нас напали с верхних и нижних этажей в высоком доме, я спрятался в груди матрасов. Меня не нашли, сколько ни искали. Прятаться я умею.

— Замолчите вы все! — крикнула Нанса, к ее удивлению кобольды действительно разом замолкли и взглянули на нее. — Мы потушим огонь тем, что есть в погребе. У вас есть

что-то безалкогольное?

Трактирщик фыркнул.

— Мы же не детей сюда приглашаем, — сказал он. — Только вино и пиво. К слову, лучшие в Керфене.

— Если в нем много алкоголя, оно может загореться, и станет только хуже, — торопливо проговорила Нанса. — Скорее, вспоминайте, горит оно или нет?

— Да я только вчера его водой разбавлял, — сознался трактирщик.

— Так несите! — воскликнула Нанса.

Трактирщик побежал в соседнюю комнату, Куилла было пошел за ним, Кенрон остановил его.

— Ты все хочешь в нору забиться? — спросил он.

Огонь уже охватил всю стену, в которой была расположена дверь. Кенрон заметил, что пламя расходится не так уж быстро. Хорошо горела жидкость, которая была в брошенной бутылке, а вот бревна и доски трактира занимались пламенем, словно нехотя. Тем не менее жар от огня чувствовался даже с расстояния в несколько метров, воздух становился все более удушливым, дым щипал глаза. Сейчас им грозила не гибель от пламени: они непременно задохнутся раньше, чем огонь доберется хотя бы до середины комнаты. На помощь снаружи рассчитывать не стоило — пивная стояла на отшибе у самой внешней стены города. Насколько Кенрон знал, рядом стояли лишь нежилые склады с сеном и строительными материалами.

Доктор Фаугер схватил Куиллу за лацканы жакета и принялся трясти, не говоря ни слова. Куилла с удивлением уставился на него, не понимая, чего в этот раз от него хотят добиться.

— Сейчас мы со всем разберемся, доктор, не паникуйте, — сказала Нанса. — Вы только кислород расходуете.

В подсобке раздались торопливые шаги, и вскоре трактирщик вынес шесть деревянных бочонков, с трудом балансируя ими. Он взгромоздил бочонки на стол и сам развалился на прямоугольной крышке, пытаясь перевести дух.

— Тут еще и вино есть, — сказал он не без гордости. — Тоже разбавленное.

Куилла схватил один из бочонков, впился в его бок зубами и сорвал деревянную крышку. Он попробовал вино на вкус и сплюнул фиолетовую жидкость на пол.

— Вода кислая, к тому же холодная, — сказал он.

Куилла протянул бочонок Кенрону.

— Вы дайгонцы это придумали, вам и тушить, — сказал он. — Твоя подруга вряд ли справится, вон она какая хилая.

Приняв бочонок с вином, Кенрон подошел к огню, жар был сильным. Легкие наполнялись обжигающим воздухом и, несмотря на боль, просили еще и еще — воздух уже почти не был пригодным для дыхания. В это время Куилла и трактирщик открыли еще несколько бочонков с вином и пивом, сами подходить к огню они не решались.

Резким движением Кенрон выплеснул содержимое бочонка в пламя на полу у двери. Огонь вспыхнул еще ярче, к потолку взлетел яркий искрящийся столб, руку Кенрона обдало огнем, он выронил бочонок и принялся хлопать по рукаву рубахи, чтобы потушить его.

Пламя поползло к лежащему на полу Герфедону. Кенрон схватил его за обожженную ногу, то же сделал Куилла, вдвоем они оттащили кобольда, что был без сознания, к противоположной от огня стене.

Доктор подбежал к окну и принялся срывающимся голосом звать на помощь.

— Бесполезно, — сказал трактирщик, — мы на самом краю города, тут никого нет.

Плюнув с досады на пол, Куилла отправился к подсобке, в полу которой находился люк, ведущий в погреб. Рослый кобольд все еще верил, что может спастись, спрятавшись от огня и разрывающего легкие выгоревшего воздуха. Он считал, что достаточно лишь спуститься на пару метров под землю и отгородиться ото всех дверей из тонких досок.

— Если уйдешь сейчас, то задохнешься там, — сказал Кенрон. — Скоро загорятся остальные стены и потолок.

— Вы дайгонцы обманули меня, стало только хуже! — крикнул Куилла. — Что толку вас слушать?!

— Я должна была это предусмотреть, — пробормотала Нанса, понуриив голову. — В бутылке было масло, которое легче воды. Как только мы залили пол, масло попросту всплыло на поверхность и продолжило гореть. Какая я дура!

— Это был отличный план, — сказал Кенрон, — его нужно только доработать.

— Зачем ты врешь мне сейчас? — прошептала Нанса. — Нам уже не выбраться...

Она села на корточки и обхватила голову руками.

— Одного паникера нам достаточно, — сказал Кенрон, положив ей руку на плечо.

С этими словами он взял открытый бочонок с вином и облил девушку с ног до головы. Она взглянула на него с удивлением, по коротким волосам стекал фиолетовый напиток со сливовым запахом.

— Вода отталкивает горящее масло, — напомнил Кенрон. — Теперь какое-то время огонь тебе не страшен.

Другой открытый бочонок он вылил на себя. Следуя его примеру, то же проделали и кобольды. Трактирщик окатил пивом и лежащего на полу Герфедона.

— Нужно выбить дверь, — сказал Кенрон и кивком указал в самое пекло, за которым скрывался выход из трактира. — Давай, здоровяк, подсоби.

Кенрон взял пустой бочонок подошел к перевернутому столу, за которым недавно выпивала компания кобольдов. С размаху он ударил бочонком по ножке, та с хрустом отвалилась. Кенрон проделал то же с другой ножкой, он пнул по крышке стола, та упала на пол, переломив две последние ножки.

Кенрон ухватился за край массивного деревянного прямоугольника и приподнял его. Куилла, поняв задумку, взялся за крышку стола с другой стороны. Кивнув, они побежали вперед, через мгновение торец крышки врезался в дверь словно таран, и с гулким грохотом отлетел назад.

— Давай еще! — крикнул Кенрон, с трудом сдерживая кашель.

Они ударили в дверь снова, в третий раз, в четвертый, в пятый в двери появилась брешь. Одна доска вылетела на улицу, несколько оставшихся досок треснули.

Дверь трактира разлетелась в щепки, на улицу выбежал Кенрон и Куилла, державшие горящую крышку от стола. Они пробежали еще несколько метров, пока не повалились на поросшую травой землю забытой всеми городской улицы.

Вслед за ними выбежала Нанса, доктор и трактирщик, которые несли так и не пришедшего в себя начальника стражи внешних укреплений. Куилла поднялся и тут же бросился в сторону одной из оживленных улиц, прочь от горящего здания. Герфедон пришел в себя, огляделся и тут же принялся кричать:

— Пожар, несите воды!

— Несите песка! — закричал трактирщик. — Не надо воды, песка несите!

Вскоре оставшиеся кобольды скопом побежали в сторону оживленных улиц в поисках тех, кто мог бы помочь потушить пожар. Через мгновение крики раздавались уже где-то очень далеко.

Нанса повалилась на траву рядом с Кенроном. Они слышали треск пламени далекий и уже, казалось, не имеющий к ним отношения.

Она поцеловала его в щеку.

— Я немного испугалась, а ты меня выручил.

— Ты бы придумала что-то получше, — сказал Кенрон, пытаясь восстановить дыхание, — будь обстановка поспокойнее.

— Прости, не лучшее место для первого поцелуя, — сказала Нанса, разглядывая звездное безоблачное небо.

— Я и до этого целовался, — заверил Кенрон.

— Когда ты успел? — удивилась Нанса.

— Не так давно на крыше рынка, — сказал Кенрон. — Так и не понял, почему облизывать друг друга считается чем-то приятным. По мне так — дикость.

— Мы так и не узнали, можно ли раз и навсегда вылечить твоих родителей. — Нанса ударила кулаком по поросшей травой земле.

— Но мы узнали, где искать, — сказал Кенрон. — Я решил. Отправлюсь в Зеннат. Или что там будет за границами Дайгона.

Нанса рассмеялась.

— Похоже, я надышалась винными парами, — сказала она. — Мне показалось, что ты сказал...

— Через два дня, — сказал Кенрон. — Отправлюсь через два дня.

Окна зданий на улице под названием Заморская превратились в белые прямоугольники в лучах утреннего солнца. Нэфис Надэм шел по пыльной дороге, стараясь огибать небольшие рытвины и ямы. Дорога перед посольством Зенната была в ужасном по меркам Керфена состоянии. Ремонтировать ее смысла не было — регент Барглис лишь изредка пользовался этим путем и делал это на весьма необычном средстве передвижения — летающей в метре над землей повозке. Такому чуду техники или магии, а скорее всего и того и другого, ямы и рытвины были не страшнее, чем укус блохи болотному барибалу.

Нэфис остановился рядом с массивными стальными воротами, которые охраняли два кобольда в блестящих на солнце доспехах и в черных масках.

— Что это у тебя на носу, служивый? — спросил Нэфис.

Кобольды переглянулись.

— Да будет вам известно, эта маска может определить дайгонца в камуфляже, — не без гордости ответил один из стражников.

— Более или менее, — добавил второй охранник, за что получил толчок локтем в плечо от своего товарища.

— Рад за вас, — сказал Нэфис Надэм. — Я хочу поговорить с регентом Барглисом.

— Не выйдет, — отрезал охранник и ударил копьём по земле для острастки. — Регент допускает к себе на прием только по особым случаям.

— По каким же? — спросил Нэфис.

— Не имеем права сообщать, — отчеканил другой охранник. — Если такой случай настанет, мы свяжемся с его превосходительством.

Нэфис картинно поднес палец к губам и поднял голову, словно в раздумьях.

— Попробую угадать, что ему интересно, — сказал он. — У меня к нему две новости, но сообщу я их только лично. Я знаю, кто устроил поджог в трактире вчера вечером. А еще я знаю, что кобольды пытались выболтать тайну. Говорили о том, что творилось в странах, в которых они были до того, как попасть сюда. Им ведь запрещено об этом трепаться, верно?

Кобольды охранники переглянулись.

— Я свяжусь с регентом, — сказал один из них.

Стражник отошел в будку, что стояла у ворот, и коротко поговорил с кем-то по другую сторону стены. Вскоре он вернулся и принялся молча разглядывать Нэфиса через прорези в черной маске.

— Долго ждать? — спросил Нэфис.

— Я бы на вашем месте шагал домой, — сказал кобольд охранник. — Регент не будет тратить время на всяких проходимцев.

— Тебе эта маска весь ум отбила, — буркнул Нэфис.

Вскоре с другой стороны ворот раздался стук, который, судя по всему, сообщал стражникам, что ворота вот-вот будут раскрыты. Стальные створки разъехались, за ними стоял одинокий кобольд в блестящем на солнце золотом жакете.

— Прошу за мной, — сказал кобольд в золотом. — Не вздумайте использовать камуфляж, или аудиенция немедленно закончится.

Он указал в сторону двухэтажного каменного здания, отделанного белыми плитами. Вход украшали резные мраморные колонны, держащие массивный козырек. Барглис не мог

взять в толк, на кого регент пытался произвести впечатление, учитывая, что здание резиденции скрывалось от дайгонцев за высокой стеной. Хотя, говорили, что раньше попасть туда было проще.

Кобольд, который вызвался проводить Нэфиса шел без оглядки, заложив руки за спину. Войдя в здание, они оказались в длинном ветвистом коридоре, освещенном магическими кристаллами.

— Здесь повсюду обереги, реагирующие на дайгонскую магию, — сказал кобольд провожатый, словно невзначай. — Если надумаете спрятаться, вас найдут в два счета и выпроводят. Это будет весьма болезненный опыт.

— Не сомневаюсь, — буркнул Нэфис, длинный извилистый коридор начинал его раздражать. — Ты специально водишь меня кругами?

Вскоре они подошли к массивной стальной двери, выкрашенной в белый цвет. Ручка и табличка были покрыты золотом, если не отлиты из ценного металла целиком. Провожатый постучал трижды, затем открыл дверь и жестом пригласил Нэфиса внутрь.

В просторной комнате за столом сидел пухлый мужчина в белом костюме. На самом деле, Нэфис поначалу ужаснулся увиденному, ему показалось, что перед ним младенец, который разросся до размеров взрослого человека. Пухлые щеки и губы были гладкими и розовыми. «Младенец» что-то писал одной рукой, другой он залез в тарелку, стоящую на столе, сгреб какое-то лакомство, отправил в рот и принялся жевать, чуть слышно мыча от удовольствия.

Нэфис Надэм решил, что его разыгрывают. Он шагнул в кабинет, огляделся, и, не увидев других дверей и ни единого человека помимо толстяка в белом, произнес:

— Мне обещали встречу с регентом Барглисом. Только ему я собираюсь рассказать, о том, что знаю.

— Вы перед ним, а я перед вами, — сказал толстяк. — То, что вы поведали стражнику не оставляет простора моему воображению. Некий дайговец знает, кто поджег кобольдскую пивнушку вчера вечером, а также ему известно, о чем болтали кобольды перед началом пожара. Не хотите же вы сказать, что они сами попытались себя спалить, господин...

— Нэфис Надэм.

В эту секунду Нэфис понял, как ловко им управляют, да, перед ним был именно Барглис, сейчас в этом не было сомнений. Весьма нелепый вид позволял регенту получать преимущество в переговорах. Его легко могли недооценить, и хотя-бы часть мыслей оппонентов была занята обдумыванием того, как толстяка, неспособного следить за собой, поставили на столь важную должность.

— Если ты уже догадался, кто спалил сарай твоих кобольдов, почему не прикажешь его задержать? — спросил Нэфис.

— Я не занимаюсь столь мелкими делами, — ответил Барглис, не отрываясь от письма. — За вредительство имуществу Зенната полагается штраф, не более. Под имуществом я подразумеваю и старую лачугу, и кобольдов, что в ней пьянствовали.

— Если тебе нет дела до этого пожара, почему ты позволил мне войти, — спросил Нэфис. — Неужели их выболтанная тайна так тебя заботит?

— Таковы наши правила — кобольды должны помалкивать, — сказал регент и отправил в рот то, что вполне могло быть печеньем. — Тот, кто донес на нарушителей, заслужил награду. Боюсь, часть этих денег уйдет на покрытие ущерба зеннатскому строению, который вы причинили. Однако, оставшаяся сумма будет весьма внушительной, я об этом позабочусь.

— Мне не нужны деньги за донос, — бросил Нэфис.

— Зачем же вы явились сюда? — Удивления Барглиса сквозило в голосе, но глаз он так и не поднял.

— Взглянуть на того, кто отправил мою дочь и внука на смерть вглубь леса, — сказал Нэфис, стараясь унять дрожь в голосе.

— Картина начинает складываться, — сказал Барглис, хрустя печеньем. — И я, дорогой друг, так рад, что вы сегодня здесь появились. Что, ж, давайте перейдем к делу, сперва выскажите, что у вас на уме, посмотрите мне в глаза, только недолго, у меня тут важный документ.

Нэфис шагнул к столу Барглиса.

— Нет, нет, оставайтесь там, где стоите, — протараторил регент. — Для вашего же блага. К тому же, я не хочу, чтобы вы запачкали ковер. А также пол и потолок.

— Хочешь сказать, что умру, если подойду ближе? — медленно проговорил Нэфис.

Барглис едва заметно кивнул.

— Ты не оставил дайгонцам выбора, теперь все они должны охотиться, — сказал Нэфис. — В городе из-за твоих кобольдов не осталось другой работы.

— Дайгонцам всего лишь нужно охотиться, чтобы иметь жилье, еду, и даже недоступные вам лекарства, — сказал Барглис, он отложил исписанный листок бумаги в сторону и взял из стопки новый.

— Ты должен убрать часть кобольдов из города, — отчеканил Нэфис, его начинало раздражать то, что Барглис не воспринимает его всерьез. — Должен разрешить дайгонцам делать то, что сейчас делают кобольды. При этом платить им нужно, как подобает.

— Я здесь как раз для того, чтобы этого не допустить, — заверил Барглис, все еще демонстрируя свою макушку, покрытую короткими зализанными волосами. — Все дайгонцы, которые могут стоять на ногах и держать в руках меч, должны отправляться в лес. Места и живности там более, чем достаточно. Несите все, что убьёте мне, и я щедро заплачу.

— Не каждый дайговец хорош в охоте, — отрезал Нэфис. — Для кого-то риск в лесу слишком велик. Моя дочь и внук сгнули, пытаясь убить монстра, за которого ты назначил огромную награду. У них не было возможности достать деньги другим путем.

— Если я сделаю, как ты просишь, меня объявят предателем в Зеннате, сместят с должности и назначат нового регента, — сказал регент, пожимая плечами. — Если бы меня мучила совесть потому, что я отправляю всех дайгонцев на охоту, я бы не занял эту должность. Однако, я понимаю, что у нас на руках проблема. И ее нужно решить.

— Оррин Глэр не собирается оставлять все, как есть, — предупредил Нэфис. — Он соберёт множество сторонников из тех, чьи близкие погибли в лесу, и придумает, как до тебя добраться.

— Да! — воскликнул Барглис и вскочил со стула и, наконец, взглянул на своего посетителя. — Именно эту проблему я и хочу решить с вашей помощью, дорогой Нэфис Надэм! У вас погибли дочь и внук, это прекрасно! Это делает вас наилучшим кандидатом.

— Если ты пытался меня спровоцировать, — прошипел Нэфис, — у тебя почти получилось, жирный слизняк.

— Не тратьте время на эти бесполезные оскорбления, Нэфис, — отмахнулся Барглис. — Лучше выслушайте меня, ведь я говорю о лучшем предложении в вашей жизни. Я прекрасно понимаю, что с этой горечью утраты нужно что-то делать. Да, у многих родственники погибли или были изувечены в лесу, и теперь кое-кто затаил обиду на Зеннат. Если я не решу

эту проблему, какой же из меня регент?

— Стало быть...

— Религия! — воскликнул Барглис. — Да, нужно придумать подходящую религию взамен тех бесполезных поверий, что ходят по Дайгону. Тут нет ничего сложного. Достаточно убедить людей, что их родственники после смерти в лесу отправились в лучшей мир. Что смерть в лесу почетна и желаема. Вот и все решение.

— Я не могу поверить тому, что слышу, — процедил Нэфис.

— Если все сделаем правильно, дайгонцы будут рады, что их близкие померли во время охоты, — проговорил Барглис с воодушевлением. — Что же мы им предложим? Вот, что я успел набросать. Те, кто был убит диким зверем переродятся, как более сильные охотники, а те, кто умер своей смертью станут кобольдами. Или такой вариант — гибель в лесу ведет к счастливому посмертию в виде духа. В далекой стране духов, где играет блаженная музыка.

— Я придушу тебя, дай только до тебя добраться, — гаркнул Нэфис, сжимая кулаки.

— Вы, дорогой Нэфис, отличный кандидат для духовного лидера, — сказал Барглис, он перегнулся через стол, примяв бумаги толстым брюхом. — Хотите, сами сочините название вашей должности. Придумаем каких-нибудь божеств. Мне все равно, что именно вы будете проповедовать, лишь бы мы прекратили эти беспорядки за городом.

— О, я прекращу беспорядки, — пообещал Нэфис.

Он засунул руку за пазуху и нащупал три длинных острых предмета, прикрепленных к изнанке сюртука. То были метательные иглы, пропитанные ядом. Спрятаны они были так ловко, что при обыске их вполне могли не заметить. Вот только обыскать Нэфиса никто не додумался, с таким же успехом он мог пронести к регенту несколько метательных кинжалов.

Нэфис швырнул в Барглиса три отравленные иглы. Сверкнув в воздухе, стальные спицы повисли прямо напротив лица регента. Тот с изумлением принялся их разглядывать.

У стены справа возник чей-то силуэт. Нэфис обернулся и увидел девушку с длинными бежевыми волосами в белой рубаше и черных штанах. Казалось, при ней не было никакого оружия, лишь два странных черных диска на бедрах, размером с обеденные тарелки.

Нэфис попытался двинуться и не смог, его словно скрутили незримые путы. Сам воздух стал для него непреодолимым препятствием.

— Похоже, с дорогим Нэфисом Надэмом сделки у нас не выйдет, — сказал Барглис, садясь в кресло, которое тут же отозвалось жалобным скрипом. — Ничего, найдем другого дайгонца. Вы еще пожалеете, что отказались, когда мы построим приход в центре города. Это будет прекрасное белое здание, отделанное золотом. В нем заиграет музыка, и загорятся лампы. Пусть секретарь накидает мне список богов, что-нибудь с лесной тематикой.

— С этим все? — спросила зеннатская ведьма.

— Нет, убивать не надо, просто выпроводи. — Барглис вновь уткнулся в бумаги, он не глядя помахал рукой, а затем поднял палец. — С предупреждением, конечно.

Лисидия подошла к Нэфису и коснулась его лба двумя пальцами. На мгновение комнату озарил красный, а затем синий свет.

— Теперь я могу управлять твоим телом, как пожелаю, — прошептала Лисидия. — Еще раз увижу тебя в Керфене, ты отправишься топиться в пруд. Будешь выкрикивать, как тебе надоела скучная жизнь без охоты.

Тело Нэфиса, помимо его воли, развернулось и зашагало прочь из кабинета Барглиса. Он пытался бороться, но это вызывало лишь боль в мышцах. Он не мог говорить и еле дышал, лишь шел по коридору резиденции, чувствуя лишь злость, страх и боль.

Неподвластное Нэфису тело вышло из здания и направилось к воротам. Поначалу походка была дерганная, фальшивая, но с каждым шагом становилась все более естественной, ведьма училась управлять его телом, выходило у нее все лучше и лучше.

Кобольды раскрыли стальные двери и выпустили Нэфиса на улицу. Тут же одна его нога запнулась за другую и он полетел лицом на пыльную дорогу. Ударился он грудью, руки были сцеплены за спиной, он не смог использовать их, чтобы смягчить падение.

Лежа на земле, он размышлял о том, что его так напугало. Он боялся вовсе не смерти в пруду или от удушья, его страшило то, что он больше не увидит этих двоих зеннатцев, не сможет вновь даже приблизиться к ним, чтобы рассчитаться и помешать их гнусным планам.

Тело стало слушаться его лишь через пару минут. Все это время кобольды охранники глазели на него, не проронив ни слова. Нэфис поднялся, отряхнул одежду и отправился в сторону своего жилища.

«В следующий раз, когда ты меня увидишь, и вправду будет последним, — мысленно пообещал он».

Настал день побега. Рассуждать, готов Кенрон или нет, можно было до бесконечности. Вместо этого он решил, отправиться первым же крупным транспортом, который прибудет в Керфен. Никаких проволочек, сомнений или отсрочек, все случится сегодня и ни днем позже.

Он наскоро собрал рюкзак, положив в него лишь самое необходимое. Внутри помимо компаса, ножа, еды на три дня и мешочка с золотыми монетами поместилась охотничья униформа. Кенрон пока не рискнул переодеться в нее, ведь родители наверняка принялись бы расспрашивать, в какую часть леса он собрался. Врать напоследок ему не хотелось, кто знает, когда им снова предстояло свидеться.

Недавно он закончил записку, в которой коротко попрощался с Алиной и Дарлидом, пообещал, что будет держаться подальше от неприятностей там, в Зеннате. Добавил, что постарается вернуться, как только найдет лекарство и избавит их от зависимости от зеннатской ведьмы. Записка лежала в кармане его брюк, ее еще предстояло положить на стол в кухне.

Кенрон вынес рюкзак за ворота, это казалось ему чуть ли не самой сложной частью побега. Он не был готов к расспросам родителей, поэтому принялся укрывать собранное имущество ветвями кустарника, что росли у забора. В этот щекотливый момент кто-то подошел к нему со стороны улицы. Его похлопали по спине, Кенрон вздрогнул и обернулся.

— Это мой последний день в Керфене, — сказала Нанса. — Через несколько часов мы с отцом отправляемся в Озриуд, а, возможно, и куда подальше.

— Это твое решение, — сказал Кенрон. — Я все же попробую пробраться в воздушную гавань.

— Охранники тебя и близко не подпустят, — заверила Нанса.

— Я придумал, как туда попасть, — сказал Кенрон.

— Кого ты обманываешь, — воскликнула Нанса, лицо ее вдруг сделалось серьезным. — Думаешь, они оставят место в трюме специально для тебя?

— В небольших кораблях, которые прилетают каждый день, места и в самом деле нет, — сказал Кенрон. — Раз в месяц прилетает огромный корабль, он привозит тяжелые грузы, забирает здоровые склянки с частями лесных монстров. В трюме такого наверняка будет, где спрятаться.

— Ты даже не знаешь, как долго он будет лететь, — сказала Нанса, продолжая ухмыляться, эти каверзные вопросы явно доставляли ей удовольствие. — Закончится у тебя еда на высоте в полсотни метров, что будешь делать?

— Путь не займет больше трех дней, я уверен, — сказал Кенрон. — Туши мелких животных, которые отправляют в Зеннат, начинают портиться уже через неделю даже в колбах с водой.

Нанса шагнула к нему, оказавшись почти в упор.

— Что, если в Зеннате говорят на другом языке? — спросила она.

— Придется найти переводчика или выучить пару слов, — сказал Кенрон. — И наверняка там найдется шар со знаниями, как тот, что был у Венни. Мне дадут коснуться его, и я быстро выучу их язык.

— Если повезет. — Она ткнула его пальцем в грудь. — Что насчет денег?

— Я прихватил все, что у меня было, — сказал Кенрон.

— Вдруг у них золотые монеты не в цене? — спросила Нанса.

— Я знаю, что везде в цене, — сказал Кенрон. — Магические элементы. Зеннат покупает их у нас, значит, магия хорошо продается по всему миру. Пойду в их лес, поймаю что-нибудь, и будут у меня деньги.

— Думаешь, сможешь поймать там что-то? — спросила Нанса, не скрывая сомнения.

— Последние пять дней я охотился самостоятельно, и у меня отлично вышло, — сказал Кенрон, а про себя добавил: «разве что руку мне расцарапали, но это ерунда».

— Это был наш лес, а не зеннатский, — напомнила Нанса.

— Довольно расспросов, — отрезал Кенрон. — К такому путешествию невозможно подготовиться заранее, я прекрасно это понимаю. Не пытайся меня отговаривать.

— Вот еще, — отмахнулась Нанса. — Похоже, ты и вправду подготовился к этому путешествию. Тогда возьми и меня с собой, как мы договаривались.

— Я действительно кое-что понял, — сказал Кенрон и покачал головой, — этот путь будет слишком опасным для тебя. Лучше оставайся с отцом.

Нанса схватила его за плечи, будто он собрался дать от нее деру.

— Ты же повел меня в пивнушку кобольдов, — воскликнула она. — И мы там чуть не погибли, но все обошлось!

— Я думал, все пройдет гладко, — сказал Кенрон, отводя взгляд. — Ты знаешь, что случилось в оружейном доме? Я повел кобольда за собой, и гигантский паук вспорол ему брюхо. Я ничем не смог ему помочь. Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— А я хочу, чтобы со мной что-то случилось, — бросила Нанса. — Жизнь здесь хуже некуда!

— Я вернусь, и мы что-нибудь придумаем, — пообещал Кенрон.

Он положил руки ей на плечи, она тут же отстранилась.

— Когда же это будет? — спросила Нанса. — Сколько лет и мне ждать, когда ты вернешься и объяснишь мне, как жить в этой стране?

— Тот кобольд, Чафис умер, — прошептал Кенрон, он взглянул ей в глаза и твердо произнес. — Он в самом деле умер. И он не пошел со мной в другую страну. Он лишь поднялся третий этаж оружейного дома. Я не хочу, чтобы ты взяла и исчезла после битвы с каким-то лесным уродцем. Без камуфляжа в Зеннате делать нечего!

— Мне надоело тебя упрашивать, — Нанса резко развернулась, задев ноги Кенрона подолом развевающегося платья. — Когда мы встретимся в следующий раз, ты будешь просить меня о помощи, а я подумаю, помогать или нет.

— Вот, как мы расстанемся, накричав друг на друга? — спросил Кенрон, опустив взгляд.

Ответом стало молчание. Он попытался взять ее за локоть, Нанса отдернула руку и направилась прочь от калитки дома Амелотов. Кенрон провожал ее взглядом, крепко стиснув зубы. У него не было всех ответов и всех решений, а, значит, и не было права ее останавливать, по крайней мере, тогда ему так казалось.

До отбытия зеннатского транспортника оставалось еще какое-то время, и Кенрон собирался напоследок еще раз поговорить с отцом и матерью. Всего пару минут назад он хотел лишь попрощаться с ними. После разговора с Нансой ему нужен был хороший охотничий совет. Или хотя бы заверение в том, что он действительно справится, когда

останется один в незнакомых лесах.

Кенрон вернулся во двор. Вдали раздавался мерный стук стали по дереву, словно кто-то рубил дрова. Летом печь в доме не топили, звук ударов означал, что кто-то из родителей тренировался в метании ножей.

Деревянные мишени с нарисованными на них концентрическими кругами возвышались на треногах у дальней от дома части забора. Алина, одетая в красивое синее платье, стояла метрах в двадцати от них, она брала один из метательных ножей, что лежали на тумбе рядом, и бросала в мишень, попадая точно в центр.

Кенрон редко видел, как мать тренируется в метании ножей, он считал, что такая практика ей давно без надобности. Еще необычнее было то, что Алина была одета в городское платье, явно предназначенное для прогулок по Керфену, а не для бросания смертоносных предметов. Раздумывая об этом несоответствии формы и содержания, Кенрон подошел ближе.

— Хочешь попробовать? — спросила Алина, не оборачиваясь, иногда ее острый слух пугал Кенрона, — отличная разминка с утра.

— Спасибо, мам, — сказал он. — Я только хотел спросить, если мне придется охотиться в незнакомых лесах, как думаешь, у меня выйдет?

— Что еще за незнакомые леса? — спросила Алина, пристально взглянув на сына. — Тебе рано уходить далеко от города. Никаких незнакомых лесов, юноша.

— Ты всегда будешь так говорить, — насупился Кенрон.

Она потрепала его по голове, а затем протянула Кенрону метательный нож и предложила:

— Покажи свой лучший бросок, и я скажу, насколько ты хороший охотник.

Кенрон взвесил нож в руке, этот снаряд был ему хорошо знаком. Он запустил лезвие. Сверкнув воздухе, оно впилося точно в центр мишени, потеснив уже воткнутые в деревянный диск ножи. Это было только началом, Кенрон взял с тумбы стальную шестиконечную звезду, запустил ее, не взвешивая, и снова попал в центр. Из груды метательных снарядов он извлек длинную иглу, зажал между средним и указательным пальцем, вытянул руку, казалось бы небрежно. Еще один стальной снаряд вошел в центр деревянного диска.

— Очень мило, — сказала Алина и снова потрепала его по голове.

— Что значит мило? — обиделся Кенрон. — Я попал точно в цель.

— Ты старался попасть, но не старался убить, — сказала Алина. — В твоих бросках не было силы.

Она метнула звезду. Та словно исчезла в воздухе, мгновением позже деревянная мишень с хрустом разлетелась надвое.

— Охотник не жалеет добычу, увы, но это так, — сказала Алина, снисходительно улыбаясь. — Лучшим броском нужно убивать, а не показывать, какой ты меткий. Мы делаем это, чтобы выжить, не ради развлечения. Тут нечего стыдиться.

— Я убивал животных, — напомнил Кенрон. — Недавно добыл трех псовых свиней. И сделал это в одиночку.

— И ты никого больше не заметил? — спросила Алина.

Кенрон задумался, затем помотал головой.

— Рядом была добыча покрупнее, — сказала Алина, запуская очередной нож в мишень.

— Откуда ты знаешь? — изумился Кенрон. — Ты была там?

— Я была здесь с Лаубером, — сказала Алина, почти мурлыкая.

— Значит, отец, — прошипел Кенрон, чувствуя, как волосы встают дыбом от негодования. — Он следил за мной?

Алина взяла и принялась крутить в пальцах метательную иглу так быстро, что она исчезла из виду. Трюк впечатлил Кенрона, но он все равно уставился на мать, ожидая ответа.

— Расспроси его о своих успехах, — сказала Алина. — А еще помоги ему присмотреть за Лаубером.

С трудом Кенрон мог поверить, что его опекали во время охоты. А ведь он считал ее своим испытанием, проверкой того, насколько он самостоятелен. Пусть тогда он еще не знал, что отправится в Зеннат, все равно старался обойтись лишь своими силами. Оказывается, ему этого не позволили.

Он вошел в дом, вытащил прощальную записку из кармана и припечатал ее ладонью к крышке кухонного стола. Вышел во двор с другой стороны дома. Отец сидел на скамье под деревом и вырезал из деревяшки какую-то поделку, судя, по всему, птицу с распростертыми крыльями. Лаубер в другой части двора спал, развалившись в гамаке.

— Так значит, ты следил за мной, когда я был в лесу, — с порога бросил Кенрон.

— Не все пять дней, только три из них, — не стал скрывать Дарлид.

Он показал наполовину готовую фигурку птицы, на что Кенрон не обратил никакого внимания.

— Мне не нужна была помощь, — сказал он.

— Мы этого никогда не узнаем, — Дарлид пожал плечами и вернулся к работе по дереву. — Видишь ли, ты был не единственным, кто решил поохотиться на псовых свиней. У тебя был конкурент.

— Другой охотник? — Кенрон сел на корточки перед отцом, чтобы их глаза оказались примерно на одном уровне.

— Да, но не из Дайгона, — сказал Дарлид, стряхивая стружку с ножа. — Я свернул ему шею.

— Что ты сделал? — Кенрон чуть не потерял равновесие от такого известия.

— Кажется, ты уже знаком с болотными барибалами, — Дарлид всадил нож в скамью и уткнул подбородок в ладонь, изображая полную безмятежность. — Они редко появляются рядом с городом, разве что заблудятся. Их шаги бесшумны, а запах животного скрыт ароматом растений на его спине. Если он ляжет посреди поляны, его можно спутать с бугром, покрытым травой. Но стоит подойти ближе, и мгновенно лишишься ноги.

— Я бы его заметил. — В голосе Кенрона сквозило сомнение. — Ты не дал мне шанса узнать, когда убил его.

— Меня ты, к слову, тоже не заметил, — сказал Дарлид, — а ведь я не всегда был в камуфляже.

— Тебя считают лучшим охотником Дайгона. Знали бы они, что ты все время прячешься, — фыркнул Кенрон. — Я только и хотел узнать, как далеко от города могу охотиться один.

— Лучше бы ты подумал, насколько послушным ребенком ты можешь быть, — сказал Дарлид, он схватился за вырезанное из дерева крыло птицы, отломил его и бросил под ноги. — Твари в лесу сейчас не главная наша забота. Ты слышал, что творится в городе? Недавно сожгли зеннатскую хибару.

— Ах, это... — вырвалось у Кенрона.

— Кто-то что-то замышляет против Зенната. — Дарлид протянул руку, взял Кенрона за подбородок и поднял его голову так, чтобы их взгляды встретились. — Этот город выстроен кобольдами, если мы хотим здесь жить, нам нужно убедиться, что все недовольные ушли отсюда, что поджогов и разрушений больше не будет. Ты помнишь, кто был на стороне Оррина Глэра тогда на поле. Увидишь хоть одного из них, скажи мне или кобольдам.

— Ты же сказал не переходить ни на чью сторону, — напомнил Кенрон, он поднялся, освободившись от руки отца.

— Именно так, — кивнул Дарлид. — Но следующий дом который сожгут, может быть нашим. Поэтому делай, как я говорю.

— Охотник из меня неважный, — принялся перечислять Кенрон, загибая пальцы, — я не разбираюсь в людях, нужно сдавать всех, кого я вижу кобольдам. Ясно, пап, спасибо.

На глаза попалась неудачная поделка, которую Дарлид разломал и бросил на пол. Кенрону не хотелось смотреть на отломанное крыло, пусть и деревянное. Он махнул рукой, мол, нет у него больше сил это выслушивать, и подошел к спящему в гамаке Лауберу. Он помахал брату на прощанье.

— Хоть ты не говоришь, что у меня ничего не выйдет, — прошептал Кенрон. — Да откуда им всем знать?

Он отправился напрямик к калитке, вышел на улицу и вытащил собранный в поход рюкзак из зарослей кустарника. Тяжесть рюкзака была приятна Кенрону, лишь она напоминала ему о решимости и обещала успех в задуманном деле.

Дорога до ворот резиденции зеннатского регента заняла минут десять. Кенрону не нужно было подходить к самим воротам, он лишь хотел убить время. Вскоре из приемного дома должен был выдвинуться конвой. Раз в месяц кобольды перевозили со склада массивные баки с крупными частями животных, обычно с головами или телами. В этих частях содержалась магия, но извлечь ее и поместить в контейнер поменьше не могли ни дайгонцы, ни местные зеннатцы. В некоторых баках покоились животные целиком. С этим конвоем Кенрон и собирался проникнуть за ворота резиденции, где так же находилась зеннатская воздушная гавань.

Двое кобольдов охранников носили черные маски. По городу уже ходили слухи, скорее всего, распускаемые самими кобольдами, что маски помогают им определить дайгонцев в камуфляже. Далеко не всем выдали этот предмет амуниции, лишь тем, кто охранял важные зеннатские здания. Говорили, что кобольды не так уж хорошо видят дайгонцев в камуфляже, кому-то удавалось проскользнуть мимо незамеченным, в дождь, туман, в сумерках.

Размышляя, удастся ли ему пройти мимо кобольдов в черных масках, Кенрон заметил вдалеке мужчину в черном с белыми волосами до плеч и в черных очках с круглыми стеклами. Старика Нэфиса Надэма трудно было с кем-то спутать, тем более, они виделись в последний раз всего неделю назад. Стоя на разных сторонах улицы, они разглядывали друг друга какое-то время, пока Кенрон не решил подойти.

— Не говори, что я напрасно показался тебе, приятель, — хрипло произнес Нэфис. — Твой отец же хочет, чтобы ты заложил меня кобольдам.

— О, да, хочет, но вы же не собираетесь поджигать наш дом? — спросил Кенрон, усмехнувшись.

Шутка не показалась Нэфису смешной, должно быть, решил Кенрон, про поджоги зеннатского трактира старику ничего не известно.

— Есть то, что достойно гореть, но до вашего дома мне нет никакого дела, — монотонно проговорил Нэфис.

— Конечно, нет, — кивнул Кенрон. — Вы долго жили вдали ото всех, не так ли? Никто не помогал вам, и вы были сами по себе. Хотел узнать, как прожить одному?

— Нужно чтобы тебя никто не опекал, вот и все, — усмехнулся Нэфис. — Человек становится на удивление находчивым, если знает, что неоткуда ждать помощи.

— Спасибо, это я и хотел услышать, — сказал Кенрон.

Он шагнул вперед, чтобы пожать руку Нэфиса, но тот тут же отстранился. Пожалуй, они и вправду не так хорошо знакомы, чтобы обмениваться рукопожатиями, решил Кенрон.

— Собрался куда-то в одиночку? — спросил Нэфис, поправляя черные очки.

— Да, очень далеко, — не стал скрывать Кенрон.

— Оно и к лучшему, — кивнул Нэфис. — Ступай отсюда, малыш, сегодня же. Уходи из города хотя бы до конца дня.

— Скоро меня здесь не будет, — заверил Кенрон. — Что вы делаете напротив резиденции? Пришли посмотреть на их гигантский корабль? От одного вида дух захватывает.

— Я собираюсь отомстить той твари, что убила моих дочь и внука, — сказал Нэфис, казалось бы, совершенно невпопад.

Такая резкая смена темы немного смутила Кенрона. Должно быть, Нэфис растерял все навыки общения, пока жил один на берегу озера.

— Вы говорили, что это было давно, лет двадцать назад, — сказал он. — Многие звери столько не живут

— Этот будет жить, пока я с ним не разделаюсь, — прошептал Нэфис, будто на мгновение забыв о собеседнике.

— Опасно ходить на него в вашем возрасте, — сказал Кенрон. — Соберите команду, одного меча вам не хватит.

— Справлюсь и один, — заверил Нэфис. — Я продал дом и использовал кое-какие былые связи.

Нэфис отодвинул край камзола и показал несколько круглых красных предметов, прикрепленных ремнями к груди. Шары были обернуты в прозрачную пленку, Кенрон без труда узнал, что именно припрятал у себя Нэфис. Вещицы, без сомнения опасные. Стоило одной из них коснуться воздуха и малейшее давление могло привести к разрушительному взрыву.

— Огненная железа! — воскликнул Кенрон. — Мои родители добывают похожие, правда сразу же продают их. Эти штуковины нужно держать в банках, наполненных водой, чтобы они точно не коснулись воздуха. Лучше продайте их кобольдам в приемном доме, дадут хорошую цену.

— Зачем мне их продавать, если я лишь недавно их купил? — спросил Нэфис. — Пришлось заложить дом, впрочем, зачем он мне сейчас?

Один из круглых предметов на ремне выделялся исполинскими размерами.

— Эта железа прямо огромная, рвануть может сильно, — заметил Кенрон. — Вам бы не разгуливать с ней по городу.

— Ты еще здесь парень? — с нарочитым удивлением спросил Нэфис. — Ты же собирался дать деру.

Кенрон кивнул и усмехнулся — именно это он собирался сделать, напоминание ему не требовалось.

Раз в месяц обоз, везущий крупные части животных, выдвигался из приемного дома в сторону резиденции регента. Каждый раз это шествие больше напоминало уличное представление, чем рутинное перемещение грузов из одного района Керфена в другой. Транспорт, на котором кобольды перемещали стеклянные баки, был весьма необычен. Стальные платформы парили в метре над землей. Всего лишь один кобольд толкал такую летающую платформу и делал это без видимых усилий даже при том, что на платформе был закреплен стеклянный бак с водой, куда могло поместиться два таких кобольда.

Таких платформ из приемного дома выдвинулось почти два десятка. Кроме кобольдов, которые толкали грузы, были охранники, что шли, шагая строго в ногу по обеим сторонам обоза.

Со слаженной работой кобольдов охранников контрастировало содержание массивных контейнеров с водой, что стояли на парящих в воздухе платформах. В основном в них были отрубленные головы самых различных диких зверей, клыкастые с гривами, бивнями, и даже щупальцами, головы плавали, выпучив глаза, словно разглядывая жителей Керфена, что оказались на улицах во время хода процессии.

Кенрон узнал своих недавних знакомых — трех псовых свиней, которых ему удалось

изловить. Туши животных поместили в банки с жидкостью целиком и выставили рядом друг с другом на одной из летающих платформ. Кенрону пришла мысль о том, что крыса, которую он поймал в походе к озеру, уже давно отправилась в Зеннат в одной из банок. Она оказалась там, куда он лишь собирался попасть быстрее него, правда, для этого ей пришлось умереть. Не слишком удачная сделка.

Кобольды носили черные маски. Про этот элемент экипировки говорили, что они позволяют заметить дайгонцев в камуфляже. Правда, кобольды видят камуфляж нечетко, иногда не замечают в темноте. Может, если спрятаться за банкой, могли и не заметить через толщу воды?

Проверить это Кенрон не собирался, у него была другая идея о том, как незаметно примкнуть к обозу и попасть на территорию резиденции регента.

Скрывшись в камуфляже, Кенрон подошел к двум кобольдам, замыкающим конвой, похлопал одного из них по плечу. Тот обернулся посмотреть на своего коллегу. Кенрон запрыгнул на летающую платформу, тут же оттолкнулся от нее и залез на крышку бака с жидкостью, в котором плавала отрубленная голова лесного монстра. Крышка бака была не такой уж большой, Кенрон с трудом поместился на ней так, чтобы остаться незамеченным для кобольдов. Взрослому дайгонцу такой трюк было не провернуть.

Вскоре обоз добрался до ворот резиденции регента. С высоты своего нового положения Кенрон попытался заглянуть за стену, чтобы увидеть воздушный корабль, на котором собирался покинуть Дайгон. У него не вышло: стена, окружающая регентство и соседствующую с ним воздушную гавань была не только высокой, но и заканчивалась обрамлением из стальных штырей и колючей проволоки, мешающей обзору.

Несколько томительных минут охранники ворот в черных масках осматривали летающие платформы, то, что было под и между ними. Один из них когтистым пальцем постучал по баку, на крышке которого лежал Кенрон. Легкие удары ощущались всем телом. Вскоре кобольд перестал пытаться привлечь внимание плавающей в баке мертвой головы и спрыгнул с платформы.

Обоз снова двинулся, вскоре Кенрон оказался на территории резиденции. В этот раз вид на воздушный корабль открылся превосходный. Длинный, черный стальной корпус напоминал формой меч в ножнах. Стоя на подпорках, судно дожидалось завершения погрузки, несколько кобольдов мельтешили по посадочной площадке, проверяя, все ли готово к отбытию.

Квадратный люк в борту корабля был открыт, в него вел широкий трап, выставленный под небольшим углом к посадочной платформе. Кобольды принялись загонять внутрь одну платформу со стеклянным баком за другой. Вскоре они завезли внутрь и ту, на которой прятался Кенрон. Он не мог поверить, что все прошло так удачно.

Внутри корабельного трюма было прохладно и темно. Пришлось прильнуть к крышке бака, чтобы не зацепить головой потолок, который не был таким уж высоким. Платформа с лязгом опустилась на стальной пол корабля, кобольды ее прикрутили винтами, чтобы не сдвинулась во время полета. То же они проделали с оставшимися платформами, в итоге баки с ценным грузом были расставлены ровными рядами у стен трюма. Закончив работу, все кобольды выбрались наружу, раздался хлопок по стальному корпусу, видимо, означающий, что к отлету все готово.

Внутри корабля остались лишь двое кобольдов, они сидели в креслах в кабине, их спины были отлично видны Кенрону. Один из них прошел мимо рядов с баками, закрыл дверь люка

и тут же вернулся в кабину.

Корабль взлетел.

Кенрон слез со стеклянного бака и принялся осматривать трюм. Он чувствовал, как корабль набирает высоту и скорость. Вода в баках стала колыхаться, части животных, плавающие в жидкости, принялись медленно поворачиваться, словно вдруг ожили.

В темноте хорошо были заметны узкие оконца, выполненные в боковых и в задней стенах трюма. Кенрон хотел было подойти к одному из них, чтобы взглянуть, высоко ли они поднялись, как в дальнем конце трюма раздался скрип.

Крышка одного из баков съехала в сторону и упала на пол. Внутри плавала отрубленная голова незнакомого Кенрону существа с длинной рыжей гривой и двумя парами торчащих наружу клыков. Голова дернулась, будто в последней конвульсии, затем принялась всплывать к поверхности окружающей ее жидкости. Добравшись до верхнего края бака, голова вылетела из него и повисла в воздухе, вода стекала с нее ручьями. Глядя на это, Кенрон замер, он забыл и про окно, и про высоту и даже про рюкзак, лямка которого выскользнула из его руки.

Алина стояла в кухне и разглядывала стакан воды, который держала в руке. Лучи утреннего солнца проходили через стекло с налитой жидкостью и причудливо разлетались по всей комнате.

Ей нравилась пить именно простую воду, она никогда не заказывала чего-то другого. Говорили, что у воды не должно быть вкуса, Алина готова была с этим поспорить. Вода из одного кувшина могла быть приятной, холодящей, терпкой, и даже иметь слабый мятный привкус. Разумеется, это зависело от того, насколько сильно Алину мучила жажда. Организм «наградил» ее за вовремя выпитую жидкость разными вкусовыми ощущениями. И главное — она всегда могла точно понять, когда воды выпито достаточно. С другими же напитками тело почти всегда просило больше положенного, особенно, если жидкость была сладкой, соленой, содержала алкоголь.

Вот бы узнать, любила ли она так же сильно простую воду в детстве, когда была подростком. Этого она не помнила, большинство ее воспоминаний о себе исчезли, вскоре после того, как невиданный ранее зверь отравил ее и Дарлида во время охоты. Чтобы спасти их зеннатская ведьма устроила ритуал в лесу, который защитил от яда на какое-то время, но заставил забыть все, что они знали о близких и себе самих. При этом ритуал удачно сохранил все их охотничьи навыки, и Зеннат не потерял двух отличных добытчиков.

Скорее всего, Дарлид, которого она встретила после ритуала, отличался весьма разительно от Дарлида, которого она знала ранее. Потеряв память, он стал осторожным, осмотрительным, начал присматриваться к людям, изучать их, собирать информацию. Он, словно пытался восполнить то, что потерял, когда часть его памяти исчезла. И эта черта характера в последнее время создавала трение между ним и их сыном Кенроном. Этот разлад Алина прекрасно видела, но не представляла, как можно помирить этих двоих.

Иногда она размышляла, как потеря памяти повлияла на ее собственный характер. Казалось, она осталась после того случая нормальной девушкой. Но каждый думает о себе, что он нормален, и это с остальными что-то не так. Алина никогда не заказывала ничего, кроме воды. Люди, которые утверждали, что знали ее, так же пытались убедить Алину, что у нее был целый список любимых горячительных напитков, и она никогда не пропускала посиделки в трактире с друзьями. Она даже не сомневалась, что они говорили правду. Сейчас же ей не хотелось пить ничего, кроме воды и общаться ни с кем, кроме Дарлида и своих детей.

Это и был эффект, который появился после того, как она лишилась воспоминаний. Жизнь убедила ее: потерять все можно в любой момент, а значит, ценить нужно то, что есть, и раскрывать потенциал простых на первый взгляд предметов. Наслаждаться обществом тех нескольких близких людей, что у нее были, вместо того, чтобы пытаться познакомиться с половиной города и знать о людях лишь их имена.

Алина повернула стакан с водой, лучи солнца хаотично забегали по кухне. Один из них осветил свернутый вчетверо листок бумаги, лежавший на столе. Она взяла листок и раскрыла, ее глаза быстро забегали из стороны в сторону.

— Кенрон, что это за шутки? — крикнула она. — Иди сюда, молодой человек, и объяснись!

Тишина. Ни шума шагов, ни скрипа половиц. Ее сына уже не было дома.

Руки Алины задрожали, она поставила стакан на край стола и бросилась бежать к выходу из дома. Стакан сорвался с края, врезался в доски, которыми был выложен пол, и разлетелся по всей кухне осколками стекла и каплями воды.

Дарлид сидел во дворе и вырезал фигурку из куска дерева, это была его третья попытка изобразить длиннохвостого ястреба. Алина выбежала из дома, распахнув дверь так резко, что та врезалась в стену.

— Что стряслось? — спросил Дарлид, откладывая работу.

Алина протянула ему записку, за время их совместной охоты они привыкли указывать друг другу на найденные следы прежде, чем рассказывать о своих выводах. Каждый из них самостоятельно изучал находку, потом они сравнивали догадки. Таковы были их охотничьи устои.

Прочитав записку, Дарлид вскочил со скамьи, смял бумагу так сильно, будто собрался выдавить из нее воду. Какое-то время он стоял, глубоко вдыхая, пытаясь успокоиться.

— Это я виноват, — наконец, сказал Дарлид. — Парнишка хочет показать мне, какой он самостоятельный. Мне его и возвращать.

— Побереги силы, здоровяк. — Алина положила руку на плечо мужа. — Ты все равно не успеешь. Некогда ждать экипажа, придется бежать до самых ворот резиденции регента. Ты выдохнешься на полпути.

Дарлид отвел взгляд, бегун на длинные дистанции из него и правда был никудышный.

— Я пойду следом, — пообещал он. — Догоню тебя, как только смогу.

Алина указала на Лаубера, тот уже проснулся и опасно свесился с гамака, будто собираясь свалиться на землю и впечататься лицом в короткую траву лужайки.

— Кто-то должен присмотреть за малышом, — сказала Алина, возвращаясь к входной двери дома. — Попроси Кобе.

— Я велел ей не приближаться к нашему дому, — сказал Дарлид. — Ты помнишь, на что она подбила нашего сына.

— Нет выбора, извинись, если придется, — бросила Алина и скрылась за дверью.

Дарлид сильнее сжал кулаки.

— Надолго я ее к нашему сыну не подпущу, — пообещал он лужайке и двум растущим на ней деревьям.

Вернувшись в дом, Алина наскоро обулась в прихожей и выбежала за ворота, не заботясь о том, чтобы закрыть их. Она осмотрела прилегающую к их имению дорогу — ни единого человека, кобольда или конного экипажа.

Принюхалась, запах сына все еще чувствовался в воздухе. Хотя, и без того было ясно, куда Кенрон направился. Он решил покинуть Дайгон и попасть в соседнее государство, сделать это можно было только по воздуху. Значит, мальчишка отправился в воздушную гавань, что была неподалеку от резиденции регента Барглиса.

Алина бросилась бежать, она мельком осматривала улицы, вглядывалась в лица немногочисленных прохожих, будто те могли подсказать ей, проходил ее сын мимо или нет. Останавливаться, расспрашивать и в ответ получать еще больше вопросов времени не было.

Воздушной гаванью называли каменную площадку, лежащую неподалеку от здания регентства и отгороженную от остального города высокой каменной стеной. Алина не представляла, как Кенрон мог преодолеть это препятствие незамеченным. Но, если смог, он наверняка уже пробрался на корабль.

Ей оставалось пробежать чуть меньше квартала, когда это произошло. Алина замерла, тяжело дыша, она не могла оторвать взгляд от того, что видела в небе. Массивный черный корабль, похожий на меч в ножнах, поднимался над Керфеном, втягивая в брюхо стальные опоры. Развернувшись в воздухе, словно флюгер, размером с дом, корабль тронулся с места и поплыл прочь, медленно выходя за границу города.

Нет, она еще не опоздала, убеждала себя Алина. Воздушные суда редко двигались быстрее лошади, скачущей галопом. Даже, если Кенрон уже в воздухе, она все расскажет Барглису, и тот придумает, как вернуть сына.

Хотя, Кенрон мог все еще быть где-то здесь, так и не решившись удрать. Его могли поймать зеннатцы при попытке попасть на корабль, тогда он скоро вернется домой, а им придется выплатить штраф за проникновение на территорию посольства.

Алина продолжила бег и вскоре выскочила на узкую улочку перед регентством. Напротив резиденции Барглиса стояли два трехэтажных дома без окон — казармы кобольдов. Разумеется, Барглис не допустил бы, чтобы напротив него отстроили жилые дома дайгонцев, из которых можно наблюдать за происходящим в резиденции.

Алина направилась к воротам, которые охраняли два кобольда в латной броне, вооруженные пиками. Здесь повсюду чувствовался запах Кенрона, а также другие более тревожные запахи.

Огненная железа. Этот запах Алина знала хорошо, ведь сама охотилась на ящеров, извергающих пламя, глубоко в лесу. У Кенрона огненных желез быть не могло, а значит, взрывчатку принес кто-то другой.

Регент Барглис никогда не разглядывал взлетающий транспортный корабль, считая это пустой тратой времени. Хотя, он признавал, что вид того, как стотонная стальная машина бесшумно поднималась в небо, действительно завораживал. Транспортные корабли не использовали топлива, это делало их, хоть не слишком быстрым, но весьма дешевым способом перевозить грузы.

Самого регента так же ждало путешествие. Проследив за самым важным событием месяца — отправкой крупных частей магических животных, он обычно отправлялся в соседний дайгонский город Рунфес. Там также готовилась к отправке партия крупных голов и туш, уже запечатанных в баках с водным раствором, защищающим от разложения.

Для перемещения между городами регент использовал надземный транспорт — летающий в полуметре над поверхностью земли автомобиль. Машина обладала хорошей броней, в отличие от воздушных кораблей, при этом весила почти в четыре раза больше челнока того же размера. Тем не менее, надземный автомобиль превосходил по скорости воздушные корабли даже на весьма посредственных дорогах между городами Дайгона.

Транспорт был двухместным, в роли возницы, как и всегда, выступала его телохранитель Лисидия.

В сопровождении шести кобольдов в масках регент вышел во двор. Машина уже ждала его, поблескивая изящным стальным корпусом черного цвета.

Барглис и Лисидия заняли места в машине. Подпорки, на которых стоял транспорт, поднялись и скрылись в корпусе. Они плавно полетели к воротам под взглядами десятка кобольдов охранников.

Стражники ворот отпёрли замок и взялись за ручки, готовясь раздвинуть стальные двери.

Рядом с Алиной вышел из камуфляжа человек — старик с длинными седыми волосами в черных очках. Он стоял спиной к зданиям кобольдских казарм и разглядывал стену, что окружала резиденцию, особенно его интересовали ворота.

Алина вспомнила — этого типа звали Нэфис Надэм, он не только был союзником Оррина Глэра во время беспорядков на поле за городом, но и пытался купить у охотников кое-какие магические элементы. А конкретно те, что можно использовать, как оружие. Цену он предлагал небольшую, и мало кто тогда заинтересовался его предложением. Хотя, после продажи сторонниками Глэра их домов в Дайгоне, деньги у Надэма могли появиться и немалые.

Запах огненной железы усилился. У Алины перехватило дыхание — неужели этот тип раздобыл взрывчатку?

Нэфис Надэм снял черные очки и отбросил их в сторону. Вместо глаз в его глазницах были две крупные уродливые стрекозы, крепящиеся к черепу отростками из плоти. В руке он держал огромную огненную железу, таких Алина никогда не видела. Взрыв подобной штуковины, должно быть, мог сравнять с землей каменный дом.

— Посмотри на меня Лисидия! — крикнул Нэфис. — Посмотри на меня, Барглис!

Мгновенно Алина поняла, что происходит. Нэфис Надэм решил уничтожить Барглиса и Лисидию, подорвав их огненной железой. Она также поняла, что смерть Лисидии означала для ее семьи. Они больше не получают лекарства от яда.

В тот момент выбор у нее был небогатый — броситься на Нэфиса и попытаться оттолкнуть его от летающей повозки с зеннатцами. Тогда ей вряд ли удалось бы выжить, но это бы спасло Лисидию и, зависящего от ее лекарств, Дарлида.

Или же дать Нэфису совершить задуманное. Если Лисидия погибнет, у Алины был бы еще месяц для того, чтобы провести его с семьей. Затем ее дети неизбежно останутся сиротами. Времени на раздумье не было. Что бы она ни выбрала, нужно было начинать действовать со следующим ударом сердца.

У Кенрона все еще оставались силы поддерживать камуфляж. Он прятался между стеклянными баками с разделанными тушами лесных зверей. Через раскрытую дверь трюма он мог наблюдать за двумя кобольдами, что сидели в креслах в кабине транспортного судна. Он не видел, как именно кобольды управляли полетом, ему хотелось это выяснить, но сейчас было не до того.

Он только что наблюдал, как отрубленная голова лесного животного неведомым образом открутила стальную крышку и выбралась из стеклянного контейнера. После чего взлетела в воздух и легла на пол корабельного трюма.

Такой трюк Кенрон видел и до этого. Нэфис Надэм поймал камень, брошенный в него на берегу озера, и было похоже, что булыжник висел в воздухе. Кселли Кобе заставляла Лаубера «летать» по комнатам его дома. В баке с водой была не только голова лесного зверя, там прятался дайговец в камуфляже. К слову, второй пассажир не спешил показываться, определить его местонахождение после того, как он поставил голову монстра на пол, было невозможно. Даже стекающая с него вода исчезала в сознании Кенрона.

Способ спрятаться в стеклянном контейнере был весьма любопытным. Тому, кто это сделал, сперва пришлось убедиться, что кобольды в черных масках не могут рассмотреть дайгонца в камуфляже, который скрывается в воде. К тому же этому человеку пришлось пробраться на склад приемного дома, чтобы у него была возможность спрятаться в контейнере. Кенрон осмотрел остальные стеклянные баки. Если тот человек проник на склад, он вполне мог подложить что-то и в другие контейнеры. Хотя бы спрятать внутри отрезанных голов провизию на тот случай, если полет затянется. Было бы неплохо, так ему точно не придется голодать, если незнакомец с ним поделится.

Размышления Кенрона прервал истошный крик.

Неведомой силой кобольда подняло в воздух, его шея неестественно вытянулась. Он ухватился руками за что-то рядом с шеей, ноги задергались в конвульсии, не доставая до земли. В следующее мгновение его голова с хрустом развернулась под неестественным углом. Кобольд какое-то время смотрел прямоком на Кенрона, а затем рухнул на пол кабины.

Тут же появился и сам дайговец, напавший на кобольда. Это был высокий мускулистый мужчина в черном охотничьем костюме, загорелый дочерна с короткими седыми волосами и аккуратной бородкой. На мгновение он обернулся, чтобы взглянуть в трюм. Кенрон увидел лицо Ирмана, только состарившееся лет на тридцать. Перед ним был никто иной, как изгнанный из Керфена мятежник Оррин Глэр.

Второй кобольд следил за недолгими мучениями своего напарника с широко раскрытым ртом и вытаращенными глазами. Стоило Оррину Глэру появиться, как кобольд вскочил с кресла и указал на него пальцем.

— Я знаю, кто ты! — завопил кобольд. — Я все расскажу регенту. Тебе это с рук не сойдет!

— Барглису? — спросил Оррин, пристально разглядывая его. — Твое право, друг мой. Почему бы тебе не развернуть эту посудину и не направить ее обратно к резиденции?

Кобольд схватился за рукояти, расположенные на панели управления, и тут же отдернул руки, будто те его ошпарили.

— У меня приказ доставить груз до места назначения, — отчеканил кобольд.

— Я поверну этот корабль с твоей помощью или без, — сказал Оррин. — Ты уже показал, какие рычаги мне нужны. У тебя остался последний шанс быть мне полезным.

Из сумки на поясе Оррин вытащил небольшой предмет — стеклянную колбу с жидкостью, внутри плавала красная сфера с бордовыми прожилками — огненная железа. Не такая большая, какую недавно показывал Кенрону Нэфис Надэм, но все равно впечатляющих размеров.

— Одна эта штуковина вмиг разнесет твой корабль. — Оррин ткнул колбой с красным шаром внутри кобольду в нос. — А у меня их тут пять десятков.

Он небрежно махнул в сторону трюма. Кенрон понял, что подтвердилась его недавняя догадка о том, что дайговец не только проник в здание приемного дома, но и смог спрятать что-то в отрубленных головах и тушах животных, что плавали в стеклянных баках. Только спрятаны были не запасы провизии, а нечто более зловещее.

— Разворачивай, мы летим обратно в Керфен, — сказал Оррин.

— Я не могу принимать такие решения... — пролепетал кобольд, — меня накажут...

Оррин схватил кобольда за горло и поднял в воздух.

— Есть у меня и другой метод.

В этот момент Кенрон запрыгнул на спину Оррину Глэру, обхватил его шею обеими руками, и принялся давить на нее, перекрывая воздух. Кенрон хотел лишить отца Ирмана сознания, но точно не знал, получится ли у него. В любом случае нужно было что-то делать. Оррин тут же отпустил кобольда, и тот с грохотом повалился в кресло.

— У тебя был шанс меня убить, неужели не нашлось кинжала? — прохрипел Оррин.

Он вцепился обеими руками в запястье Кенрона, выгнул спину и перебросил мальчишку через плечо. Кенрон плашмя рухнул на стальной пол, отбив спину и ноги. Прежде, чем он успел подняться, Оррин крепко схватил его за горло, взглянул в глаза сверху вниз и произнес:

— Ты просто тюфяк, как и твой отец. Я не приказал бы своему шкету следить за тобой, знай, что ты даже не можешь убить человека.

Кенрон попытался разжать пальцы, сдавливающие его шею, хватка взрослого охотника была чрезвычайно сильной.

— Вы обещали уйти из Керфена, не причинив вреда, — прохрипел Кенрон. — Обещали мне и моему отцу, что не вернетесь.

Оррин поднял его над полом, держа за шею одной рукой. Кобольд, который должен был править кораблем, взирал на происходящее с паническим ужасом, он вцепился руками в подлокотники кресла, даже не помышляя о том, чтобы вмешаться и помочь тому, кто пытался его спасти.

— Я мог бы нарушить слово, — сказал Оррин, — и никто бы не узнал. Но мне не нужно его нарушать. Я не вернусь в Керфен, а эта посуда вернется.

Размахнувшись, Оррин с огромной силой всадил кулак в грудь Кенрона. Несколько ребер тут же сломались, мальчишку отшвырнуло глубоко в трюм, где он повалился на стальной пол. Лежа Кенрон чувствовал лишь, как, как трутся друг о друга кости в груди, и боль растекается по всему телу.

Сердце стукнуло. Алина сорвалась с места и побежала к Нэфису Надэму так быстро, как могла.

Почти мгновенно она оказалась рядом с Нэфисом, схватила руку, держащую огненную железу, не давая бросить ее. Старик повернул к ней лицо, глаза-стрекозы дергались в глазницах, словно пытаясь вырваться.

— Отпусти! — прошипел Нэфис. — Ты хочешь, чтобы Барглис и дальше отравлял жизнь дайгонцев?

— Убей его другим способом, если так хочешь, — бросила Алина.

Она потянула руку Нэфиса к себе, чтобы отобрать взрывоопасную железу. С таким же успехом можно было пытаться отнять у него сырое куриное яйцо, которое старик решил разбить во что бы то ни стало. У нее хватало сил для борьбы, но Нэфис в любой момент мог сдавить железу пальцами, и тогда взрыва было бы не избежать.

— Другого способа нет, женщина, — процедил он. — Ты уже знаешь, как это закончится?

Нэфис стиснул железу в морщинистых пальцах. Пржилки магического предмета засияли красным, он стал пульсировать, словно только что вырванное сердце.

Нэфис в последний раз попытался швырнуть железу, в сторону раскрывшиеся ворот резиденции. Он уже смотрел стрекозиными глазами не на Алину, а на черную летающую повозку, внутри которой, укрытые стеклом и сталью, сидели регент Барглис и его подручная зеннатская ведьма. Он уже не замечал женщину, двумя руками твердо сжимающую запястье его поднятой руки.

Кенрон лежал на полу в трюме, с трудом он нашел в себе силы подняться, опираясь рукой о стену. Его ладонь легла на узкое смотровое окно, за стеклом вдалеке виднелся Керфен, окруженный стеной, он напоминал круглый поднос с расставленными на нем детскими кубиками. Вспышка на мгновение осветила город, клубы дыма и серой пыли заволокли одну из улиц. Насколько Кенрон мог судить, это произошло рядом с резиденцией Регента. Он прильнул к окну, в городе явно творилось что-то недоброе, но сейчас нужно было думать о своих проблемах.

Голос Оррина Глэра раздался где-то очень далеко.

— Вот и Нэфис отомстил за своих родственников, — сказал он, обращаясь то ли к оставшемуся в живых кобольду, то ли к самому себе. — Или хотя бы попытался. Если у него не вышло, я dokonчу работу.

Корабль стал разворачиваться, это чувствовалось по наклону пола и по тому, что Кенрона слегка тянуло в сторону. Он взглянул в узкое оконце, но не увидел там ничего, кроме леса далеко на горизонте. Должно быть, они поднялись на высоту метров в пятьдесят. На разворот уйдет какое-то время, Кенрон надеялся, что у него есть хотя бы несколько минут, чтобы прийти в себя и придумать какой-то план.

Оррин находился в кабине, очевидно, наблюдая за разворотом корабля. Скорее всего, кобольду было суждено жить ровно до той минуты, когда Оррин освоится с управлением и сам сможет направить корабль в сторону города.

Отрезанная голова животного все так же лежала на полу трюма. Ее бессмысленный взгляд так же был обращен к кабине управления. Кенрон подошел отрезанной части животного, держась за грудь. От боли он вцепился в ткань рубахи так сильно, что та начала трещать по швам. Он сел на корточки и засунул руку в раскрытую пасть. Внутри в холоде и влаге нащупал несколько крупных круглых предметов. Он осторожно вытащил один из них, догадываясь, что именно перед ним предстанет.

Предмет оказался крупной огненной железой, обернутой тонкой пленкой, скорее всего, кишечником какого-то животного. В такой оболочке огненная железа не могла слетонировать случайно. Кенрон снова пошарил в пасти и вытащил еще четыре обернутых в пленку железы. Пожалуй, решил он, стоило одной из них взорваться по какой-то причине, за ней тут же рванули бы и все остальные. В трюме было расставлено около двадцати стеклянных баков с тушами и частями животных. Внутри каждого такого трофея могли таиться несколько смертоносных красных шаров.

Кенрон не сомневался, что ему не одолеть Оррина Глэра в рукопашном бою, и кинжал со шпагой вряд ли помогли бы ему. Он упустил свой шанс напасть из камуфляжа, теперь Оррин знал, что он тут, и мог сам уйти в камуфляж, стоило ему потерять Кенрона из виду.

Тем не менее, Оррина Глэра вполне можно было лишить его силы или хотя бы ее части. Стоило выбросить огненные железы за борт, и Оррин уже не сможет взорвать их в Керфене. Не представляя, сколько у него времени до того, как корабль полностью развернется, Кенрон сгреб все найденные железы в охапку и с трудом поднялся на ноги.

Пошатываясь, он подошел к части стены трюма, в которой находился квадратный люк от пола до потолка. Поначалу Кенрон не был уверен, сможет ли открыть его, ведь он ничего не знал о зеннатских технологиях. Рядом с люком к стене крепился рычаг со стрелкой, показывающей вверх и вниз. Он взялся за рукоять и потянул, со скрипом та сдвинулась. Заслонка люка медленно поползла вниз. Вскоре перед Кенроном открылся вид леса с высоты птичьего полета. Тем временем корабль перестал разворачиваться и лег на прямой курс.

Он не успеет вытащить огненные железы из остальных туш животных, которые плавали в баках по всему трюму, понимал Кенрон. Возможно, ему удастся убедить Оррина отказаться от его страшной затеи и направить корабль в другое место. Пока все, что он мог сделать — избавиться от взрывчатки, которую смог найти.

Мощная рука больно сдавила ему плечо.

Кенрона развернуло на месте. Перед ним возвышался Оррин Глэр, судя по выражению лица, он не был зол, скорее, разочарован. В руке он держал за шею кобольда, который, без сомнения, был уже мертв. Оррин швырнул кобольда на пол, тот упал, ударившись головой, и замер, высунув безжизненный язык.

— Я не забыл о тебе, приятель, — сказал Оррин и мрачно ухмыльнулся.

Он отошел на шаг и согнул ногу. Его пинок был страшной силы, воздух выбило из легких Кенрона, от удара его ноги оторвались от пола, и он вылетел в открытый люк корабля.

Ветер свистел в ушах, обе руки болели после сокрушительного пинка и не слушались. Кенрон был в воздухе, он падал. В воздухе вокруг него парили те самые огненные железы, которые он собирался выбросить. Все же он смог выкинуть их с корабля, но в трюме наверняка осталось гораздо больше. С одной из огненных желез ударом ботинка Оррина сорвало пленку. Железа засветилась красным и принялась пульсировать, предвещая скорый и неминуемый взрыв.

Лисидия с трудом могла поверить в то, насколько глупо все вышло. Она подвела машину к воротам регентства и взглянула сквозь них на улицу, чтобы убедиться, безопасно ли там. Полной картины такой взгляд не давал, но все же, был лучше, чем ничего. За воротами стояла лишь женщина, и Лисидия отлично ее знала. Алина Амелот, жена Дарлида лучшего охотника всего Дайгона.

Что этой дайгонке было нужно, Лисидия понятия не имела. Она не собиралась обращать внимания на Алину, даже, если бы та принялась барабанить руками по стеклу автомобиля или же вовсе встала на их пути. Дежурно Лисидия проверила все, что было под одеждой Алины, и не увидела там ничего, кроме голого и весьма стройного тела. Закончив с осмотром местности, Лисидия сосредоточилась на раскрывающихся воротах, ей хотелось провести через них надземную машину, как можно быстрее, и вывести регента из города без лишних проволочек.

Барглис и вовсе молча наблюдал за возней кобольдов, открывающих ворота. До этого момента все было, как обычно. Первая странность, если ее можно было так назвать, случилась, когда створки стальных ворот разъехались в стороны. Стоило Лисидии тронуть с места парящий в полуметре над землей автомобиль, как на дороге впереди появился еще один дайговец. В старике с длинными седыми волосами и в черных очках она без труда узнала Нэфиса Надэма. Не медля ни секунды, Лисидия активировала заклинание «пневма» останавливающее в воздухе все физические объекты, которые приближались к ней с недопустимо высокой скоростью. Это заклинание должно было срабатывать само по себе в минуты опасности. «Ручная активация» была лишь дополнительной мерой.

Разумеется, защита распространялась и на регента Барглиса, сидящего в кресле рядом с ней. Хорошим бы она была телохранителем, если бы могла защитить только себя. В любом случае, хоть Нэфис и напрашивался на наказание, сейчас вывезти регента из города было первоочередной задачей. Их окружала стальная броня корпуса, ударопрочные стекла и заклинание, останавливающее все предметы, способные навредить. Как оказалось, этого было недостаточно.

Лисидия направила машину вперед, пройдя ворота, повернула вправо. В этот момент Алина бросилась к Нэфису, тот поднял руку, словно, пытаясь привлечь чье-то внимание. Дайгонка сцепилась с ним, лишь тогда Лисидия заметила в руке старика круглый красный предмет. Пожалуй, кобольд из приемного дома смог бы сразу определить, что это. Лисидии же потребовалось некоторое время, она перебирала в уме многочисленные магические элементы, которые приносили дайгонцы из леса.

Сфера в руке Нэфиса засияла красным. Лисидия вдавила педаль в пол — универсальный способ защиты от любой магии был увеличением дистанции. На все непонятное, незнакомое, потенциально опасное лучше было смотреть издали. Машина тронулась с места, в это мгновение с гулом и грохотом ее сорвало с дороги и впечатало в стену, окружающую здание резиденции.

Грохот был таким, словно рядом с ними шарахнула молния. Лисидия раскрыла глаза и увидела лишь тьму. Она все еще находилась в салоне автомобиля, внутри все было завалено

мелкими камнями и битым стеклом. Она попыталась открыть дверь, но не смогла. Ее левой руки не было.

Скорее всего, травм она получила немало, важно было лишь то, какие части ее тела еще работали. Лисидия развернулась в сидении и выбила дверь ударом ноги. Воздух снаружи был наполнен серой каменной пылью, силуэты двух кобольдских казарм, стоявших неподалеку, уже не выглядели стройными прямоугольниками, а больше походили на горы с острыми верхушками и осыпающимися склонами.

Выбравшись наружу, Лисидия мельком осмотрелась. В поднявшейся пыли не было видно ни единого человеческого или кобольдского силуэта. Все, кто был неподалеку от взрыва, несомненно, погибли мгновенно, но кто-то мог войти в пылевое облако, сочтя это по какой-то причине хорошей идеей. Она не собиралась церемониться с тем, кто рискнул бы подойти к ней и Барглису в этот момент. Кобольд или дайговец, она убила бы его без предупреждения. Сделала бы это, чтобы защитить регента в минуту уязвимости, а также, что таить, из-за того, что сейчас у нее было прескверное настроение.

Лисидия протянула руку в салон разбитого автомобиля. Почти сразу она почувствовала пухлую ладонь регента Барглиса. Чуть погодя ей удалось вытянуть регента наружу. Весь его когда-то белый костюм был грязен, разорван и пропитан кровью. Насколько она могла судить, их так потрепало именно взрывной волной. Не будь они под защитой брони и заклинания, ни о каких ранах говорить бы не пришлось. Обломки собственной машины разорвали бы их на куски.

— Рвануло гораздо ближе, чем мне бы хотелось, — кряхтя произнес Барглис. — Я думал, это бронированная машина.

Остатки их транспорта, заваленные камнями, выглядели жалко. Машина пришла в полную негодность, передний отсек, в котором хранились магические элементы, позволяющие парить в воздухе, разорвало надвое.

— В этом мире нет ничего неразрушимого, — сказала Лисидия. — Особенно, если применять сильную магию на близком расстоянии. Могло быть и хуже, если бы эта штука взорвалась у нас под носом.

Барглис взглянул на левое плечо Лисидии, которое заканчивалось не рукой, как минуту назад, а обломком кости, с которого капала кровь.

— Вижу, ты в порядке, — сказал регент.

— Жива, значит в порядке, — кивнула Лисидия.

Она повернула диск коробки с монетами на бедре и коснулась той из них, напротив которой остановилась щель. Кончик ее указательного пальца засиял синим. Она поднесла огонек к торчащему обломку кости, тот немедленно принялся удлиняться, кровь остановилась, плоть стала набухать, всходить, словно тесто на дрожжах. Лисидия вела пальцем вниз, кость и плоть следовали за ним, словно, пытаясь догнать. Образовался локтевой сустав, предплечье, запястье, ладонь и, наконец, отрасли все пять пальцев. Лисидия сжала кулак появившейся вновь руки и разжала его — работал прекрасно.

— Нужно вернуться в посольство, сейчас мы крайне уязвимы, — сказала она. — Я потеряла часть заклинаний. Вы готовы идти?

Второй взрыв заглушил ответ регента. Небо закрыло багровым заревом, стена рядом с ними задрожала, с островов раскуроченных кобольдских казарм посыпались кирпичи. Сбивающий с ног порыв ветра поднял в воздух еще больше каменной пыли. Лисидия встала перед Барглисом, укрыв его от новой напасти.

Воздушный грузовой корабль описал дугу в небе. Вылетев из Керфена, он едва успел набрать высоту, на которой должен был оставаться большую часть маршрута, как его нос повело к земле. А точнее, к центру города, где не было ничего, напоминающего посадочную площадку для этого корабля. Человека, который управлял судном, такой расклад полностью устраивал. Он не собирался сажать корабль в городе, даже не собирался быть рядом, когда острый стальной нос врежется в одно из зданий.

Человека, который последним держал в руках рычаги управления, звали Оррин Глэр, он стоял в открытом настежь боковом люке и взирал на плоды своих усилий — мальчишку, беспомощно падающего с высоты пятидесяти метров.

В бессилии Кенрон разглядывал удаляющийся от него черный клин грузового корабля. Он смог забрать с собой лишь пять огненных желез, и теперь красные шары в прозрачных оболочках падали вместе с ним, ударяясь друг о друга перед его лицом. Кенрон быстро понял, что Оррина не беспокоила эта потеря, раз он предпочел избавиться от него, как можно быстрее.

Одна из огненных желез, что падала рядом с Кенроном, засветилась красным. С нее сорвало защитную пленку, и она стала чувствительной к малейшему давлению. Удара ногой взрослого дайгонца было более, чем достаточно, чтобы запустить процесс, который неизменно заканчивался разрушительным взрывом.

Кенрон схватил горящую красным железом и сдавил ее еще сильнее, понимая, что ему предстоит сделать. Он размахнулся и со всей силы бросил ее в сторону летающего корабля. Казалось, Оррина немало удивил такой поступок, глаза его округлились.

«А ты думал, я все так и оставлю? — мелькнуло в голове Кенрона».

Мгновение спустя, его спина взорвалась болью, шум ветра разом исчез. Кенрон не слышал уже никаких звуков. Голубое небо сменилось синим, затем фиолетовым, наконец, стало почти черным. Дышать он больше не мог.

Он был под водой. На мгновение Кенрон решил, что оказался в озере, полном смертоносной рыбы, которое не так давно показывал Нансе и Ирману. В таком случае его бы ждала неминуемая гибель от тысяч острых рыбьих зубов. Нет, он не упал в озеро, что было в нескольких часах пути от города. Он упал в керфенский пруд. Скорее всего, Оррин и сам собирался прыгнуть в этот водоем, когда корабль снизится, и крушение в городе будет уже неизбежным.

Небо над Кенроном снова изменило цвет, на этот раз на бордовый. Вода задрожала, загудела. Он собирался было всплыть, но решил, что ближе ко дну ему будет безопаснее. Над ним полыхало пламя. Взрыв корабля был настолько мощным, что огненное облако, должно быть, достигло водной глади и сейчас облизывало ее огненными языками.

Вскоре вокруг снова стало темно, тихо и невероятно холодно. Стальные куски корабля с глухими ударами пробивали водную толщу и впивались в илистое дно, оставляя за собой след из пузырей. Кенрон попытался всплыть и не смог — что-то вцепилось ему в ногу и не давало сдвинуться с места. Он ощупал голень, сразу несколько длинных водорослей обмотались вокруг ноги и переплелись в подобие узла. Он принялся распутывать узел, затем попытался разорвать гибкие стебли — не вышло.

В голове всплыло множество историй о нелепых смертях охотников. Однажды, дайгонец умер оттого, что заснул под деревом с тяжелыми плодами и один из них свалился

ему на макушку, лишив жизни. Смерть от чего-то, на первый взгляд безобидного встречалась чаще, чем гибель от того, чего человек боялся и сторонился. В этот миг Кенрон мог сам в этом убедиться.

С глухим ударом в воду рухнул какой-то массивный предмет. Кенрон понимал — это его первый и единственный шанс на спасение. Из облака пузырей перед ним возникла клыкастая вытянутая морда псовой свиньи. Взрыв вырвал куски плоти из туши животного, окончательно обезобразив то, что изначально было не слишком-то красивым.

Кенрон ухватился за голову мертвого зверя и потянул ее вниз, попутно раскрывая пасть. Он наощупь схватил все три стебля держащих его водорослей и засунул их в пасть мертвого животного. Он принялся скрести стеблями по ряду зубов нижней челюсти, пока не перепилил одну водоросль за другой. Почувствовав долгожданную легкость, он оттолкнулся руками и ногами от водной толщи. Несколько быстрых движений, каждое из которых отозвалось болью в груди, и он смог выплыть на поверхность.

Все вокруг было в дыму. Куски корабля торчали из воды, многие из них все еще горели. Кенрон поплыл к ближайшему берегу. Он понимал, что нужно выбраться из воды как можно быстрее — он мог потерять сознание от ран в любую минуту.

Он плыл, казалось бы, сохраняя силы, и все же усталость давала о себе знать. Вскоре, изможденный, он оказался у берега, попытался встать, его нога провалилась, не найдя твердого дна. Кенрон снова оказался под водой, в этот раз ничто его не держало, но сил всплыть на поверхность уже не оставалось.

Небо над ним окрасилось в золотой цвет, это определенно было чем-то новым. За запястье его схватила четырехпалая чешуйчатая рука и потянула наверх.

Кенрон лежал на скамье и разглядывал чистое синее небо, будучи не в силах пошевелиться. На грудь давила недавно наложенная повязка, которая зафиксировала сломанные ребра. Тело приглушенно болело, голова кружилось, но сейчас было не до этого. Он находился на вражеской территории, в полной власти тех, кто убивал и за меньшее, чем совершил он, в руках зеннатцев.

Не прошло и часа с того момента, как его вытащили из пруда. Там он чуть не расстался с жизнью, захлебнувшись в мутной воде. Лишь в последний момент, когда сознание покидало его, кобольд в золотом жакете выволок его на берег. К спасшему его кобольду подоспели несколько приятелей, один из них протянул Кенрону флягу с какой-то жидкостью. Пахло лекарством, похожее Кенрон принимал в керфенском госпитале, когда попал туда с пулевыми ранениями. Вот и в этот раз он понадеялся на чудесное действие кобольдской медицины и осушил флягу одним залпом.

Боль в груди ушла, при этом все тело онемело. Кобольды приподняли его рубаху и принялись обматывать тело бинтами. Закончив, переложили на носилки и, после небольшого осмотра, подняли и куда-то понесли. Кенрон не сомневался, что скоро его поместят в один из экипажей, курсирующих по городу, и отвезут в госпиталь. Однако, произошло нечто совсем иное, кобольды занесли его напрямик на территорию воздушной гавани, граничащей со зданием регентства. Пронесли через тяжелые стальные ворота за высокую стену, утыкавшую сверху стальными шипами, и положили вместе с носилками на одну из скамей. После чего встали рядом и принялись наблюдать за тем, как он лежал без движения.

Кенрон решил, что так же могли чувствовать себя изловленные в лесу магические твари, если бы оставались в живых. Их путь так же проходил через эти ворота, их беспомощными проносили по территории воздушной гавани, они теперь принадлежали Зеннату и уже ничего не могли сделать, чтобы изменить свою судьбу.

Настало время задуматься о том, как его угораздило попасть в столь незавидное положение. Неужели его давняя мечта попасть в другую страну была ошибкой. Кенрон не собирался в это верить. В его мечте выбраться из Дайгона и повидать мир, не было ничего дурного. Он попросту выбрал неверный метод ее достижения.

Дайгонцы с давних времен использовали магию камуфляжа для охоты. Когда раз за разом скрываешь свое присутствие от зверя, чтобы подобраться к нему и выполнить свою работу, этот способ отпечатывается в сознании. Пытается пролезть во всё, что делает дайгонец. Вот и сейчас, первое, что Кенрон придумал для того, чтобы попасть в другую страну — схитрить, использовать камуфляж, чтобы обмануть зеннатцев. Вот только уже не в первый раз из этого ничего не вышло.

Камуфляж не помог ему в борьбе против зеннатки Лисидии. Проникновение в воздушную гавань раскрылось, и дальнейшая его участь выглядела не слишком радужной. Кенрон решил, что, если ему удастся пережить этот день, он не будет пытаться проникнуть в другую страну с помощью обмана. Он найдет честный способ, сколько бы лет это ни заняло. Не станет скрывать то, что отбывает за границу Дайгона ни от семьи, ни от зеннатцев. Может, он и разозлит кого-то из них тем, что собрался сделать, но они все равно будут знать о его планах. Только честным способом ему удастся выполнить столь сложное дело.

Постепенно чувствительность тела возвращалась, как и боль с головокружением. Ему протянули флягу с лекарством, Кенрон помотал головой, он предпочитал оставаться в трезвом уме, хоть и не знал, как именно это могло ему помочь.

Не так давно он видел казнь человека, который забрался на территорию воздушной гавани и был пойман. А затем его превратили в монстра с помощью нестабильной магии на глазах у всего города. Ну что ж, размышлял Кенрон, представление тогда вышло впечатляющим, на многих оно подействовало, вот только не на него самого.

Конечно, в этот раз Кенрона принес сюда кобольд, который помог ему выбраться из пруда. Сейчас он оказался в запретной зоне не по своей воле и это не могло считаться преступлением. Однако, меньше часа назад он забрался сюда сам, пусть тогда его не поймали, однако, догадаться, что он тут был не составляло проблем. Как еще он смог бы попасть на воздушный корабль. К тому же его могли обвинить и в угоне воздушного судна. Настоящим виновником был, разумеется, Оррин Глэр, но кто мог это подтвердить? Оба пилота кобольда погибли, а сам Глэр сгинул во время взрыва корабля и вряд ли его тело смогут найти в ближайшее время, а может и не найдут вовсе.

— Зачем вы меня сюда затащили? — спросил Кенрон у ближайшего кобольда в золотом. — Хотите вылечить, так несите в лазарет. А не хотите, так оставьте на улице, сам дойду.

— Мы лишь выполнили приказ регента Барглиса, — сказал кобольд, он не соизволил повернуть голову в сторону Кенрона, вместо этого разглядывал крупное здание неподалеку.

— Я знаю, что это место запрещено для дайгонцев, — сказал Кенрон. — И я не просил вас меня сюда тащить. Вы сами это сделали.

— Разумеется, за этот случай наказания не последует, — заверил кобольд, по-прежнему смотря куда-то вдаль. — Но не станете же вы отрицать, что уже проникали сюда без какого-либо разрешения.

— Может, я захотел поплавать в пруду, — сказал Кенрон, пытаясь подняться на локтях, — вот только время выбрал неудачное.

— Дозорный на вышке заявил, что вы спрыгнули с корабля незадолго до того, как он взорвался, — без малейших эмоций произнес кобольд в золотом. — Вы не могли там оказаться, не пробравшись сперва в воздушную гавань. Ожидайте лежа. Регент Барглис сам к вам выйдет.

Такой ответ Кенрона не устроил, он сел на скамье, ощупал торс и прикинул, что ходить все же сможет, пусть и недолго, а вот о беге не могло быть и речи.

— Сам регент? — уточнил Кенрон. — Видимо, дело серьезное.

— Можете не сомневаться, — кивнул кобольд.

Дверь здания регентства открылась, на улицу вышли с десятков дайгонцев в черном. Они носили кирасы, каждый был вооружен мечом и кинжалом. Так же носил при себе связку метательных игл, каждая из которых легко могла убить человека, кобольда, и многих из магических тварей, что водились в лесу.

Их называли охотники за головами, дайгонцы, которых Зеннат нанял для помощи в поддержании порядка в Керфене. Так же из соседнего караульного помещения высыпали два десятка кобольдов в броне с мечами и пиками, видимо, местный гарнизон охраны. Вся эта компания выстроилась, образуя коридор от дверей регентства к скамье, на которой лежал Кенрон.

Охрана из людей и кобольдов стояла, молча, ожидая появления регента. То один то

другой поглядывал изредка на Кенрона, тот догадался, что из-за него у всех этих стражей порядка могут возникнуть проблемы. В конце концов, именно они не смогли поймать его, когда он пробирался на корабль.

Наконец, дверь здания распахнулась, на улицу вышел грузный человек в белом костюме и не спеша направился вдоль по коридору из охраны. Вскоре он подошел к скамье и взглянул на Кенрона с нескрываемым удивлением, тот попытался встать на ноги, но не смог. Регент сделал знак рукой, показывая, что Кенрон может и дальше сидеть, при этом один из кобольдов принес Барглису стул и тот уселся напротив юноши.

— Ну и денек, — сказал регент, — сразу два покушения и оба остановлены, но, к сожалению, не моей охраной. А ты, молодой человек, явно в этом деле замешан.

Кенрон кивнул, хотя, не совсем понимал, о каком втором покушении идет речь. Он вспомнил, что видел из окна воздушного судна взрыв недалеко от регентства.

— Нуждаюсь ли я в представлении?

Кенрон помотал головой.

— Я не собирался никому навредить, — заверил он.

— Но навредил, — сказал Барглис. — Оррин Глэр мертв и это твоих рук дело.

Кенрон опустил взгляд.

— Так вы уже знаете.

— Вы вместе с ним проникли на воздушный транспорт, — сказал Барглис, — однако, вы явно пытались добиться разных целей. Ты мог бы примкнуть к нему и выбраться из корабля без риска для жизни, но ты решил дать ему бой. Любопытно.

— Зачем лечить меня, если всех, кто сюда забрался ждет казнь? — спросил Кенрон.

— Твой случай особенный, — сказал Барглис. — В этот раз я закрою глаза на твой проступок, раз ты обезвредил лидера повстанцев.

— Правда? — спросил Кенрон. — Значит, я могу идти?

— Зачем тебе уходить? — удивился Барглис. — Неужели ты уже отказался от своей мечты?

Поначалу Кенрон не понял, о какой его мечте Барглис мог говорить. Они виделись впервые в жизни и, разумеется, регент не мог знать о планах юноши. Однако, он быстро понял, что раз его видели на корабле, покидающем страну, о намерениях его догадаться было не так уж сложно.

— Я хотел взглянуть, что там за границами Дайгона, — сказал Кенрон. — Но нет другого способа покинуть страну, кроме ваших воздушных кораблей.

— Тебе лишь нужно принять мое предложение и тебя ждет награда, — заверил Барглис, — та самая, которую ты жаждешь больше всего.

— Предложение? — спросил Кенрон. — Я думал, вы держите меня тут, чтобы наказать.

— Дозорные уже доложили мне, кто и в чем виноват, — сказал регент. — У меня для тебя есть и плохие и хорошие новости, мальчик. Начнем с плохих. Я не привык рассказывать людям о том, что с их родственниками что-то случилось. Но мне нужно довести до конца дела, которые я начал. И чтобы закончить это дело, я должен сказать, что твоя мать, к сожалению, погибла от рук дайгонского мятежника.

— Моя мать? — прошептал Кенрон. — Быть не может!

— Увы, это так, тому есть несколько очевидцев. Она защитила меня и Лисидию от покушения, которое вполне могло оказаться успешным. Тогда половина страны погрузилась бы в хаос. Некоторые хотят власти так сильно, что готовы разрушить все, что построено до

них.

— Я... не могу поверить, — пробормотал Кенрон. — Наверное, вы что-то путаете.

На самом деле, он почувствовал, еще в воздушном корабле, когда увидел взрыв в городе, что произошло что-то ужасное лично для него. Чтобы осознать, на что будет похожа его жизнь без матери, ему нужно самому остаться в живых, а этого, увы, пока никто не обещал.

— Боюсь, это правда, — сказал Барглис. — Сейчас нет времени горевать. Всем нам сегодня грозила смерть, к счастью, оба лидера мятежников мертвы. И гибели одного из них добился именно ты. Отличная работа, даже мои войны с этим не справились. Теперь к хорошим новостям. Раз лидеры мятежников мертвы, больше беспорядков не предвидится, по крайней мере, в ближайшие годы. Я знаю о том, что Лисидия продавала твоим родителям лекарство, и я обеспечу им твоего отца до конца его дней. Это награда за Нэфиса Надэма. За Оррина Глэра награда полагается тебе. Вот мы и подошли к моему предложению.

Барглис на мгновение замолчал. Кенрон еще какое-то время разглядывал дорогу, выложенную каменными плитами у себя под ногами, затем произнес:

— Продолжайте. Я готов вас выслушать.

— Я хочу, чтобы ты встал на сторону Зенната и возглавил мою охрану, — сказал Барглис. — Ты уже дважды превзошел моих людей, когда смог незаметно для них пробраться на корабль и когда устранил Оррина Глэра, разрушив его отвратительный план. Разумеется, тебе предстоит обучение. Ты собирался повидать другие страны, потому и забрался в грузовой корабль. Вот и отправись за границу с комфортом, а не в трюме для грузов, как ты собирался. Ты не будешь слоняться без дела, а обучишься военному искусству у местных мастеров. Заодно и посмотришь, как у нас все устроено. Будешь первым дайгонцем, покинувшим родину. А обучившись, вернешься и возглавишь этих ребят. Все лучше, чем шататься по лесам. Как тебе?

— В другую страну, правда?

— Да.

— Я хочу сперва посетить похороны матери, — сказал Кенрон.

— Только сегодня я смогу убедить начальство принять ученика из Дайгона. Завтра такого шанса не будет. Посетишь ее могилу, когда вернешься с новыми навыками, знаниями и впечатлениями.

В стальные ворота в стене, окружающей регентство, кто-то громко постучал.

— Одно из главных правил в этом городе — к регенту без спроса не ходят, — сказал Барглис. — Если согласен, отдай приказ стражникам, они покажут, что хоть на что-то годны и выпроводят нарушителя.

— Но кто там за воротами? — спросил Кенрон.

— Какая разница? Мой личный транспортный корабль скоро подготовят. Отдай приказ и можешь садиться в него.

— Я бы хотел знать, кто там и чего им нужно, — сказал Кенрон.

— Вот мой ближайший помощник. — Барглис указал на кобольда в золотом жакете. — Отдай приказ ему.

— Не могли бы вы... — начал Кенрон, обращаясь к кобольду.

— Нет, это не приказ, — остановил его Барглис.

— Я хочу знать, кто там за воротами и что им нужно, — твердо произнес Кенрон.

К его удивлению помощник регента послушно кивнул и отправился к воротом. Вскоре он вернулся и доложил:

— За воротами Дарлид Амелот. Желает видеть своего сына. Он заявляет, что сам станет лидером сопротивления, если его сына не вернут немедленно. Обещает вернуться с целой толпой.

— Ну и дела, — сказал Барглис. — Неужто он решил, что это меня испугает? Что с охранниками?

— Двое кобольдов без сознания, лежат у ворот, — отчеканил помощник.

— Разве это сделало твой выбор проще? — спросил Барглис Кенрона. — Ты собирался проявить самостоятельность и расширить границы того, чего добивались дайгонцы. Неужели, струсил из-за буйного папаши?

— Я не хочу, чтобы отец на вас ополчился, — сказал Кенрон. — Вражда только закончилась, зачем начинать новую?

— Мой начальник охраны одинаково строг к любому нарушителю, — заверил Барглис. — Отдай приказ этим людям выпроводить твоего отца. И путь в другую страну тебе откроется. Тебе ведь не нужно делать это самому, просто скажи им.

— Они выполняют все, что я прикажу? — спросил Кенрон.

— Если это не вредит моим интересам напрямую, — ответил регент.

Кенрон взглянул на охранников, которые, должно быть, так же отказались от связи с родственниками, чтобы полностью отдать себя службе Зеннату. По крайней мере, такие ходили о них слухи. Их набирали из городов, далеких от Керфена, с расчётом на то, что никого из местных жителей не уйдет от наказания из-за жалости к нему охранника.

Наверняка они выполняли все быстро, не задумываясь о том, кому вредят или помогают. Их усердие должно было удвоиться сегодня после двойного провала, о котором говорил регент. Кенрон видел их жадные взгляды. Дайгонцы в черном ждали приказа, который могли бы исполнить, проявив все свое рвение и жестокость, чтобы выслужиться перед регентом.

— Мне нужно несколько человек у ворот, чтобы разобраться с этим делом, — сказал Кенрон и указал на нескольких самых крепких охранников. — Вы пятеро. Кобольды стойте в сторонке, вы только мешаться будете.

Пятеро дайгонцев вышли из строя и направились к воротам. Барглис одобрительно кивнул.

Кенрон поднялся со скамьи и направился вдоль двух рядов людей и кобольдов, составляющих охрану воздушной гавани и смежной с ней резиденции регента. Сам Барглис шел следом.

Кенрон вспомнил, как отец обходился с ним в последнее время, да и, пожалуй, всю жизнь, сколько он себя помнил. Бесконечные тренировки, начались с того момента, как Кенрон смог стоять на ногах. Отец заявлял, что пока он не превзойдет в умении обращаться с мечом, метательными иглами, и в выслеживании добычи всех своих сверстников, у него не будет и лишнего часа, чтобы передохнуть. А когда Кенрон добился этих успехов, отец ни разу не похвалил его, а вместо этого принялся следить за ним. Он не помогал, как бы тяжело Кенрону не пришлось, в какие бы безвыходные ситуации он не попадал. Отец не стал помогать, даже, когда Кенрон не смог спасти кобольда Чафиса.

Дарлид словно бы сам старался держаться на расстоянии от своего сына, зато сейчас, когда зеннатский регент оценил подготовку Кенрона и предложил немислимую награду, отец все же соизволил явиться. Почему же ты сейчас не прячешься в камуфляже, задался вопросом Кенрон, почему решил не позволить мне повидать другие страны?

Мускулистые дайгонцы собрались у ворот. Кенрон осмотрел их оружие, броню. Как он понимал, эти парни отлавливали нарушителей и придавали их иноземному зеннатскому суду, жестокие правила которого имели мало общего с обычаями коренных дайгонцев. Им не терпелось размять кулаки и выслужиться перед регентом. Кенрон набрал в грудь воздуха, не обращая внимания на боль в ребрах. Приказ должен был звучать твердо и повелительно, чтобы ни один из них не подумал его послушаться.

— Действуем по команде на третий взмах рукой, — твердо произнес Кенрон, затем махнул рукой один раз, второй, третий. — Отпереть ворота!

Ближайший к воротам охранник тут же дернул рычаг быстрее, чем кто-либо успел сообразить, что происходит. Механизм раскрыл массивные стальные створки, за ними и вправду стоял Дарлид со сбитыми в кровь кулаками.

Кенрон шагнул к нему, сделав знак рукой бойцам оставаться на месте. Он подошел к Дарлиду и обнял его, отец обнял его в ответ, вдвоем они отправились домой под удивленными взорами зеннатских солдат.

Барглис понимал, что его поездка в соседний дайгонский город Рунфес уже не имеет никакого смысла. Надземная машина превратилась в груды искорёженных обломков, заваленных камнями. Кроме того, у него появились более важные дела. Защиту резиденции нужно было срочно усиливать, и это был уже второй раз за месяц!

Регент ждал, когда кобольды подготовят его личный воздушный корабль к отбытию. Это был небольшой скоростной челнок, рассчитанный на четверых. Барглис держал его в ангаре за резиденцией. Корабль не должен был пострадать при взрывах, но небольшая проверка ему все же требовалась — не хватало, чтобы важная часть корпуса отвалилась на высоте в сотню метров.

Лисидия сказала, что ей нужен небольшой отдых. Она предложила регенту подождать в его кабинете до того, как корабль будет полностью осмотрен, и механики дадут добро на полет. Эту просьбу Барглис отверг, ему захотелось подышать свежим дайгонским воздухом перед отбытием, и краткое отсутствие телохранителя его не испугало. И напрасно.

Прямо перед Барглисом появился дайговец. Мальчишка в черном охотничьем костюме с мечом и кинжалом на поясе. Регент никогда его прежде не видел, но лицо парня он узнал сразу. Юный дайговец походил на Оррина Глэра, которого Барглис встречал несколько раз во время турнира охотников.

Мальчишка молча разглядывал его какое-то время, положив ладонь на рукоять меча. Барглис сглотнул сухой ком. Ему не раз предлагали выучить какие-нибудь защитные или даже атакующие заклинания, обучиться фехтованию или рукопашному бою. На что он говорил, что руководитель, который не может защитить себя с помощью подчиненных, не достоин быть руководителем. Этот мальчишка сейчас легко мог продырявить его мечом, и все из-за одной досадной ошибки. Где же Лисидия, когда она так нужна?

— Не сын ли ты мятежника Оррина Глэра? — спросил Барглис, раздумывая, как ему потянуть время. — Хочешь сделать то, чего не смог твой отец?

— Мой отец только что пытался тебя убить, но погиб, выполняя свою задумку, — сказал Ирман. — Должно быть, не так то просто лишить тебя жизни, зеннаец.

— Значит, решил отомстить? — спросил Барглис, заметно помрачнев.

— Отчего же? — отмахнулся Ирман. — Отец сделал, что хотел и получил то, что заслужил.

— Зачем же ты явился сюда? — спросил Барглис, не скрывая удивления. — Зная моего телохранителя, ты многим рискуешь, парень

— Тот мальчишка, что недавно ушел отсюда, Кенрон, мой приятель, — сказал Ирман. — Я давно хотел обогнать его хоть в чем-то. Можно сказать, это у меня навязчивая идея.

— Рад слышать, что ты не держишь на меня зла, молодой человек. — Барглис хитро сощурился, его глаза почти скрылись в пухлых щеках. — Что же ты здесь забыл? Твой приятель остался в Керфене, соревнуйся с ним, сколько захочешь.

— Кенрон давно хотел повидать другие земли, — сказал Ирман и усмехнулся, представляя то, что собирался сказать дальше. — Что, если я сделаю это раньше него?

— Я нарушу правила, отправив дайгонца в Зеннат, — сказал Барглис, качая головой. — Его я позвал только в качестве награды за спасение.

— Брехня! — бросил Ирман. — Ты хочешь заполучить себе верного дайгонца, который талантлив в охоте и будет делать все, что ты скажешь. Я готов служить тебе, распорядись мной, как хочешь, только возьми в Зеннат!

— Я уже захомотал твоего приятеля, вот увидишь. — Барглис не смог сдержать самодовольной ухмылки. — Он будет работать на меня лишь за то, что я поддержал его в трудную минуту.

— Я выиграю для тебя следующий турнир охотников, — воскликнул Ирман. — Только возьми с собой!

Барглис окончательно убедился в том, что убивать его не собираются. В этот момент из двери резиденции, наконец, появилась Лисидия. Жестом регент показал ей, что дайгонский паренек для него не опасен.

Кобольд механик подбежал и после поклона сообщил, что личный челнок регента полностью готов к отбытию. Барглис напоследок глубоко вдохнул дайгонский воздух, направился к воздушному судну, стоявшему на взлетной площадке, и забрался внутрь. За ним в транспорт ловко запрыгнула Лисидия.

Ирман Глэр подошел к ним, он молча смотрел на Барглиса снизу-вверх, все еще ожидая ответа.

Через несколько мгновений челнок поднялся в воздух. Кобольды ремонтники на площадке заворуженно смотрели, как он набрал высоту, постепенно превратился в точку в небе, после чего скрылся за облаками.

Прошло четыре года, прежде чем Ирман Глэр вновь ступил на дайгонскую землю.

Больше книг на сайте - Knigoed.net